

Исследование посвящено изучению альтернативности (многовариантности) исторического развития как феномена исторического сознания и как явления исторического прошлого. В историографических разделах с позиций дискурсивного анализа систематизируются, обобщаются и критически сопоставляются подходы к проблеме альтернативности у российских и западных авторов. В методологической части предложены авторские подходы к интерпретации и использованию понятий «исторический выбор», «историческая возможность», «историческая неизбежность», «обратимость и необратимость истории», «историческая случайность», «историческая вероятность». Феномен альтернативности в истории рассматривается с точки зрения взаимодополняемости историософских, социологических, культурологических, синергетических и математических подходов. Книга может представлять интерес не только для специалистов по социальным наукам, но и для всех, кто, интересуясь историей, хочет глубже понимать механизмы исторического сознания.

Алексей Бочаров

Алексей Бочаров

Кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Томского государственного университета. Изучает проблемы теоретической истории и исторической информатики. Ведёт учебные курсы "Методы исторического исследования", "Контент-анализ в гуманитарных науках" и другие. Служебная web-страница: <http://klio.tsu.ru/Bocharov.htm>.

9 783843 301046 978-3-8433-0104-6

Альтернативность исторического развития

Алексей Бочаров

Альтернативность исторического развития

историография и методология проблемы

 LAMBERT
Academic Publishing

Оглавление

Введение	3
ГЛАВА I. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	9
1.1. Идея альтернативности в советской исторической науке в 1960-е – начале 1980-х гг.....	9
1.2. Изучение проблемы альтернативности исторического развития в годы перестройки.....	36
1.3. Место и роль идей К. Маркса и Ф. Энгельса в понимании альтернативности исторического развития в советской науке: опыт дискурсивного анализа.....	74
1.4. Проблема альтернативности исторического развития в работах М. Я. Гефтера.....	93
1.5. Математические подходы к изучению альтернативности исторического развития в советской историографии.....	105
1.6. Значение советского периода в развитии идеи альтернативности исторического развития.....	112
1.7. Идея альтернативности исторического развития в российской исторической науке в 1992-2001 гг.	114
1.7.1. Осмысление альтернативности исторического развития России	114
1.7.2. Культурологические подходы.....	120
1.7.3. Историософские подходы.....	130
1.7.4. Социологические подходы.....	144
1.7.5. Синергетические подходы.....	152
1.7.6. Математические подходы.....	165
1.7.7. Идея альтернативности исторического развития в контексте феномена «фольк-хистори».....	171
1.8. Современная историографическая ситуация по проблеме альтернативности исторического развития в российской исторической науке.....	176
ГЛАВА II. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.....	181
2.1. Теоретические основания использования категории «свобода воли» в историческом познании.....	181
2.1.1. Разделение свободы действия, свободы выбора и свободы воли.....	182
2.1.2. Диалектический и антиномистский подходы к проблеме свободы воли.....	186
2.1.3. Экзистенциальный подход к пониманию свободы воли.....	191
2.2. Методологические аспекты использования понятия «случайность» в изучении исторических альтернатив.....	198
2.2.1. Понимание исторической случайности в историософии Р. Арона.....	199
2.2.2. Понимание исторической случайности в историософии М. А. Алданова.....	201
2.2.3. Типология определений исторической случайности.....	205
2.2.4. Определение исторической случайности как пересечения независимых причинных цепей.....	207

2.2.5. Определение «исторической случайности» как незначительного события, имевшего значительные последствия.	213
2.2.6. Опыт корректного определения понятия «историческая случайность».....	216
2.3. Теоретические аспекты использования категории «возможность» в историческом познании.	220
2.4. Соотношение выбора историка и выбора субъектов исторической деятельности.	227
2.4.1. Оценка историком роли исторического деятеля в альтернативности исторического развития.	228
2.4.2. Навязывание историком своего понимания рациональности субъектам исторического выбора.....	232
2.4.3. Проблема адекватности математического контрфактического моделирования истории.	238
2.4.4. Проблема адекватности документально-художественного моделирования несостоявшейся истории.	243
2.5. Методологические аспекты использования понятия «вероятность» в изучении исторических альтернатив.	250
2.5.1. Частотный подход к исторической вероятности.	252
2.5.2. Индуктивный подход к исторической вероятности.	258
2.5.3. Использование классического определения математической вероятности в изучении исторической вероятности.	263
2.5.4. Использование определения субъективной вероятности в изучении исторической вероятности.....	266
2.5.5. Использование логики марковских и немарковских процессов в изучении исторической вероятности.	269
2.5.6. Опыт разработки эмпирического метода измерения исторической вероятности	273
Заключение	282
Список источников и литературы	293
Источники.....	293
Литература	300

Введение

Историк может изучать два вида исторических возможностей. Первый вид – это возможность как предположение о неизвестных нам событиях исторического прошлого. Действительность здесь не считается с нашими догадками. Наоборот, наши догадки и альтернативные модели заполнения «белых пятен» истории должны сообразоваться с действительностью. Вторым видом возможности подразумевается ситуация, когда не осуществившаяся (ещё или уже) действительность мыслится как реализация одной из альтернатив (от латинского *alter* – один или другой из двух – возможность или необходимость чего-то иного по отношению к данному). Возможность при этом понимается как свойства существующей исторической ситуации, обуславливающие изменение этой ситуации.

Предлагаемое исследование посвящено второму виду возможностей, его изучению в исторической науке и его свойствам как феномена исторического сознания и как явления исторического прошлого. Выбор темы обусловлен постановкой следующих исходных проблем: 1) Каковы место и роль идеи альтернативности исторического развития в российской исторической науке? 2) Является ли альтернативность развития в историческом прошлом только полезным прикладным аналитическим ходом мысли и имеет отношение только к интеллектуальной исторической рефлексии, или же она имеет также самодавлеющий теоретический смысл и особое конкретно-историческое содержание? Такая постановка проблем обуславливает наличие двух взаимосвязанных и взаимодополняющих компонент работы – историографической и методологической.

Альтернативность исторического развития это один из наиболее функциональных феноменов исторического сознания. Осознание или отрицание возможности иного хода событий часто служит основной причиной обращения к прошлому. Когда же впервые возникает осознание альтернативности исторического развития? Наверное, тогда, когда историки

начинают объяснять ход событий не волей богов, а волей человека. Рассуждения в сослагательном наклонении можно найти уже у древнеримских историков. Так, например, на рубеже нашей эры Тит Ливий в своей «Истории Рима от основания города» в Книге IX рассуждает о том, смог бы или нет, Александр Македонский победить римлян, если бы переправился в Италию. В эпоху Возрождения, историки также нередко обращаются к рассуждениям о разных возможных последствиях выбора, который мог бы сделать, но не сделал какой-либо исторический деятель. Например, знаменитая книга Николло Макиавелли «Государь» в начале XVI века переполнена рассуждениями в сослагательном наклонении. Впрочем, поиск изначальных историографических истоков темы альтернативности не входит в наши задачи. Речь пойдёт только о периоде, когда альтернативность исторического развития осознаётся как особая методологическая проблема, требующая специального изучения.

Можно выделить два основополагающих противоположных подхода в изучении альтернативности прошлого. В первом случае историк не выходит за пределы состоявшегося прошлого, он рассматривает действительно содержавшиеся в прошлом возможности. Причём, отвечая на вопрос «могло ли быть иначе?», разные историки могут давать кардинально противоположные ответы по отношению к одной и той же исторической ситуации. Существует иной подход к пониманию альтернативности исторического развития, связанный с выходом за пределы состоявшейся истории и контрфактическим моделированием событий. В этом случае историк может руководствоваться противоположными целями. Первая цель обращения к несостоявшейся истории – доказать, что могло быть только то, что было. Вторая цель – доказать, что всё могло быть иначе, и мог реализоваться вариант, противоположный действительному прошлому.

Каковы достоинства и недостатки вышеназванных подходов? Как можно применять их в практике исторического исследования? Какие проблемы, не

поддающиеся решению при иных подходах, могут продуктивно решаться с помощью исследования альтернативности исторического развития? Какие теоретические направления существуют в понимании многовариантности истории в российской историографии, и каковы этапы развития этих направлений? В чём состоят взаимосвязи и противоречия между ними? Каковы дискурсивные характеристики развития идеи альтернативности в советской и постсоветской исторической науке? Как подходы к проблеме альтернативности у российских историков соотносятся с опытом западной исторической мысли? Каковы метафизические, логические, социально-психологические основания и эмпирические методы изучения альтернативности исторического развития? Какие лакуны существуют в понимании проблемы альтернативности и как их можно восполнить? Это вопросы, которым посвящено предлагаемое читателю исследование.

Безальтернативное понимание развития на концептуальном уровне обеспечивает исследователю удобную опору для отбора фактов, подтверждающих его теорию и игнорирование фактов, расходящихся с ней. Подчас это может привести к исчезновению мотивов для поиска новых фактов и новых объяснений для известных фактов. Существуют исторические явления, которые при безальтернативном видении истории даже не попадают в поле зрения историка.

Расхожие фразы о том, что история не имеет (не знает, не терпит, не допускает, не любит, в ней нет) сослагательного наклонения, или – историческая наука исключает (в ней не применимо, не допустимо) сослагательное наклонение, буквально заполонили публицистику, а отчасти и аргументы историков-профессионалов. Это явление могло бы стать интересным объектом исследования для меметики – науки, описывающей в терминах генетики размножение, распространение, отбор, мутации и смерть

мемов – элементарных единиц, квантов культуры.⁸ Такими информационными квантами – мемами, могут выступать в том числе и сформулированные идеи, литературные клише и обороты используемые авторами печатных работ. Жизнь мема можно представить по аналогии с траекторией распространения вируса, который может существовать только в клетке инфицированного носителя. Носителями мема «история не имеет сослагательного наклонения» в нашем случае являются рассуждения историков, посвящённые историческому опыту, «урокам истории», выбору, сделанному субъектами исторической деятельности в переломных ситуациях, неожиданным изменениям хода событий под воздействием случайностей.

Характерно, что вслед за утверждением о недопустимости сослагательного наклонения в истории или перед ними очень часто звучат рассуждения именно в сослагательном наклонении. Это, с одной стороны, показывает необходимость этого самого «сослагательного наклонения» в изучении исторического прошлого, а с другой стороны, свидетельствует об отсутствии, или, по крайней мере, неразвитости методологической рефлексии по данной проблеме. Для значительной части отечественных историков вся методология по этому вопросу чаще всего сводится к ещё одному мему, а именно: «изучать то, что могло бы быть, следует для того, чтобы понять, почему всё произошло именно так, а не иначе». Думается, что проблема альтернативности исторического развития в силу своей важности и сложности не должна сводиться к функционированию мемов.

Критическая масса авторских публикаций по теме альтернативности к началу 2000-х годов достигла такого предела, что потребовала специального обобщающего исследования, которое автор и попытался осуществить.

В российской исторической науке накоплен достаточно обширный и самобытный опыт по изучению проблемы альтернативности, который нуждается в обобщении, творческом осмыслении и развитии.

⁸ Своё имя меметика (meme, от англ. memory – память) получила от термина мем, предложенного в

Несмотря на солидную историю развития, новое направление научного анализа еще окончательно не сформировалось не только в отечественной науке, но и за рубежом. Нет не только выверенной методологии, но даже общепризнанного названия. Употребляются понятия «альтернативность развития», «многовариантность истории», «альтернативистика», «ретроальтернативистика», «ретропрогностика», «виртуальная история», «несостоявшаяся история», «контрфактическое моделирование». Между всеми этими направлениями не ищется согласования. Повсеместно употребляются, но теоретически недостаточно осмысляются и методически не осваиваются такие понятия как «историческая возможность», «историческая вероятность», «историческая случайность», «свобода выбора». Предлагаемая работа является попыткой преодоления этих недостатков.

Отталкиваясь от предшествующего опыта изучения проблемы альтернативности исторического развития, будет сделана попытка выработать новый подход к пониманию этой проблемы. На этом пути предпочтение отдаётся не декларированию окончательных ответов на вопросы, а установке критериев корректной формулировки вопросов и ответов. Сложность и многомерность проблематики потребовала всестороннего междисциплинарного рассмотрения.

В рамках вышеуказанного междисциплинарного подхода в историографических разделах работы, применён метода анализа дискурсивных практик (по М.Фуко) к изучению периодизации изучения альтернативности истории от идей К. Маркса и Ф. Энгельса до увлечения историков синергетикой.

При поиске метафизических философских оснований теоретического изучения альтернативности в истории сделана попытка установить области пересечения или взаимодополнения для антиномизма (Кант), диалектики (Гегель), интуитивизма (А. Бергсон, Н.О. Лосский, С. А. Левицкий),

1976г. Р. Даукинзом для обозначения элементарной единицы трансляции социальной информации.

экзистенциализма (С. Кьеркегор, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сарт), позитивизма (П. С. Лаплас) и неопозитивизма (Л. Витгенштейн, К. Гемпель).

Для построения синтетической теории исторической вероятности рассмотрена взаимодополняемость концепций вероятности Г.В.Лейбница, А. А. Маркова, Р. Мизеса, А. Н. Колмогорова, Р. Карнапа, Дж. Кейнса, Г. Рейхенбаха, Л. Заде.

Тема альтернативности истории всегда оставалась актуальной в массовом историческом сознании, представленном, прежде всего, в публицистике и СМИ. В поисках исторических истоков и исторических уроков для современной ситуации историческое сознание склонно обращаться к аналогиям с прошлым. Тезис советского историка начала XX века М. Н. Покровского о том, что «история есть политика, опрокинутая в прошлое», сохраняет свою актуальность, несмотря на все политические и историографические перевороты. Исторические аргументы в сослагательном наклонении стали ещё одним оружием в «войне за прошлое». Несостоявшаяся, но возможная история стала одним из «полей битвы» в информационных войнах современной пропаганды. В связи с этим многогранное и системное понимание различных аспектов проблемы альтернативности истории, помимо научной значимости может иметь также и социально-практическую значимость. Такое понимание позволит любому образованному человеку более осознанно относиться к попыткам навязать ему с помощью аргументов в сослагательном наклонении какой-либо «единственно верный» взгляд на историю.

ГЛАВА I.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

1.1. Идея альтернативности в советской исторической науке в 1960-е – начале 1980-х гг.

С какого времени начинать советскую историографию исследований альтернативности исторического развития как особой теоретической и методологической проблемы?

В январе 1964г. состоялось расширенное заседание секции общественных наук Президиума АН СССР, посвященное вопросам методологии истории. С докладами выступали ведущие академики: П. Н. Федосеев, П. Н. Пospelов, Б. А. Рыбаков, И. И. Минц, В. В. Виноградов и др.⁹ Заседание такого уровня впервые посвящалось проблемам развития методологических исследований в исторической науке, подводились итоги и намечались перспективы. Ни в одном из докладов не упоминалось ни понятие альтернативности, ни категория возможности применительно к историческим процессам. Это означает, что в предшествующий период в советской исторической науке проблема альтернативности не была предметом теоретических исследований и не использовалась сознательно в эмпирических исследованиях.

Однако, толчок развитию методологии был дан, и поэтому проблема альтернативности исторического развития, как одна из принципиальных для познания прошлого, неизбежно встала бы перед историками в ближайшее время, что и произошло.

Особую роль в разработке проблемы альтернативности сыграл М. Я. Гефтер. В 1964г. он создал и возглавил сектор методологии истории при Институте истории АН СССР. В значительной степени благодаря именно его

⁹ О Методологических вопросах исторической науки // Вопросы истории. 1964. №3. С.3-66.

инициативе в задачи сектора методологии истории вошла проработка идеи многовариантности исторического развития. М. Я. Гефтер полагал, что без категории «альтернатива развития» современный историк не может придать единство и последовательность историческому мировоззрению.

В советской литературе понятие альтернативы, выбора путей общественного развития первоначально сформировалось в контексте рассмотрения перспектив стран «третьего мира», как обозначение проблемы вариативности политической и социальной эволюции стран Азии, Африки и Латинской Америки. Общеисторический характер проблемы альтернативности был осознан не сразу.

Таким образом, 1964г. можно принять за отправную точку нашего историографического анализа.

Первым методологические аспекты проблемы альтернативности исторического развития рассмотрел А. Я. Гуревич в статье «Общий закон и конкретная закономерность истории». Рассмотрение проблемы альтернативности исторического развития в рамках проблемы соотношения и взаимосвязи социологических и конкретно исторических закономерностей станет традиционным для советских историков, именно таким подходом будет руководствоваться большинство советских авторов, писавших об альтернативности истории.

В своей статье А. Я. Гуревич писал, что «в советской научной литературе совершенно недостаточно разработаны такие существенные категории исторического материализма, как возможность и необходимость, закономерность и случайность в применении к анализу конкретных исторических процессов».¹⁰ Автор отмечает, что вследствие неизученности содержания категории возможности пока можно лишь попытаться в общей форме наметить некоторые пути ее исследования. Проблему альтернативности А. Я. Гуревич выводит следующим образом: «Если мы исходим из положения,

что одним из признаков конкретной исторической закономерности является то, что она выступает как равнодействующая участвующих в движении социальных сил, как своего рода средняя статистическая всех действующих в данный момент одинаково и разно направленных волей ..., то не следует ли предположить в каждый такой момент возможность и различных вариантов исторического развития?»¹¹

А. Я. Гуревич наметил подход к проблеме соотношения субъективных и объективных факторов, ставшей в дальнейшем обязательной для исследований альтернативности: «Активность и энергия общественных деятелей, партий, классов приводят к победе и осуществлению одних имеющихся тенденций к подавлению других. Но активность и эффективность действий масс, групп и индивидов определяются бесчисленными и практически непредвиденными обстоятельствами... они накладывают отпечаток на процесс, отключая его «вектор», ускоряя либо замедляя ход, а нередко и существенно меняя характер этого процесса».¹² В качестве примера приводятся революционные ситуации, в условиях которых возможны разные исходы: либо революционный взрыв, либо расшатывание и изживание революционного накала.

Каков же диапазон подобных «колебаний вектора»? По мнению А. Я. Гуревича, ответ, гласящий, что исторический закон прокладывает себе дорогу через хаос случайностей, может считаться удовлетворительным в социологии, но недостаточен в исторической науке. От историков требуется анализ всех имевших место конкретных явлений и детальное их объяснение.

А. Я. Гуревич считал, что фатальной неизбежности именно данного хода событий никогда нет. В связи с этим А. Я. Гуревич анализирует понятие исторической случайности, которое трудно обойти стороной при рассмотрении проблемы альтернативности. Он пишет: «Если считать историческую необходимость инвариантной или допускающей лишь несущественные

¹⁰ Гуревич А.Я. Общий закон и конкретная закономерность истории // Вопросы истории. 1965. №8. С.23-24.

¹¹ Там же.

«отклонения от нормы» (типа небольшой отсрочки или ускорения того или иного события, выполнения поставленной историей задачи другим героем, вместо действительно фигурировавшего в ней персонажа и т.п.), то в этом случае следовало бы доказать, что так называемые случайности на самом деле взаимно уравновешиваются, вследствие чего не могут иметь существенных последствий. Но как это можно доказать? Вместе с тем, что мешает предположить обратное, а именно суммирование случайностей одного рода, приводящее существенному «отклонению вектора»; что могло породить иной вариант развития».¹³ Автор утверждает, что «из того, что мы именуем случайностями, и складывается конкретная закономерность... историческая закономерность не существует вне случайностей».¹⁴

Определение исторической случайности дается следующее: «случайность на одном уровне в одной системе развития в то же время есть закономерность на другом уровне исторического процесса, в другой системе отношений».¹⁵ Примером вторжения случайности, не обусловленной внутренними закономерностями, но заметно изменившей ход исторического развития могут служить колониальные захваты XVI-XIV вв. Они представляли закономерный результат предшествовавшего развития западной Европы по пути капитализма, но в истории народов Америки, Азии, Африки и Австралии эти захваты не вытекали закономерно из их внутреннего развития в предшествующую эпоху.

Методологическую важность изучения альтернативности исторического развития А. Я. Гуревич видит в том, что при понимании закономерности исторического процесса как неотвратимости и однозначности конкретное объяснение истории сделалось бы, по существу, излишним: достаточно было бы постулировать общие законы и в каждом данном событии находить их проявление.¹⁶

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 27.

¹⁴ Там же. С. 29.

¹⁵ Там же. С. 26.

¹⁶ Там же. С. 29.

А. Я. Гуревич в этой статье отмечал, что западные критики марксизма (К. Лёвит, И. Гоммес и др.) неправомерно утверждают, что марксизм предполагает жёсткий механизм действия общественных законов. А. Я. Гуревич утверждает, что нельзя «приписывать фатализм революционной философии, развязавшей инициативу широчайших масс народа».¹⁷

В сборнике «Философские проблемы исторической науки», вышедшем в 1969 г., А. Я. Гуревич в статье «Об исторической закономерности» развил и дополнил свой взгляд на альтернативность истории.

Во-первых, намечен подход к связи изучения исторических альтернатив с социальной практикой. Автор пишет: «...категория исторической возможности особенно важна в том пункте исторического исследования, где история от изучения прошлого переходит к выводам на будущее».¹⁸

Во-вторых, используется категория вероятности, как мера возможности. Перечисляя условия осуществления разных исторических возможностей, автор замечает, что «вероятность осуществления каждого из вариантов неодинакова», что «историческое развитие – открытая система с неограниченным «набором» вероятностей».¹⁹

Рассматривая причины отказа историков от признания альтернативности исторического развития, А. Я. Гуревич указывает на опасность апологетики прошлого и настоящего и ищет истоки такой апологетики в философии Гегеля. Поскольку «переиграть» историю невозможно, нельзя и проверить иные варианты, если они и намечались в прошлом. Ретроспективный взгляд на историю благоприятствует возникновению чувства уверенности в том, что действительно происшедшее в истории было единственно возможным и неотвратимым. Автор замечает, что в утвердившееся в науке в XIX в. убеждение в закономерности прогресса общества с самого начала несло на себе сильный отпечаток влияния гегелевских идей. Уже в первой части формулы

¹⁷ Там же. С. 23.

¹⁸ Гуревич А.Я. Об исторической закономерности // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С.12.

Гегеля . «Все действительное разумно, все разумное действительно» бесспорна апологетика современной ему действительности. Еще с большей силою эта апологетика сказывается во второй части формулы: «все разумное действительно». «Это гегелевское положение, – пишет он далее, – исходит из идеалистического представления о законе истории, стоящем над людьми, тогда как на самом деле закономерности истории суть не что иное, как результат каждый раз конкретно складывающихся обстоятельств».²⁰

В конце 1960-х начале 70-х годов в советской исторической науке возникает так называемое «новое направление», в которое вошли историки, объединившиеся вокруг сектора методологии истории Института истории АН СССР. Их деятельность подробно рассматривалась в историографии.²¹ В «новое направление» входили М. Я. Гефтер, К. Н. Тарновский, И. Ф. Гиндин, А. М. Анфимов, А. Я. Аверх, П. В. Волобуев и др.

Идея альтернативности исторического развития присутствовала в работах большинства приверженцев нового направления. Обобщая результаты своих исследований, выявивших многоукладность, незрелость капиталистических отношений в России перед революцией И. Ф. Гиндин писал: «В итоге исторически краткого существования русского капитализма наша страна стояла перед скрещением ряда альтернативных путей своего развития».²²

При изучении истории российских революций, по новому осмыслялась проблема соотношения стихийности и сознательности. Со времени выхода «Краткого курса» истории ВКП(б) восторжествовала схема, согласно которой ни о какой стихийности в развитии событий 1917г. говорить не приходится, ибо большевики были организаторами и вдохновителями не только

¹⁹ Там же. С. 73-74.

²⁰ Там же. С. 75-76.

²¹ Некрич А. Отрешившись от страха: воспоминания историка. Лондон, 1979; Поликарпов В.В. «Новое направление» 50-70-х гг.: Последняя дискуссия советских историков // Советская историография. М., 1996; Неретина С.С. История с методологией истории // Вопросы философии. 1990. №9; Юдельсон А. В. Методологический поиск советских историков в 1960-е гг.: к вопросу об «оттаявшем» во время историографической «оттепели» // Образы историографии: сборник статей. М., 2000.

Октябрьской, но и Февральской революции (что было, отметим, большой натяжкой). П. В. Волобуев подчеркивал, что стихийные взрывы революционной борьбы свидетельствовали о глубинных корнях движения, его силе и жизненности.²³

В 1970г. на Международном историческом конгрессе в Москве П. В. Волобуев выступил в секции «Ленин и история», остановившись, разумеется, со ссылками на Ленина на вопросе о том, что в России в начале XX в. существовала альтернатива: либо победа прусского, либо победа американского пути аграрной эволюции страны. В своих воспоминаниях П. В. Волобуев пишет: «Присутствовавшие на конгрессе историки из Академии общественных наук и Института марксизма-ленинизма сначала промолчали, а потом задним числом объявили, что Волобуев проповедует буржуазную теорию альтернатив».²⁴ Эти обвинения – пишет П. В. Волобуев, – «подвигли на то, что я вынужден был в дальнейшем написать книгу «Выбор путей общественного развития: теория и история современности»».²⁵

Поскольку сторонники «нового направления» не хотели признавать свои «ошибки», то их сначала стали критиковать в печати. Затем, в марте 1973г. состоялось совещание в отделе науки ЦК, на котором «новое направление» было охарактеризовано как «ревизионистское» и заявлено, что оно представляет собой покушение на теоретические, программные, стратегические и тактические основы ленинизма.²⁶

Тем не менее, в эти годы проблема альтернативности начала постепенно входить в дискурс советского историописания. Некоторые авторы, не обращаясь к теоретическим аспектам идеи альтернативности, развития могли использовать её в конкретно-исторических работах. Так, например, в 1973г. известный турковед А. Ф. Миллер в статье «Становление Турецкой

²² Гиндин И. Ф. Социально-экономические итоги развития российского капитализма и предпосылки революции в нашей стране // Свержение самодержавия. М., 1970. С. 86.

²³ Академик П. В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000. С. 36.

²⁴ Там же. С. 37.

²⁵ Там же.

Республики» предполагает «могло ли новое турецкое государство стать не республикой, а новым султанатом, королевством или монархией» и показывает невозможность реализации такой исторической альтернативы.²⁷ Статья А. Ф. Миллера впервые была опубликована в 1973г. в №6 журнала «Народы Азии и Африки» и посвящалась пятидесятилетию Турции.²⁸ Во время правления Кемаля Ататюрка Турция была в дружественных отношениях с СССР, в послевоенный период СССР не имел конфликтов с Турцией. Если бы автор приводил доводы того, что образование в начале 20-х годов Турецкой республики не предопределено, сомневаться в неизбежности этого события, посвящать значительную часть статьи монархическим и империалистическим силам, – это было бы аналогично тому, как если бы друг именинника сомневался в его законорожденности, перечислял его недостатки и слабости и находил преимущества у его врагов. Очевидно, подобные установки юбилейной статьи повлияли на анализ описанных в ней событий. Эта работа А. Ф. Миллера свидетельствует, в какой тесной связи находилась проблема альтернативности с официальной советской идеологией.

В советской историографии столкновение ортодоксальных и неортодоксальных установок по отношению к теме альтернативности исторического развития обуславливалась в немалой степени тем, что эта тема была весьма популярной в западной исторической науке. Идею альтернативности часто использовали критики марксистской историографии.

Как пример догматического отвержения идеи альтернативности можно привести рассуждения Е. Б. Черняка, он писал: «В последнее время буржуазная историография усердно пытается атаковать марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях с помощью идеи альтернативности в общественном развитии и выдать революции XX века – прежде всего три революции в России – за один из возможных «вариантов» социальной

²⁶ Там же. С. 38.

²⁷ Миллер А. Ф. Турция: актуальные проблемы новой и новейшей истории. М., 1983, С. 132-140.

трансформации. Идея альтернативности увязывается с теорией «модернизации», являющейся по сути дела опрокинутой в прошлое известной фальшивой теорией конвергенции. Разумеется, было бы нелепостью отрицать существование на определённых этапах альтернативных возможностей исторического развития стран и регионов. Однако эти альтернативные возможности существуют в рамках общих законов исторического развития и нисколько не отменяют действия этих законов, в частности закона социальной революции как формы перехода от одной общественно-экономической формации к другой».²⁹

Авторы, изучавшие проблему альтернативности, помимо «щита» из цитат К. Маркса и Ф. Энгельса должны были критиковать ошибочное с точки зрения марксизма понимание альтернативности западными авторами. Иначе исследователь рисковал быть вытеснен из академической науки, как это случилось, например, с М. Я. Гефтером. В целом, если мы проследим изменение отношения советских исследователей к пониманию идеи альтернативности в западной историографии, то можно выделить следующие этапы: 1) Идеологическое противостояние, позиция защиты; 2) Критика методов и логики, позиция изучения; 3) Констатация различий, позиция ознакомления; 4) Отказ от критики, переходная позиция на грани принятия, но ещё в рамках марксизма; 5) Попытка синтеза, позиция сотрудничества.

Первое исследование в советской методологии истории, специально посвященное анализу теоретико-методологических проблем альтернативности проведено Б. Г. Могильницким в 1974г. в статье «Альтернативность исторического развития в ленинской теории народной революции» Проблема альтернативности рассматривается уже как самостоятельная проблема, а не как часть проблемы соотношения социологических и конкретно-исторических закономерностей. Изучение альтернативности исторического развития

²⁸ Миллер А. Ф. Становление Турецкой Республики. К пятидесятилетию // Народы Азии и Африки. 1973. № 6.

связывается с современной историкой социальной и политической практикой. Статья заканчивается выводом: «Сделать исторически правильный выбор альтернативы, определить социальные и политические условия его осуществления – такова в настоящее время одна из важнейших социальных функций исторического познания».³⁰

Б. Г. Могильницкий исходит из положения, что «исторический процесс инвариантен и альтернативен».³¹ Инвариантным является исторический процесс в своей главной тенденции, выражающейся в неодолимости экономического и социального прогресса общества, которая, однако, не реализуется автоматически, по мере достижения обществом определенного уровня развития производительных сил, а пробивает себе дорогу в острой борьбе с тенденциями противоположного порядка. Причем, если во всемирно-историческом плане представляется возможным говорить о поступательном экономическом и социальном прогрессе как законе истории, то это не означает, что в каждом конкретном условиях места и времени обязательно торжествует прогресс. Истории известны многочисленные факты длительного регресса и даже гибели целых цивилизаций.³²

По Б. Г. Могильницкому, конечная победа какой-либо одной из этих тенденций-альтернатив не запрограммирована в самом историческом процессе, она всегда выступает как результат сложного взаимодействия объективных и субъективных факторов, их определенной комбинации, складывающейся в ходе деятельности людей. Автор замечает, что «было бы при этом упрощением полагать, что необходимо побеждает тенденция, в наибольшей степени

²⁹ Черняк Е. Б. Рецензия на книгу Б.И.Макрушина, Г.З.Иоффе, Н.В.Романовского «Три революции в России буржуазная историография». М., 1977 // Новая и новейшая история. 1978, №6 С. 183.

³⁰ Могильницкий Б.Г. Альтернативность исторического развития в ленинской теории народной революции // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 9. Томск, 1974. С 13.

³¹ Там же. С. 3.

³² Там же. С. 4.

отвечающая назревшим потребностям развития общества, нередко происходит как раз наоборот».³³

Связь теоретического и практического аспектов в изучении альтернативности в истории анализируется на основе работ В. И. Ленина. Уверенность В. И. Ленина в победе пролетарской революции в России, полагает автор, не была историческим фатализмом, она предполагала необходимость борьбы за реализацию тех объективных возможностей революционного преобразования страны, которые были заложены в русской действительности. Ибо в той же самой действительности скрывались и противоположные возможности. Ссылаясь на В. И. Ленина, Б. Г. Могильницкий подчеркивает особую важность для появления и изучения альтернативных тенденций переломных, кризисных периодов в историческом процессе, так как именно в революционные периоды «проявляется с наибольшей силой непосредственная роль разных классов в определении форм социальной жизни, создаются основы политической «надстройки», которая долго держится потом на базе обновленных производственных отношений».³⁴ Вследствие этого природу альтернативности в истории можно лучше всего понять, изучая переломные моменты исторического процесса. Основной причиной возникновения тенденций-альтернатив он считает «противоречивость реальной действительности, в которой существуют или противоборствуют различные экономические и социальные формы».³⁵

В данной статье, был затронут ещё один аспект альтернативности, который в дальнейшем станут рассматривать многие авторы – использование идеи альтернативности в сравнительно-историческом анализе. Б. Г. Могильницкий пишет в заключение своей работы: «...многообразие форм феодализма, различие темпов исторического развития в феодальную эпоху в разных странах и частях света, явления регресса, имевшие в это время место у

³³ Там же.

³⁴ В.И. Ленин. ПСС. Т.16. С.23-24.

³⁵ Там же. С. 13.

ряда феодальных обществ, – всё это в конечном результате является следствием борьбы различных тенденций-альтернатив, порождавшихся средневековой действительностью».³⁶

Одним из исторических эпизодов, неизменно привлекавшим внимание отечественных историков, было движение декабристов. В советской историографии долгие годы главным официальным авторитетом в этой области была академик М. В. Нечкина. Она не могла обойти вопрос об альтернативности развития событий в истории декабристского движения уже в силу того, что этот вопрос постоянно возникал у всех, кто сталкивался с историей этих событий. В своей книге «День 14 декабря 1825 года» она пишет: «Учащаяся молодёжь нередко задаёт вопрос, могли ли декабристы победить. Исторiku в подобных случаях запрещено сослагательное наклонение. Если не менять произвольно создавшихся условий их действий (включая сюда, разумеется, и рылеевский вывод, «что Трубецкой и Якубович изменили», сохраняя неожиданность смерти Александра I и вынужденную дату восстания) они и не могли победить».³⁷

Однако был историк, не согласный с такой трактовкой – это Н. Я. Эйдельман. Его творчество было особенно нетипичным для сложившейся в 1970-е годы историографической ситуации. Столь же нетипичным стало и осмысление проблемы альтернативности исторического развития в его книгах. А. Г. Тартаковский пишет, что о Н. Я. Эйдельмане, что он с первых же шагов своего творчества восстал против системы недомолвок и «белых пятен» табуированной историографии и официозного литературоведения – запретных тем для него не существовало.³⁸ Н. Я. Эйдельман почувствовал, что отрицание альтернативности, помимо научно-философского догматизма, таит в себе и нравственный изъян, ибо оборачивается апологией возвысившихся над обществом деспотических режимов и служит оправданию политического

³⁶ Там же.

³⁷ Нечкина М. В. День 14 декабря 1825 года. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1975. С. 345.

конформизма.³⁹ Особенно равнодушно автор относился к непререкаемым утверждениям об исторической неизбежности поражения восстания декабристов. В свое время А. И. Герцен проницательно заметил, что «попытка 14 декабря вовсе не была так безумна, как ее представляют» и что «это-то и было с ужасом понято правительством».⁴⁰ Отталкиваясь от этой мысли, а также от несколько наивного мнения П. В. Долгорукова о том, что они вполне могли бы победить – «следовало только восстать ночью», Н. Я. Эйдельман еще в 1973г. высказался со всей определенностью: «Не совсем ясными и доказательными представляются суждения некоторых историков и литераторов о том, что декабристы были обречены на стопроцентный неуспех. Действительно, слабости этого движения, отсутствие массовой основы определяли большую вероятность неудачи, и эта вероятность 14 декабря «сработала». Однако могла ведь осуществиться и меньшая вероятность: кто-то из декабристов (Якубович, например) мог бы, конечно, убить Николая I, восставшие лейб-гренадеры без труда могли бы завладеть дворцом. Об этих возможностях, как вполне реальных, вспоминал позже сам царь. Тогда могла бы образоваться ситуация, при которой власть в Петербурге перешла бы к восставшим <...> В случае хотя бы временного захвата столицы 14 декабря были бы изданы важные декреты – о конституции, крестьянской свободе, что, конечно, имело бы значительное влияние на историю. Этого не случилось, хотя, бывало, осуществлялись куда менее вероятные события, например, «сто дней» Наполеона, которые могли быть пресечены случайной пулей сторонников Бурбонов».⁴¹

А. Г. Тартаковский замечает, что над возможностью победы декабристов Н. Я. Эйдельман задумался еще за несколько лет до того, занимаясь биографией М. С. Лунина: «если бы участники восстания твердо следовали

³⁸ А. Г. Тартаковский. Вступительная статья к книге: Н. Я. Эйдельман, Из потаённой истории России XVIII-XIX веков, М., 1993. С. 10.

³⁹ Там же. С. 19.

⁴⁰ Герцен А. И. Собр.соч.: В 30 т. М., 1955. Т.VI. С.216-217; 1958. Т. XIII. С. 43-44.

принятому накануне плану, «тогда, – рассуждал он, – взяли бы власть, сразу издали бы два закона – о конституции и отмене рабства, – а там пусть будут междоусобицы, диктатуры – истории не повернуть, вся по-другому пойдет!»⁴² Свое претворение эти мысли, по сути дела восстанавливавшие в своих правах исторический случай как категорию научной историографии, получили развитие в книге «Апостол Сергей» – в рассказе о вероятном развитии событий при успешном исходе восстаний дворянских революционеров.⁴³

Н. Я. Эйдельман суммировал все сохранившиеся в мемуарах и следственных материалах показания декабристов об их планах и предположениях о том, что произойдет с ними и в стране при победе восстания черниговского полка. И это дало ему основания выдвинуть гипотезу состояния революционной России, совершавшей необратимые преобразования и в то же время раздираемой внутренними смутами. Выдвигались психологически и исторически тонко обоснованные догадки об образе действий в новой социально-политической ситуации лидеров тайного общества, виднейших генералов, государственных сановников, членов царской фамилии, церковных иерархов и т. Предсказывались также «вычисляемые» из реальных условий русской жизни 20-х годов варианты поведения войск и крестьянских масс. Сюжет основывался на возможном удачном исходе восстания Черниговского полка, двинувшегося затем в столицу. Эпоха плотно входила в гипотетическое повествование, убеждавшее точностью своей фактуры. По мнению А. Г. Тартаковского, это был один из немногих опытов плодотворного применения альтернативного метода в исследовательской практике историка. Но именно это, видимо, и насторожило издательство. В опубликованном в 1975г. тексте книги глава оказалась сокращенной, а к прежнему названию было добавлено слово «фантастический», хотя всем ее содержанием, всей логикой повествования автор подводил к тому, что как раз ничего фантастического в

⁴¹ Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII – XIX веков и Вольная печать М., 1973. С. 272.

⁴² Эйдельман Н. Я. Лунин. М., 1970. С. 72.

его документально оснащенной гипотезе не было.⁴⁴ Всё же стоит заметить, что, заходя в область подробного описания несостоявшейся истории, Н. Я. Эйдельман, так или иначе, вышел за пределы научности в область беллетристики. Характерно, что книга Н. Я. Эйдельмана а вышла в художественно-популярной серии «Пламенные революционеры», т.е. в публикации, заведомо не претендующей на научный статус. Это, впрочем, конечно, не значит, что подход Н. Я. Эйдельмана не может в принципе претендовать на научность.

В 1980г. журнал «Знание-Сила» провёл «круглый стол» «История: неизбежное и случайное»,⁴⁵ посвящённый обсуждению эссе А. Дж. Тойнби «Если бы Александр не умер тогда ...», опубликованному в № 12 журнала за 1979 год. В этом эссе А. Дж. Тойнби описывает создание глобальной мировой державы в случае, если бы Александр Македонский послушался врачей и не злоупотреблял крепким вином.

Проведение такого мероприятия было весьма нетипично для начала 80-х годов. В центральных исторических журналах оно было бы немыслимо, но в научно-популярном журнале, при условии выдержанности в идеологическом плане, «круглый стол», связанный с темой альтернативности истории, всё же состоялся. В нём участвовали профессиональные историки и этнографы.

Участники круглого стола отметили, что эссе Тойнби носит во многом ироническо-юмористический характер, но, тем не менее, оно содержит в себе и некие методологические и идеологические установки, которые стоит проанализировать.

Г. А. Фёдоров-Давыдов утверждал, что отвечать на вопрос, «что было бы если бы» приходится в явной или неявной форме, когда историк даёт оценку исследуемому явлению как реакционному или прогрессивному.⁴⁶

⁴³ Эйдельман Н. Я. Апостол Сергей. Повесть о Сергее Муравьёве-Апостоле. М., 1975. С. 255-264.

⁴⁴ А. Г. Тартаковский. Указ. Соч. С. 21.

⁴⁵ Материалы «Круглого стола» «История: неизбежное и случайное» // Знание-Сила. 1980. № 1.

⁴⁶ Там же. С. 38.

В. Т. Логинов из Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, выступая в качестве идеологического прикрытия, обосновал допустимость рассмотрения возможных вариантов хода исторических событий, ссылаясь на В. И. Ленина.⁴⁷

Э. О. Берзин как востоковед делал акцент на конкретно-исторических аспектах. Он доказывал, что центробежные силы в державе Александра Македонского уже не зависели от его воли, и в случае если бы он преждевременно не умер, держава всё равно распалась бы. Учёный замечает, что с Александром остальные реальные лица, события и процессы «играют в поддавки».⁴⁸ Э. О. Берзин также критикует Тойнби за то, что тот обходит молчанием экономическую основу своей всемирной империи.⁴⁹

С. А. Арутюнов высказал мнение, что «мы видим в истории своеобразные узловые точки неизбежного, между этими точками, как пучки силовых линий в магнитном поле, идут возможные пути перехода от одной узловой точки к другой. Реализуется – по обстоятельствам нередко случайным – лишь один из возможных путей. Но любой из них привёл бы к исторически неизбежному».⁵⁰

В. Т. Логинов корректирует С. А. Арутюнова и замечает, что под «узловыми точками» следует понимать неизбежную смену одной общественной формации другой.⁵¹

В историографическом плане важным представляется заключительный вывод С. А. Арутюнова: «Мы все согласились, что альтернативный подход к истории имеет право на существование. Поучиться некоторым приёмам такого подхода имеет смысл у Тойнби, – конечно, не повторяя его ошибок, обращая внимание на действительно главное».⁵²

В 1980г. вышла в свет монография Е. М. Жукова «Очерки методологии истории». В главе «Социологические и исторические законы» выражено

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 40.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

понимание альтернативности исторического развития в рамках марксизма.⁵³ Из всех рассматриваемых здесь советских авторов у Е. М. Жукова наиболее обширные цитаты К. Маркса и Ф. Энгельса.

К категории исторической возможности Е. М. Жуков подходит с точки зрения того, что человек встает постоянно перед выбором в ходе своей деятельности. «Люди могут выбирать как цели, так и определенные средства их достижения. Выбор производится из множества возможностей. Выбор может быть правильным или ошибочным. Если он ошибочен, достижение поставленной цели оказывается невозможным. Это непосредственно влияет на исторический процесс, может быть связано с крупными, иногда трагическими последствиями для той или иной категории людей».⁵⁴ Таким образом, Е. М. Жуков обращается к понятию «историческая ошибка» и связывает это понятие с категорией выбора и возможности.

Здесь важно отметить, что в понимании альтернативности Е. М. Жуковым четко выражены основные историографические традиции в советской науке, связанные с данной темой. Кратко эти традиции можно охарактеризовать следующими положениями:

1. Разные альтернативы – это разные проявления одних и тех же общих законов;
2. Всегда существует общая инвариантная тенденция развития общества, а альтернативность означает либо «зигзаги» в рамках этой тенденции, либо ускорение или замедление реализации главенствующей тенденции, либо временное отклонение от тенденции с неизбежным последующим возвращением к ней;
3. Противоборство альтернатив выражается в классовой борьбе, которая вызвана в конечном итоге изменением экономических условий.

⁵² Там же.

⁵³ В 1979 году Е. М. Жуков рассматривал проблему альтернативности в истории в коллективной монографии: Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. Теоретические проблемы всемирноисторического процесса. М., 1979. С.22.

⁵⁴ Жуков Е.М. Очерки методологии истории. 2-е изд. М., 1987. С. 11-12.

Выступая против упрощенного понимания детерминизма исторического процесса, автор отмечает, что «указывая лишь общее направление движения общества, законы не определяют всех без исключения сторон его жизни и деятельности».⁵⁵

Е. М. Жуков также связывает изучение разных вариантов исторического развития с социальной и политической практикой современности. Он пишет: «...разработка прогнозов развития – такова одна из важных сфер истории как науки».⁵⁶

Субъективные факторы альтернативности в истории автор считает важным учитывать, чтобы избежать «исторических ошибок», то есть – отклонений от главенствующей тенденции. «Совокупность конкретно-исторических условий может либо ускорять, либо замедлять реализацию выражаемой законом главенствующей тенденции или даже временно противостоять ей... отсюда явствует, какое важное значение в истории играют те действительно передовые общественные силы, которые наиболее адекватно отражают потребности своего времени, конкретной исторической эпохи. Их деятельность помогает выявлению общесоциологических и исторических законов, соответствует выражаемой ими тенденции».⁵⁷

Здесь следует отметить, что под «передовыми общественными силами» Е. М. Жуковым подразумеваются, хотя и не называются прямо, прежде всего, революционеры, во всяком случае, иных примеров не приводится. Забегая вперёд, то же самое можно сказать о рассматриваемом далее труде В. П. Волобуева и, скорее всего, об общем правиле советского периода.

В любом идеологически ограниченном познании прошлого неизбежно возникают мотивы суда над прошлым. Особенно ярко эта тенденция в историческом познании проявляется, видимо, в периоды кризиса идеологий. Необходимость понимать, а не судить прошлое, часто остаётся лишь

⁵⁵ Там же. С. 78.

⁵⁶ Там же. С. 17.

⁵⁷ Там же. С. 79.

декларацией. Кроме идеологических и нравственных мотивов в оценке «правильности» и «ошибочности» альтернатив существует еще один мотив: предпочтение между старым и новым, сохранением традиций и появлением новаций. В этом случае можно придерживаться либо прогрессистских, либо традиционалистских взглядов в оценке альтернатив развития общества и культуры.

В историографическом плане следует отметить, что Е. М. Жуков первым в советский период применил понятие альтернативности к сфере культуры. К сфере культуры Е. М. Жуков подходит, рассуждая о том, как действует механизм альтернативности на разных уровнях социальной реальности: «Альтернативность проявляется преимущественно на «низших этажах» общественного развития, в микропроцессах того или иного социального организма. Чем крупнее исторический масштаб, тем отчетливее выявляется генеральная тенденция».⁵⁸ Е. М. Жуков ссылаясь на Г. Штилера (ГДР), замечает, что «число возможностей в историческом процессе возрастает по мере удаления от базиса, где господствуют объективные закономерности. В сфере надстройки важнейшую роль играют субъективные факторы, там поливариантность развития исторического процесса возрастает».⁵⁹

Следуя марксистской традиции, Е. М. Жуков связывает альтернативность в сфере культуры с классовой борьбой. Он пишет: «Столкновение новых и старых социально-классовых сил часто проявляется в достаточно завуалированной форме, в виде противоборства относительно абстрактных политических, философских или религиозных доктрин. При этом очевидно, что классовая борьба предполагает сопротивление со стороны реакционных социальных сил, представляющих исторически уходящие, изжившие себя общественные отношения и порядки, идущему на смену новому – прогрессивному».⁶⁰

⁵⁸ Там же. С. 76.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. С. 84.

Однако, Е. М. Жуков различает области культуры в политико-идеологической надстройке и в духовных традициях эпохи. В последнем случае, по мнению автора, поливариантность развития очень мала, здесь всё подчинено главным тенденциям. Е. М. Жуков считает, что «будучи исключительно тесно связанным с областью социальной психологии, культурное наследие сравнительно медленно поддается воздействию даже самых крупных социальных перемен, как бы сохраняя определенную инерцию, препятствующую быстрой перестройке».⁶¹

В 1982г. вышла в свет монография А. И. Ракитова «Историческое познание», в которой автор высказал свое мнение по ряду дискуссионных вопросов, касающихся процесса исторического исследования. В заключении работы к числу перспективных исследовательских направлений была отнесена проблема исторического понимания, ориентированная на «реконструкцию не проявившихся в действиях или текстах актов поведения как актов мыслимых, продуманных, но не реализованных теми или иными персонажами».⁶² Фактически автором признавалась необходимость реконструкции исторических альтернатив в сознательной и мотивационных сферах деятельности людей, но само понятие «историческая альтернатива» в тексте книги отсутствовало.

В 1983г. вышла книга философа А. Д. Сухова «Прогресс и история». Один из её разделов был посвящён альтернативности в истории. А. Д. Сухов признаёт существование не только реакционной или консервативной и прогрессивной тенденций, но и вариации прогрессивного развития. В качестве иллюстрации этого тезиса автор рассматривает политическую историю античного общества. Сначала перед Средиземноморскими обществами встала альтернатива: оставаться ли им полисными или преобразоваться в крупную державу. После неудачных попыток создать такую державу (Афинское Архе и империя Александра Македонского) таким государством стала Римская

⁶¹ Там же. С. 14.

держава. Затем перед Римом встала альтернатива управляться ли ему традиционными республиканскими учреждениями или перейти к более авторитарной и централизованной форме. После того, как первым неограниченным правителем становится Юлий Цезарь и после бесперспективной попытки вернуться к республике (покушение Брута и Кассия), перед политической элитой встала альтернатива: установить ли ей монархию в восточном деспотическом варианте или же сохранить внешние признаки республики. После установления принципата Октавиана Августа, победила вторая альтернатива.⁶³

Интересно, что в книге упоминается и альтернативность возможного исхода борьбы между Тверью и Москвой за объединение русских земель. Но подробно автор на этой теме не останавливается. Время для постановки под сомнение провиденциальной роли Москвы в русской истории ещё не пришло. В отечественной историографии за весь XX век нет ни одной монографии по Тверскому княжеству, а единственная имеющаяся сейчас переведённая на русский язык монография написана в Германии немецким автором.⁶⁴

М. А. Барг в своей книге «Категории и методы исторической науки» (1984г.) понятие «историческая альтернатива» не использует, но в главе «Формы проявления собственно исторических законов» он анализирует понятие «тенденция развития» и «вероятность реализации тенденции». Он определяет исторический закон как объективную сущностную связь исторических явлений, наиболее приближенную к реалиям истории. Эта связь проявляется как тенденция, реализация которой носит вероятностный характер. Вывод о вероятностной природе тенденций автор делает исходя из того, что «реализация одних и тех же законов в различных ареалах отличалась крайним разнообразием путей и форм, во множестве случаев этот процесс вообще не доходил до конца и все ограничивалось то слабой, то явственно

⁶² Ракитов А.И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М. 1982. С. 293, 296.

⁶³ Сухов А.Д. Прогресс и история. М., 1983. С. 106-110.

⁶⁴ Клюг Е.Х. Княжество Тверское (1247-1485 гг.). Тверь, 1994.

выраженной тенденцией, для реализации которой не созрели социальные силы».⁶⁵

Рассуждая о вероятностной природе «собственно исторических законов», М. А. Барг подчеркивает, что имеет в виду форму их проявления, но отнюдь не их суть. Утверждается, что любые значительные изменения в обществе «являются выражением абсолютной социологической необходимости».⁶⁶ Вероятность реализации требований закона находится в прямой зависимости от степени их приближения к абсолютной стороне исторической необходимости и в идеале – совпадения с ней.

Так же как и Е. М. Жуков, М. А. Барг, считает, что вариативность развития различается на разных уровнях социальной действительности. Он пишет: «Чем дальше стоит данная область общественной жизни от экономического базиса, тем зримее становится роль случайностей в историческом процессе и, следовательно, тем зигзагообразнее выглядит ход истории. Разумеется, характер этой «линии истории» в большей степени зависит от величины (протяженности) обзриваемого отрезка времени... на уровне социологических законов эта линия почти совпадает,... на уровне исторических законов они в лучшем случае идут параллельно».⁶⁷ Третьей «линией истории» М. А. Барг считает линию эмпирии истории, в движении ее масса не только «зигзагов» но и «крутых поворотов».

Автором различаются прогнозы на базе социологических и на базе исторических законов. Опираясь на социологические законы, следует выносить суждения по типу: событие возможно – невозможно, назрело – не назрело. Опираясь на собственно исторические законы, следует выносить суждения: событие вероятно в большей степени – маловероятно – невероятно. В последнем случае требуется учет ряда конкретно исторических обстоятельств, которые еще прозреваются, от которых зависит превращение возможностей в

⁶⁵ Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984. С. 201.

⁶⁶ Там же. – С. 202.

⁶⁷ Там же.

действительность. При этом следует определить в каждом случае круг необходимых и достаточных условий для данного события в прошлом.⁶⁸ При этом М. А. Барг не дает определений, относительно того, чем отличаются достаточные условия от необходимых,. Причем здесь имелось бы четыре комбинации типов условий: достаточные и необходимые; необходимые, но недостаточные; достаточные, но не необходимые; недостаточные и не необходимые. Более интересной была бы попытка систематизации эмпирических данных, касающихся какой-либо тенденции, по критериям достаточности и необходимости. Действительную правомерность и ценность такого деления условий может показать только конкретно-историческое исследование.

М. А. Барг, пожалуй, первым в советской историографии отдельно остановился на связи категорий «вероятность события», «условия события» и «историческая закономерность». Он подчёркивает, что историческая закономерность сама по себе является категорией исторической. Поскольку условия проявления одной и той же закономерности с течением времени меняются, постольку закономерность, обусловившая специфику этих условий, тоже меняется. Из этого следует, что на одном и том же временном срезе число событий, регулируемых данной закономерностью, будет очень небольшим и нередко сведется лишь только к одному такому событию.⁶⁹ Важно, что М. А. Барг проводил анализ корректно с точки зрения математического смысла категории «вероятность»: в логике своих рассуждений автор отталкивается от того, что мы имеем право сравнивать вероятность только событий происходивших при «прочих равных условиях».

В связи с этим М. А. Барг сравнивает применение понятия «вероятность» для естественно-природных и исторических событий: «В природе возможное число «событий», регулируемых данным динамическим законом, в каждый данный момент практически безгранично. Помимо этого, фактор времени

⁶⁸ Там же. – С. 203.

никак не влияет на течение этих «событий». В истории же условия, необходимые для реализации этого рода закона, со временем меняются. Так, на данном срезе времени вероятно лишь одно «событие» в данной общности, строго регулируемое данным динамическим законом (к примеру, восстание, реформа, революция и т.п.). Следующее подобного рода «событие» произойдет (если оно произойдет) уже в следующий момент и, следовательно, при изменившихся условиях и в иной форме. Данное заключение останется истинным и в том случае, если допустить возможность одновременных и идентичных по сути событий в ряде регионов, ибо и в этом случае условия, в которых они произойдут, неизбежно окажутся различными, что не может не отразиться на формах. Последние случаи, попадая под действие того же закона, будут им регулироваться с отклонениями в общем и целом, т.е. нестрого».⁷⁰

Подводя итог, М. А. Барг приводит критерии правильности вероятностных прогнозов как для прошлого, так и для будущего развития общества: 1. Анализировать данную ситуацию с точки зрения сущности всемирно-исторической эпохи; 2. Основываться на точном классовом анализе ситуации при условии, что классы и их взаимоотношения остаются прежними; 3. Избегать в прогнозе ответов на вопросы: «где», «как», «в какой момент», «по какому поводу». При этом наибольшая вероятность связана только с предсказанием общей тенденции.⁷¹

Второй работой М. А. Барг, где рассматривается проблема альтернативности исторического развития была статья «Категория «развитие» в историческом исследовании (опыт системного анализа)» в журнале «История СССР».⁷² В этой работе М. А. Барг подходит к проблеме альтернативности в истории через анализ марксистского понимания категории «историческая неизбежность». К. Маркс отмечал, что Россия – единственная европейская

⁶⁹ Там же. С. 199.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. С. 203.

⁷² Барг М. А. Категория «развитие» в историческом исследовании (опыт системного анализа) // История СССР. 1986. №1.

страна, в которой земледельческая община сохранилась в национальном масштабе до наших дней. Исторический опыт всех других стран Европы указывал на тенденцию замены общинной собственности сначала частной собственностью крестьянского типа, затем – частной собственностью капиталистического типа. Отсюда теоретики «западничества» делали вывод о неизбежности повторения Россией пути стран Западной Европы.

М. А. Барг, ссылаясь на письма К. Маркса к В. И. Засулич, доказывает, что Маркс решительно не соглашался с подобным пониманием исторической неизбежности и допускал альтернативность исторического развития. Конститутивная форма русской общины, писал К. Маркс, «допускает такую альтернативу: либо заключающийся в ней элемент частной собственности одержит верх над элементом коллективным, либо последний одержит верх над первым. Всё зависит от исторической среды, в которой она находится... возможен и тот, и другой исход».⁷³

В 1984г. вышла книга И. Д. Ковальченко «Количественные методы в исторических исследованиях», где проблеме альтернативности в истории было уделено не много места, поскольку книга носила в основном методический, ориентированный на математику характер. Автор пока только в общих чертах отразил свой подход к альтернативности в истории. Его подход отличается особенно подробным рассмотрением соотношения объективных и субъективных факторов. Главный вклад И. Д. Ковальченко в развитие темы альтернативности в отечественной историографии заключается в установке на выработку методов исследования альтернативности. Кроме того, И. Д. Ковальченко наверное единственный из советских методологов, который не упоминал о связи проблемы альтернативности с социальной и политической практикой современности.

По мнению И. Д. Ковальченко, объективная потенция без общественных сил, борющихся за ее претворение в реальность, сама по себе не создает

⁷³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., Т.19. С.401.

альтернативы. Точно так же те или иные субъективные усилия, направленные на борьбу за отличный от действительного исход развития, без наличия объективной возможности такого исхода не приводят к альтернативной ситуации.⁷⁴

В рассматриваемой работе И. Д. Ковальченко критикуется неправомерность и научная несостоятельность искусственного конструирования альтернатив историком, попытки увидеть их там, где их не было. В связи с этим противопоставляется имитационно-альтернативное и имитационно-контрфактическое моделирование. Правомерность последнего отвергается. «Сконструированные исследователем, то есть произвольные исторические ситуации, не только не представляют, – по мнению И. Д. Ковальченко, – познавательной ценности, но и чреваты искажением реального хода исторического развития».⁷⁵

Имитационное моделирование, считает И. Д. Ковальченко, оправдано тем, что для реализации избранного варианта могут быть созданы необходимые условия. «В историческом прошлом условия и обстоятельства развития того или иного процесса или явления «заданы» в самом ходе этого развития и не могут быть изменены. Следовательно, в познавательном плане контрфактическое моделирование может иметь смысл только в том случае, если историческая действительность содержала возможность иного исхода, то есть когда объективно существовала альтернатива реально осуществившемуся варианту развития».⁷⁶

Обобщённо интерпретировать подход И. Д. Ковальченко можно следующим образом: для адекватного исследования возможных вариантов прошлого следует не извлекать факты из прошлого (то есть историк совершает в своей модели условное вмешательство в прошлое), а находить в прошлом факторы осуществления иных вариантов. То есть следует выявить, какие

⁷⁴ Ковальченко И. Д. Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984. С. 75.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. С. 74.

условные вмешательства совершали субъекты прошлого, чего хотели, и что из своих желаний могли осуществить люди, действовавшие в прошлом.

1.2. Изучение проблемы альтернативности исторического развития в годы перестройки.

В последние годы существования СССР наблюдается всплеск интереса к теме альтернативности истории. Эта тема стала популярной и в исторической науке, и в публицистике. Проводятся разного рода «круглые столы» по этой теме. Такое явление можно частично объяснить ослаблением идеологического контроля со стороны государства и «переписыванием» истории в соответствии с новыми идеологическими запросами. Однако, ведущие историки, занимавшиеся методологией истории, в этот период, некоторые по убеждениям, некоторые по инерции еще редко выходили за рамки марксизма. Решающим фактором особого внимания к проблеме альтернативности истории стало скорее то, что общество тогда находилось на перепутье, а история на переломе, и проблема альтернативности развития стала самой актуальной. Основной причиной было скорее не столько то, что людям разрешили думать и говорить, что в прошлом все могло быть иначе, сколько то, что люди почувствовали, что в будущем все может быть иначе. Именно этой идеей была пронизана одна из первых «неподцензурных» книг того времени – сборник статей «Иного не дано», где своё отношение к происходящим в обществе переменам выразили ведущие учёные, писатели и журналисты. В частности Ю. Н. Афанасьев, в статье «Перестройка и историческое сознание» писал, что «осознание вариативности истории имеет большое значение для самоориентации человека в настоящем».⁷⁷

Е. А. Никифоров, отвечая на вопрос «почему в некоторых исторических ситуациях и на некоторых этапах познавательного процесса возникает потребность в создании альтернативных моделей исторического процесса», выделяет две группы причин. Во-первых, это психологическое состояние членов общества. В больном, переживающем кризис социуме, в условиях

⁷⁷ Афанасьев Ю. А. Перестройка и историческое сознание // Иного не дано. М., 1988. С. 492.

крушения идеалов, люди начинают задавать себе вопрос, как они «дошли до жизни такой», можно ли было избежать свершившихся и совершающихся катаклизмов? Другой вопрос – что им делать дальше, что их ждёт, возможны ли варианты?⁷⁸ Во-вторых, это циклы переходов и возвратов на новом уровне от детерминистско-динамических моделей описания и объяснения мира к стохастическо-вероятностным (классический пример – спор Н. Бора и А. Эйнштейна). По мнению Е. А. Никифорова, этим циклам подвержено и обществоведческое знание. В пример он приводит эволюцию концептуальной системы Ленина и его взглядов на историческое развитие России. В начале своего творчества Ленин исходил из признания России развитой капиталистической структурой, движение которой линейно и жёстко детерминировано. Факты революции 1905-1907 гг. показали недостаточность концепции социал-демократии. Мощное аграрное движение показало амбивалентность российского общества, соединяющего черты крепостнического и буржуазного строя. Поэтому Ленин переходит с линейных позиций на вероятностные, отработывая альтернативные модели перспектив роста России, как социальной структуры («прусский» либо «американский» пути в сельском хозяйстве; «октябристский» либо «демократический» капитализм; революция либо «типа 1789», либо «типа 1848» года). В ходе Первой мировой войны, революции 1917 года и гражданской войны Ленин вновь возвращается к линейной концепции: назревания революционной ситуации в Европе, вступление Росси, по его мнению в стадию «империализма», победа буржуазной революции в ней, казалось бы подтверждали классический вариант марксистской линейной концепции. Между тем, последующие события («задержка» мировой революции; победа «социалистической» революции в отсталой России) вступают в противоречие с классическими представлениями. Поэтому Ленин вновь переходит к вероятностным представлениям, конструируя русскую модель построения

⁷⁸ Никифоров Е. А. К проблеме альтернативности в социальном развитии России // Историческое

социализма в одной стране полагая возможность своих особых моделей для других народов.⁷⁹

Подобные колебания между разными моделями понимания прошлого наблюдаются и в историческом сознании профессионального сообщества российских историков последних двух десятилетий XX века. Если большинство историков и придерживается нелинейного взгляда на историю, то не исключено, что его сменит линейный взгляд. Первые «весточки» такой смены можно увидеть в возникновении проблемы «безальтернативности» выбора во время избрания президента России в 2000-м году, а затем в обсуждении в прессе «неизбежности» двух сроков правления президента и необходимости продления президентского срока.

Всё же понимание нелинейности истории в отечественной исторической науке, начиная с середины 80-х гг., является доминирующим направлением отечественной исторической мысли. К идее альтернативности в истории и критике жёсткого детерминизма с тех или иных позиций обращается большинство тех, кто затрагивает проблемы методологии истории или проблемы политической и экономической истории России.

В книге «Методы исторического исследования» (1987 г.) в отдельной главе И. Д. Ковальченко более глубоко и подробно, чем в предшествующих работах, раскрыл свое понимание альтернативности в истории. Основные идеи этой главы были предварительно представлены в статье, опубликованной в журнале «История СССР».⁸⁰

И. Д. Ковальченко подчёркивает, что в качестве исходной «клеточки» общественной жизни следует рассматривать человеческую деятельность.⁸¹ В связи с этим особое внимание автор уделяет диалектике субъективного и объективного в истории. В общественно-историческом развитии нет

значение НЭПа. М., 1990. С. 202.

⁷⁹ Там же. С. 203-204.

⁸⁰ Ковальченко И. Д. Возможное и действительное и проблемы альтернативности в историческом развитии // История СССР. 1986. №4.

⁸¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 62.

абсолютных, чистых объективных и субъективных факторов и явлений, поскольку все явления находятся в тесном взаимодействии и взаимопереплетении. В каждом конкретном случае субъективное и объективное относительно. «Тот или иной вид человеческой деятельности в одном отношении может выступать как субъективный фактор, а в другом – как объективный. Субъективные устремления, цели и деятельность любого индивидуума или коллектива объективны по отношению к любому другому индивидууму или коллективу. Даже результаты деятельности отдельного субъекта обретают объективный, независимый от него характер по отношению к его последующей деятельности».⁸²

Историческую возможность И. Д. Ковальченко определяет как свойства или тенденции текущей действительности, которые создают предпосылки будущей действительности, являются ее потенциями. Подчеркивается, что возможность не существует вне действительности. «Возможность – это потенциальная, грядущая действительность, а реальная действительность это реализованная, осуществленная возможность».⁸³ Действительность, полагает он, может содержать одну либо несколько возможностей перехода в иное состояние. В первом случае такой переход будет иметь однозначно-закономерный характер, во втором – случайно-закономерный, вероятностный характер. Роль субъективных факторов в превращении возможности в действительность состоит, во-первых, в выборе той или иной из имеющихся возможностей, во-вторых, в создании условий, необходимых для превращения ее в новую реальность.

И. Д. Ковальченко считает, что, хотя главная задача историка состоит в познании прошлого в его инвариантности, поскольку эта инвариантность часто была результатом реализации одной из поливариантных возможностей, то их изучение позволит более глубоко раскрыть изучаемую действительность. Непременным условием при изучении возможностей является выделение

⁸² Там же. С. 67.

существенных возможностей, а не всех формальных. В связи с этим приводится высказывание В. И. Ленина: «Возможны всякие превращения, даже дурака в умного, но действительным такое превращение является редко. И по одной возможности превращения этого рода дурака, я не перестану считать дураком».⁸⁴ Если перефразировать В. И. Ленина, то подход И. Д. Ковальченко к изучению альтернативности в истории заключается не в том, чтобы выяснять «как дурак может превратиться в умного и что из этого выйдет», а в том, чтобы понять, «чем дурак, который может превратиться в умного, отличается от дурака, который не может превратиться в умного».

И. Д. Ковальченко отмечает, что важным и сложным при оценке возможностей считается определение их временных и пространственных границ, поскольку любая возможность имеет пределы своего существования. Правда при этом не приводится критериев точного определения момента или периода начала или конца существования альтернатив.

В качестве примера анализа временных границ исторической альтернативы И. Д. Ковальченко критикует распространённое в западной историографии мнение о том, что если бы 1-я Мировая война не помешала реализации столыпинской аграрной реформы, то в России укрепился бы капитализм западноевропейского типа, и Октябрьская революция не произошла бы. Несостоятельность этого мнения, по его убеждению, состоит в игнорировании того факта, что все возможности укрепления существовавшего в России буржуазного строя и самодержавного государства на базе преобразований предусмотренных столыпинской реформой, были исчерпаны уже к началу 1-ой Мировой войны. Таким образом, необоснованное «расширительно временное» толкование возможностей укрепления буржуазного строя в России, согласно И. Д. Ковальченко, послужило основой для искажения реального хода исторического развития.⁸⁵

⁸³ Там же. С. 68.

⁸⁴ Ленин В. И. ПСС. Т49. С. 320.

⁸⁵ Ковальченко И. Д. Указ. Соч. С. 71-72.

И. Д. Ковальченко упоминает, что некоторые возможности вообще могут оставаться потенциями, не замеченными современниками. Здесь можно дополнить автора, задав вопрос: допустимы ли такие незамеченные возможности считать историческими альтернативами? Ведь, по сути, отсутствовал субъективный фактор их реализации.

В связи с упоминанием незамеченных возможностей И. Д. Ковальченко обращается к проблеме суда над прошлым. Он пишет: «анализируя возможности той или иной исторической действительности, историк не должен становиться на позицию сожаления по поводу того, что какие-то из существовавших возможностей не были замечены современниками или неправильно реализованы, в результате чего исторические события или даже историческое развитие якобы совершились не так, как могли бы совершиться».⁸⁶ Подчеркивается, что на историю надо смотреть с точки зрения тех, кто ее творит, не имея возможности наперед непогрешимо учесть шансы. Задача историка состоит прежде всего в выяснении и объяснении того, почему были учтены и реализованы именно данные возможности.

Первым из всех рассматриваемых авторов И. Д. Ковальченко заявил, что надо искать пути и методы для измерения вероятности, с которой та или иная возможность могла превратиться в действительность. Обоснованность постановки такой задачи он видит в том, что историки говорят о вероятностном характере событий, пытаются оценить вероятность реализации тех или иных возможностей, но делают это, не прибегая к измерению.

По И. Д. Ковальченко, историческая альтернативность – это феномен, проявляющийся в массовых явлениях общественной жизни, связанных с фундаментальными целями и результатами. «Выбор возможностей и альтернативность результатов той или иной деятельности имеют место в историческом развитии также на уровне узко групповом и индивидуальном. Подобные обыденные альтернативы не следует смешивать с историческими

⁸⁶ Там же. С. 72.

альтернативами, ибо обыденные альтернативы не влияют на содержание и формы, на направление, темпы и результаты функционирования и развития общественных систем».⁸⁷ Такой подход чаще всего связан с выявлением так называемых «ведущих тенденций развития» при этом бесчисленные микрособытия лишаются исторического статуса.

Согласно И. Д. Ковальченко, одной из объективных предпосылок возникновения альтернативных возможностей является взаимосвязь цели и средств ее достижения. Одна и та же цель в зависимости от конкретно-исторических условий может достигаться разными средствами: реформистские и революционные, легальные и нелегальные, мирные и вооруженные методы деятельности. Характер этих средств является альтернативным, и поэтому результат их может иметь разные формы выражения, разный уровень зрелости и развитости.⁸⁸ В процессе восприятия историческими субъектами современной им действительности имеется цепь: способ производства – потребности и интересы – мотивы и стимулы – цели и идеалы. Интересы различных классов и слоев общества – это «индикаторы» их выбора.⁸⁹

В качестве примера единства объективных и субъективных факторов в складывании исторических альтернатив приводится борьба революционного народничества в России за переход к социализму, для которого еще не существовало объективных условий, поэтому идеи народников были утопией. И. Д. Ковальченко не соглашается с мнением А. Д. Сухова, что борьба народников представляла альтернативный вариант исторического развития.⁹⁰ Возможны и такие альтернативные ситуации, когда ни одна из противоборствующих тенденций развития и стоящие за ними общественные силы не могут взять верх. Если такое противостояние длительно, то ход исторического развития может снять эти альтернативы в результате возникновения новых возможностей. Как пример приводится борьба двух

⁸⁷ Там же. С. 74.

⁸⁸ Там же. С. 76.

⁸⁹ Там же. С. 78.

путей буржуазной аграрной эволюции в России, когда борьба «прусского» помещичьего и «американского» фермерского путей развития была снята революцией 1917 года.

И. Д. Ковальченко продолжает критиковать использование контрфактического моделирования в изучение исторической альтернативности. Основным изъян контрфактического моделирования исторического развития, по его мнению, состоит в субъективизме. Контрфактические модели представляют ход истории таким, каким бы его хотел видеть историк.

Можно ли избежать субъективизма в моделировании исторического развития? И. Д. Ковальченко считает, что можно. Для этого, по его мнению, историк должен исходить из реально существовавших в прошлом тенденций развития. Критикуя исследование американского историка Р. Фогеля о контрфактическом развитии экономики США при условии, если бы в ней отсутствовали железные дороги, И. Д. Ковальченко отмечает, что следует не изымать факторы из исторического прошлого, а напротив – находить факторы возможной реализации альтернативного хода истории.⁹¹

И. Д. Ковальченко строит контрфактическую модель реализации в российском аграрном хозяйстве XIX века буржуазного («американского») типа революции, а не помещичьего («прусского»), реализовавшегося в прошлом. В своих построениях автор исходит из следующего: «освободившись от помещичьего гнёта (необходимости платить огромные суммы за покупку и аренду помещичьей земли, выкупных платежей за наделённые земли и т. д.), крестьяне могли повысить урожайность своих полей, например, до уровня урожайности в помещичьем хозяйстве ...урожайность крестьянский полей могла бы возрасти и в большей степени».⁹² В приведённых рассуждениях мы видим, что альтернативная история вновь пошла так, как захотелось историку: во-первых, не указаны причины, могущие привести к желаемым изменениям в

⁹⁰ Сухов А. Д. Прогресс и история. М., 1983. С.146.

⁹¹ Ковальченко И. Д. Указ. Соч. С. 78.

⁹² Там же. С.

крестьянском хозяйстве; во-вторых, не учитывались другие части системы событий, прежде всего, правящий режим, который вряд ли остался бы безучастным, если бы экономическая власть оказалась у крестьян. И. Д. Ковальченко допускает те же противоречия, за которые критиковал Р. Фогеля. Субъективизм неизбежен в ситуации неполноты данных и невозможности провести реальный эксперимент.

В 1987г. вышла монография И. А. Желениной «Историческая ситуация: методология анализа», посвящённая рассмотрению исторической ситуации как определённого состояния целостной социальной системы, отличающегося от предыдущего изменившимся соотношением сил. И. А. Желенина различает проблемную ситуацию, которая касается отдельных сторон общественной жизни, и альтернативную или кризисную ситуацию, касающуюся всего общества в целом.⁹³ Интересным является выделение И. А. Желениной не только вопроса об альтернативности последствий, но и вопроса об альтернативной причине, создающей ту же самую ситуацию. В связи с этим приводится высказывание В. И. Уколовой об историческом событии: «Для свершения исторического события необязательно действие всей совокупности причин, приводящих к его возникновению. Можно различать каузальные связи, в которых причины более или менее жестко определяют следствие, и такие, где следствие может вызываться не только данной непосредственно действующей причиной, но и другими факторами, т.е. появляющимися так называемыми альтернативными причинами, они оказываются практически взаимозаменяемыми».⁹⁴

Здесь стоит заметить, что в методологическом смысле анализ альтернативности причин и анализ альтернативности следствий будут противоположными не по своему предмету (так как каждая причина одновременно является следствием других причин), а по своей направленности

⁹³ Желенина И. А. Историческая ситуация: методология анализа. М., 1987. С. 119.

⁹⁴ Методологическая функция категории «состояние» в анализе социальных явлений. Горький, 1976. С. 98.

во времени: анализ альтернативных последствий направлен в будущее, анализ альтернативных причин – в прошлое.

В 1987г. новосибирский исследователь Т. А. Антипов в работе «Историческое прошлое и пути его познания»⁹⁵ косвенно затрагивает проблему альтернативности исторического развития, анализируя проблему исторического выбора через призму дилеммы «история учит» / «история не дает никаких уроков». По мнению Т. А. Антипова, ответ на вопрос – является ли все-таки история «наставницей жизни» – не может быть однозначным, поскольку неоднозначен сам термин «опыт». «Гегель, несомненно, прав, – замечает автор, – говоря, что в своих действиях люди исходят из конкретных условий и интересов дня, а не из исторического опыта... Исторический опыт не содержит рецептов».⁹⁶ Автор считает, что история «не учит в том смысле, что не дает шаблонных ответов на вопросы и вызовы современности... История оказывается *magistra vitae* в другом смысле.... Исторический опыт может оказаться полезным... как обоснование правильности сделанного выбора.... История дает опыт выбора. Выбор, который сделали на основании каких-либо общих ценностей прошлые поколения, служит уроком для выбора, который осуществляют последующие поколения».⁹⁷ Резюмируя рассуждения Т. А. Антипова, можно сказать, что история учит не тому «*что* выбирать», а тому «*как* выбирать».

Первое обобщающее систематизированное исследование по альтернативности в истории в отечественной исторической науке было проведено П. В. Волобуевым в вышедшей 1987г. монографии «Выбор путей общественного развития: теория, история, современность». Эта книга вызвала широкий резонанс. Рассматриваемые в ней проблемы оказались очень актуальны происходившим в обществе социальным и политическим процессам. Книге предшествовала статья в журнале «Вопросы философии», где

⁹⁵ Антипов Т.А. Историческое прошлое и пути его познания. Новосибирск, 1987.

⁹⁶ Там же. С. 148.

⁹⁷ Там же. С. 149.

П. В. Волобуев впервые опубликовал свои непривычные для официальной общественной науки того времени мысли о выборе путей развития.⁹⁸

В монографии автор значительное место выделяет выдержкам из программы XXVII съезда КПСС и перспективам развития социализма. Было показано то, какое место занимала проблемы выбора путей общественного развития в творчестве В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и их последователей. Наибольшая ценность исследования П. В. Волобуева заключается в глубоком теоретическом анализе диалектики необходимости, возможности и действительности.

Под выбором пути общественного развития имеется в виду «выбор каждой данной страной принципиально нового направления или типа ее социальной эволюции, а также существенно различных путей в уже определившемся направлении (или вариантов, форм и стадий одного и того же порядка)».⁹⁹

Говоря о практической значимости проблемы, автор апеллирует к политическому руководству: «Верно оценить степень вероятности реализации различных тенденций развития, выявить основную, наиболее реальную возможность — одна из важных и вместе с тем наиболее трудных задач общественознания и политического руководства».¹⁰⁰

Роль классовой борьбы как субъективного фактора тенденций развития общества автор рассматривает в аспекте диалектики субъективного и объективного. Социальные общности, прежде всего классы, объективизируют субъективное поведение отдельных индивидуумов, придают их действиям повторяемость и общую направленность. Эти общности являются носителями материально обусловленных интересов и общественно значимых целей.¹⁰¹

Диалектика возможности и необходимости, по П. В. Волобуеву, заключается в том, что «основой закономерного возникновения и

⁹⁸ Волобуев П.В. О проблеме выбора путей общественного развития // Вопросы философии. 1984. №1.

⁹⁹ Волобуев П.В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М., 1987. С 10.

¹⁰⁰ Там же. С. 24.

существования возможности является соответствие ее какой-либо необходимости. В этом смысле любая возможность обусловлена и порождена определенной необходимостью, а это значит, что новая необходимость, прежде чем стать действительностью, существует вначале в виде возможности».¹⁰² В развивающейся действительности ввиду ее сложности, противоречивости и многосторонности имеются не одна, а несколько потенциальных возможностей или тенденций развития.

С идеологических позиций П. В. Волобуев критикует сторонников теории «равновероятных альтернатив». Согласно этой концепции, социализм является не исторической необходимостью, а всего лишь одной из возможностей и в смысле перспектив её осуществления должен быть поставлен «на равных» в один ряд с другими возможностями развития, имеющихся у человечества. П. В. Волобуев полагает, что сторонники данной концепции «отталкиваясь от факта многовариантности мирового развития, подходят к исторически возникшим альтернативам чисто формально, выхолащивая из них как ведущие тенденции развития, так и связь каждой из альтернатив с определённым общественным классом».¹⁰³ Из тих рассуждений очевидно, что автор на самом деле пока ещё не вышел за рамки историцизма с верой в «ведущие тенденции» и «неотвратимые законы развития общества».

Рассматривая понятие вероятности как меры возможности, П. В. Волобуев придерживается следующих положений:

1. Вероятность превращения каждой из возможностей в действительность не является постоянной величиной, в зависимости от обстоятельств она может возрастать или уменьшаться;

2. Вероятность осуществления какой-либо возможности находится в прямой зависимости от степени содержащейся в ней необходимости, поэтому возможности не равновероятны и не равноценны;

¹⁰¹ Там же. С. 20.

¹⁰² Там же. С. 23.

¹⁰³ Там же. С. 13.

3. Из множества возможностей в смысле вероятности реализации история отдает приоритет главным, ведущим тенденциям, неизбежно порождающим новое и ускоряющим весь процесс общественного развития;

4. Осуществиться менее вероятные и не осуществиться более вероятные возможности могут только как частная и кратковременная случайность, противоречащая исторической необходимости;

5. Реализация одной из возможностей исключает, уничтожает вероятность реализации всех других возможностей.

Из вышеприведённых положений все, кроме 3-го вполне внеидеологичны. В то время как положение 3-е положение явно историцистское и прогрессистское – то есть не научное, а идеологическое. Поскольку все положения составляют, по замыслу автора, систему, то могут возникнуть следующие вопросы:

Кто и как определяет степень «новизны» и «прогрессивности» у разных возможностей (то есть вероятность их реализации)? Если это историк, то как он сможет отказаться от своей «партийности» и не объявить осуществление тенденций, которые не укладываются в идеологические или теоретические рамки «частной кратковременной случайностью»? Если это действующие в истории люди, то как определить, что «новее» и «прогрессивнее», если несколько социальных групп стремятся к новому, но разному, и каждая считает свой путь самым прогрессивным? В чем проявляется «доля необходимости» в тенденции? Если только в ее «новизне» и «прогрессивности», то придется возвратиться к предыдущим вопросам.

Говоря о том, что степень вероятности реализации возможности находится в прямой зависимости от объективных условий, П. В. Волобуев, видимо, имеет в виду большее или меньшее количество благоприятствующих и не благоприятствующих осуществлению возможности обстоятельств. Однако, он не говорит об этом определенно, поскольку не берется рассматривать то, как определить силу указанной им зависимости от объективных условий. То же

самое можно сказать и о его утверждении о том, что форма, полнота и сроки решения назревших и объективно обусловленных задач зависит от субъективных факторов (активности и сознательности людей). Как определить степень активности и сознательности? По количеству участников, количеству предпринятых ими действий для достижения целей, разветвленности организационных структур и качества связи между ними и т.п.? Принципиальная важность, а потому и уместность всех этих вопросов в том, что без ответа на них, методологические рассуждения о соотношении и связи субъективного и объективного, возможного и необходимого остаются схоластическими.

Простым, но очень важным для понимания альтернативности в истории является замечание П. В. Волобуева о том, что «решенные задачи порождают новые проблемы и одновременно новые возможности, тенденции развития».¹⁰⁴ Из этого можно сделать вывод, что реализация одной альтернативы одновременно означает появление новых, не существовавших ранее альтернатив. Исходя из этого, следует выявлять момент (или период) появления какой-либо альтернативной тенденции.

Значение сознательности выбора пути развития связывается с тем, что любая, даже самая благоприятная возможность свои ограниченные временные рамки для реализации, которые могут и не повториться дважды. Нереализованная в этих рамках возможность будет упущена. Как тут не вспомнить полулегендарную фразу Ленина перед штурмом Зимнего Дворца: «Вчера было еще рано, завтра будет уже поздно».

П. В. Волобуев, так же как и Б. Г. Могильницкий, считает, что свобода выбора возможностей, формально осуществимая в любой момент, предполагает наличие объективного условия, которое можно назвать «переломной ситуацией». Переломная ситуация, по определению П. В. Волобуева, – «это такое состояние общества, когда противоборство

¹⁰⁴ Волобуев П.В. Указ. Соч. С. 25.

альтернативных тенденций достигло большой остроты и назрел, стал необходимым выбор такой возможности, которая, превратившись в действительность, позволяет осуществить крутой поворот (перелом) в развитии общества и радикально решить основные задачи, поставленные перед людьми историей».¹⁰⁵

Различение П. В. Волобуевым переломных ситуаций в классово-антагонистических обществах и в социалистических также носит идеологический, характер. Автор утверждает, что в антагонистических обществах переломная ситуация связана с конфликтом и кризисом, а в социалистических – это сознательный управляемый государством и партией переход на новый этап развития.

Степень множественности возможностей, величина их «фактического набора» различается автором на формационном уровне движения общества и в «сфере исторически единичного». Для первого случая П. В. Волобуев говорит о наличии всегда двух взаимоисключающих возможностей: «одна представляет будущую линию развития, другая – исторически уже обреченную, но господствующую в реальной действительности».¹⁰⁶ Подчеркивается, что существуют не только внутренние для страны детерминанты выбора пути, но и внешние, то есть опыт и пример других стран и народов.¹⁰⁷

Что касается понимания соотношения закономерности и альтернативности, то П. В. Волобуев считает, что законы истории не только не препятствуют, но и включают в себя акт выбора пути как важнейший компонент. Историческая необходимость сравнивается с «широкой колеей, по которой люди своей деятельностью прокладывают маршрут истории».¹⁰⁸ Автор пишет: «Если поставить вопрос, что же определяет, в конечном счете, выбор пути развития – законы или свободная воля людей, то ответ можно

¹⁰⁵ Там же. С. 29.

¹⁰⁶ Там же. С. 33.

¹⁰⁷ Там же. С. 35-36.

¹⁰⁸ Там же. С. 37.

сформулировать однозначно: воля и действия людей, направляемые законами».¹⁰⁹

П. В. Волобуев выделяет уровни-этапы осуществления выбора пути:

1. Выбор на уровне теории, выяснение идеологами классов предпочтительности разных возможностей;

2. Осознание передовыми представителями класса теоретической концепции, выработанной идеологами, как назревшей общественной потребности. Вырабатываются способы и формы достижения целей;

3. Переход к практическим действиям, к политической борьбе;

4. Революционный перелом, охватывающий все стороны жизни общества.¹¹⁰

Данную схему, безусловно, правомерно применять к истории нового времени, что и делает П. В. Волобуев во 2-ой и 3-ей главах своей книги на примере России XIX-XX веков. Однако то, в какой степени она приложима к медленно менявшимся средневековым и древним обществам, остается открытым вопросом.

В книге П. В. Волобуева различаются реформистский и революционный пути выхода из переломной ситуации. Реформистский путь определяется как «сохранение власти в руках старого господствующего класса посредством проведения частичных изменений в базисе и в политической надстройке с целью их приспособления к новым условиям и предотвращения революции».¹¹¹

Различаются революции «снизу» и «сверху». Революцию «сверху» можно понимать как наиболее радикальный тип реформ, или как понятие на грани революции и реформы.¹¹² Классическим примером революции сверху П. В. Волобуев считает реформы О. Бисмарка в 60 – нач. 70-х г.г. XIX в., позволившие решить задачи национального объединения Германии и

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же. С. 47.

¹¹¹ Там же. С. 54.

¹¹² Там же. С. 71.

антифеодального социального переворота. Из новейшей истории приводятся примеры революций 60 – нач. 70-х гг. XX в. в Иране и на Филиппинах.

Четкое проявление и неизбежная реализация одной из альтернатив именно в переломные периоды обусловлена, по мнению П. В. Волобуева, тем, что «осознание безвыходности положения, его катастрофичности пробуждает в народных массах отчаянную решимость и удесяттеряет их силы в поисках выхода».¹¹³ «Революционный авангард указывает это выход... иначе возможен другой исход: растерянность, панические настроения масс, таяние их энергии, анархические вспышки».¹¹⁴ Здесь допустимым было бы считать, что приведенный вывод П. В. Волобуева можно отнести не только к народным массам, но и к любому общественному классу, слою или группе, стоящими перед выбором, так как в каждой социальной группе, независимо от ее размеров есть свой «авангард» и свои «массы».

В последующие годы П. В. Волобуев выступал в качестве редактора или участника различных сборников, посвящённых альтернативности истории России в 1917 году.¹¹⁵ Главная идея, пронизывающая эти сборники заключалась в том, что Октябрьская революция была неизбежной, или, по крайней мере, наиболее предпочтительной альтернативой, по сравнению с меньшевистской и анархистской альтернативами, чьи шансы были очень малы.

В 1988г. состоялось заседание «Круглого стола» «XX век: альтернативы развития», где выступали историки и философы, главным образом представители АН СССР. Материалы «Круглого стола» были опубликованы в журнале «Рабочий класс и современный мир», 1989, №1-2. Почти все участники «Круглого стола» обращались в своих выступлениях к идеям и деятельности М. Я. Гефтера. Именно с этим в большей степени связано то, что выступающие практически не использовали и не упоминали идей марксизма.

¹¹³ Там же. С. 65.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ «Круглый стол»: Россия, 1917 год: Выбор исторического пути. М., 1989; Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991; Октябрьская революция. Народ: её творец или заложник? М., 1992.

Сам М. Я. Гефтер не присутствовал на выступлениях, но он ознакомился с магнитофонными записями, и его доклад также опубликован в материалах «Круглого стола».

Открывший заседание И. К. Пантин отмечал, что идеал «классического» исследования, распространяемый на общественное развитие, предполагает, что при любых начальных условиях индивид свободно (то есть по собственному выбору) делает то, что закодировано в историческом законе. Если к этому добавить постулат модели рационального действия, господствующий в социологии, то появляются все основания для классификации действий людей на «нормальные», соответствующие ходу истории, и «отклоняющиеся от нормы», противоречащие истории. Однако, говорит И. К. Пантин, в каких конкретных действиях будет осуществляться закон развития и в каких рамках он будет осознан людьми невозможно однозначно определить. Здесь исследователь наталкивается на «предел», образуемый уникальностью и непредсказуемостью субъектов. Для того, чтобы преодолеть этот предел, историку приходится «протягивать» детерминизм в глубь конкретного поведения личности.¹¹⁶ Такой «индивидуальный детерминизм» и обуславливает введение момента свободы выбора в историческую деятельность людей.

Е. Г. Плимак, анализируя отечественную послереволюционную историю, утверждает, что «свобода выбора существовала в нашей истории не всегда, само поле альтернатив было предельно сужено – отсталостью страны, ее преобладающим бескультурьем, ее нахождением в сфере враждебных государств, неблагоприятными процессами в руководстве партии».¹¹⁷ Здесь Е. Г. Плимак выделяет новый аспект в понимании альтернативности: мера альтернативности («поле альтернатив») может быть разной в разные периоды

¹¹⁶ Материалы «Круглого стола» «XX век: альтернативы развития» // Рабочий класс и современный мир», 1989, №1. С. 61.

¹¹⁷ Там же. – С. 63.

развития одного и того же общества, и зависит от многих социально-психологических факторов.

Е. Г. Плимак считает, что концепции первой пятилетки, сформулированную XV съездом РКП(б) (концепция группы Бухарина и противостоящая ей концепция Сталина) нельзя считать равнозначными альтернативными вариантами, из которых партия якобы могла выбирать на переломе 20-30-х годов. Обострение международного положения СССР, сбой НЭПа, трудности с хлебозаготовками предопределили принятие жесткого курса. Сбалансированное развитие становилось утопией в условиях вынужденного индустриального рывка. Сам Бухарин отказался от своих предложений (нормализация рынка, временные закупки хлеба за рубежом, сокращение капиталовложений в металлургию и машиностроение), он протестовал уже только против репрессий, возведенных в систему.

По мнению Е. Г. Плимака, исторический пункт, в котором открывалась возможность более или менее гармоничного развития на базе НЭПа был пропущен в 1925-27 г.г., когда занятый борьбой за сохранение власти Сталин отмахнулся от доводов оппозиционеров, предрекавших кризис в экономике страны.¹¹⁸

Е. Г. Плимак полемизирует с М. Я. Гефтером по поводу утверждения последнего, что в 1917 году у России выбора не было. Е. Г. Плимак считает, что следует брать более широкий период 1917 – 1920 г.г. В этот период противостояли друг другу пролетарская и монархически-буржуазная альтернативы, меньше шансов было у мелкобуржуазных демократов. Автор использует как аргумент возможные случайности («случись что-либо с Лениным», не будь «Апрельских тезисов» и т.д.) которые могли изменить ход истории и воспрепятствовать выбору нового общественного строя.

В. С. Библер выдвинул тезис, что подлинная внутренняя свобода воли человека связана с культурой. «Культура дает личности возможность

¹¹⁸ Там же.

сопротивляться – в философии, нравственности, религии, во всех сферах детерминации извне: из экономики или политики, из истории, и изнутри: из генной и прочей наследственности... культура позволяет личности детерминировать свое поведение».¹¹⁹ В этих суждениях В.С.Библера имеется некоторое противоречие, ведь культура – это также детерминация извне. Религиозные, нравственные, философские установки и убеждения личности восприняты ею извне. Насколько корректным будет утверждение, что выбирая альтернативу в сфере философии или искусства, человек тем самым увеличивает свою свободу воли в сфере экономики? Противоречия можно избежать, если учесть, что в разных сферах общественной жизни могут сосуществовать разные альтернативы. Однако, нельзя не согласиться с общим выводом В. С. Библера о том, что «без духовной, культурной альтернативности не может быть никакой другой альтернативности».¹²⁰

И. М. Клямкин выразил скептический подход к методологической ценности понятия «альтернатива». Если понимать слово «альтернатива» как возможность изменения данного общественного состояния, то это то же самое, что сказать, что история всегда несет в себе возможность развития. И в этом случае понятие «альтернатива» нового смысла не несет, и поэтому – излишнее. Если толковать «альтернативу» как разнонаправленность исторического развития (например, разные типы общин в древнем мире и средневековье или разные способы вхождения разных регионов в индустриальную цивилизацию), то и здесь это понятие не несет ничего, что дополняло бы классические детерминистские схемы. Если же, утверждает далее И. М. Клямкин, в истории намечается новый; непохожий на известные, вариант развития, то это не означает возникновение потребности в дополнительном понятии альтернативности, а лишь показывает трудность перехода от одних

¹¹⁹ Там же. С. 64.

¹²⁰ Материалы «Круглого стола» «XX век: альтернативы развития»//Рабочий класс и современный мир», 1989, №1. С. 64.

детерминистских схем к другим.¹²¹ И. М. Клямкин считает, что свобода воли и выбора никак не связана с альтернативностью. Свобода индивидуального выбора существует всегда, не зависимо от того, существует или нет альтернативность развития. Степень этой свободы тем выше, чем более индивидуальным является характер деятельности, способ самовыражения человека. И она тем меньше, чем ближе он по роду занятий соприкасается с деятельностью и интересами больших масс людей. Поэтому она является максимальной в искусстве и минимальной в политике.¹²²

И. М. Клямкин подчеркивает, что неприятие концепции альтернативности не означает, что социальные группы лишаются исторического выбора. Люди обречены выбирать. «Выбирают же они в соответствии со своими объективно обусловленными интересами, которые сталкиваются с другими интересами, тоже объективно обусловленными. Но какой из этих интересов окажется доминирующим, системообразующим на данный момент, в данной точке истории, предсказать невозможно; соотношение исторических сил выявляется только в их деятельности... драматизм истории в том и заключается, что есть выбор желаемого результата и нет альтернативности результатов».¹²³

Скептический подход И. М. Клямкина исходит не только из употребления разными авторами понятия «альтернатива» в самых различных смыслах и неопределенности терминологии в рассматриваемом дискурсе, но также из неявного противопоставления понятий «детерминизм» и «альтернативность». И. М. Клямкин считает такое противопоставление необоснованным и утверждает, что понятие «альтернативность» позволяет нам анализировать особый «тип детерминации».

Что же касается вывода о безальтернативности результатов, то из него логически следует, что результат выбора не зависит от выбора. Такое

¹²¹ Там же. С. 65.

¹²² Там же.

¹²³ Там же.

положение вызывает большие сомнения, во всяком случае, И. М. Клямкин не уточняет и не аргументирует свою позицию.

Прерывая, рассмотрение материалов «круглого стола» в журнале «Рабочий класс и современный мир», обратимся к другому «круглому столу» под названием «Была ли альтернатива сталинизму», материалы которого опубликованы в книге «Социализм: между прошлым и будущим» (1989г.). Здесь И. М. Клямкина говорит о том, что реализация сталинской административно-командной системы была неизбежна. Неизбежность ее была обусловлена реализацией в России модели-типа страны «второго эшелона» развития капитализма, когда индустриализация осуществляется со значительным опозданием и оказывается на капиталистической основе невозможна вообще.¹²⁴ Поэтому он считает, что «вопрос нужно ставить не о том, могли или не могли события развиваться в прошлом иначе, а о том, почему они развивались именно так, а не иначе, какие причины не дали возможности пойти по цивилизованному пути, какие силы и факторы этому противостояли и как эти силы и факторы выглядят сейчас».¹²⁵ Аргументы оппонентов И. М. Клямкина, защищающих альтернативность истории 20-х годов, состоят в тезисе: если альтернативы сталинизму не было тогда, в 1929 году, то им неоткуда взяться и сегодня.¹²⁶ И. М. Клямкин справедливо заметил, что от такой аргументации скорее веет политической выгодой, чем научной ценностью.¹²⁷ Выходом может послужить мнение Г. Г. Водолазова, утверждавшего, что слабость и ошибочность позиции И. М. Клямкина в том, что причинность в ней отождествляется с неизбежностью и необходимостью.¹²⁸

А. С. Сенявский называет категорию альтернативности «аккумулятором новых идей» и «продуктивным методологическим инструментарием», однако он при этом напоминает, что она «это всего лишь абстракция, вырванная из

¹²⁴ Социализм: между прошлым и будущим. М., 1989. С. 81.; См. также: Клямкин И. М. Была ли альтернатива Административной системе? // Политическое обозрение. 1988. № 10.

¹²⁵ Социализм: между прошлым и будущим... С. 81.

¹²⁶ Там же. С. 129.

¹²⁷ Там же. С. 116.

живой ткани исторического процесса, как категория она имеет право на существование лишь в системе взаимосвязанных понятий, то есть теории, и сама по себе ничего не объясняет».¹²⁹ В этом пункте А. С. Сенявский расходится в понимании альтернативности с такими авторами как Б. Г. Могильницкий и И. Д. Ковальченко, которые доказали, что альтернативность содержится в объективных связях действительности, что это не просто абстракция.

А. С. Сенявский также обращается к актуальной в то время теме сталинизма. Он считает, что суть научной проблемы – в определении причин и момента, когда поворот к сталинизму стал необратим. По его мнению, таким моментом стал 1918 год, когда раскол возглавлявших революцию левореволюционных сил привел к деформации демократической политической системы, едва успевшей зародиться. Вынесение политики за пределы общества в узкий круг профессиональных революционеров неизбежно, по словам А. С. Сенявского, вело к свертыванию внутрипартийной демократии и узурпации власти управленческим аппаратом. На фоне депротеларизации партии, когда новые кадры были бы обязаны своим продвижением «сильной власти», а не своим революционным заслугам, оттеснение профессиональных революционеров было бы неизбежно, становление военно-бюрократической диктатуры было лишь вопросом времени и тактикой честолубивых политических вождей.¹³⁰ С определенного момента «сталинизм не мог не появиться, хотя бы олицетворялся и иными именами».¹³¹

Пространное рассмотрение здесь взглядов историков на альтернативность истории 20-30-х годов имеет целью проиллюстрировать феномен того, что задавая вопрос «могло ли быть иначе», исследователи часто отвечают на вопрос «почему иначе быть не могло и не должно». А. С. Сенявский, например,

¹²⁸ Там же. С. 123..

¹²⁹ Материалы «Круглого стола» «XX век: альтернативы развития»// Рабочий класс и современный мир», 1989, №1. С. 66.

¹³⁰ Там же. С. 67.

¹³¹ Там же. С. 66.

подчеркивает, что «не опираясь на категорию альтернативности, невозможно понять, почему произошло именно так, а не иначе».¹³² Факторов препятствовавших осуществлению нереализованной альтернативности советскими историками приводится всегда гораздо больше, чем факторов, благоприятствующих, либо последних вовсе не приводится. Нам однако представляется более продуктивным подход, при котором выявление неизбежного – это лишь первый этап в исследовании альтернативности. Если затем не выявлять содержание возможностей альтернативного хода событий, то неправомерной и неуместной станет сама начальная постановка вопроса: «могло ли быть иначе?»

Г. Г. Водолазов, выступая на «Круглом столе», высказал мнение, что всю историю надо описывать как историю завязывания и развязывания узлов альтернатив, а не как лишь развитие причинно-следственных связей.¹³³ Он не соглашается с точкой зрения, что сталинизму не было альтернативы и что при всех «издержках» сталинизм обеспечил решение вставших перед страной проблем. Он считает, что сталинизм ничего не решил и предоставлял «псевдоответ на вызов времени, псевдорешение, которое впоследствии завело страну в тупик».¹³⁴ Г. Г. Водолазов утверждает, что кризисная ситуация, с которой мы столкнулись в середине 80-х годов, – следствие выбора, сделанного в конце 20-х годов.

Сегодня много лет спустя, данное высказывание историка времён советской перестройки очень показательно в двух отношениях: в историографическом плане она объясняет, почему во 2-ой половине 80-х годов анализ альтернативности в советской исторической науке часто сопряжен с критикой сталинизма; в методологическом плане она иллюстрирует распространенный способ рассуждения об альтернативности, когда актуальные проблемы современности напрямую связываются историком с волнующим его

¹³² Там же. С. 67.

¹³³ Материалы «Круглого стола» «XX век: альтернативы развития» // Рабочий класс и современный мир», 1989, №2. С. 77.

периодом прошлого (и подчас далекого прошлого), и при этом упускаются промежуточные периоды и опосредующие связи. Так, в период между 30-ми и 80-ми годами было множество других альтернативных ситуаций, миновать которые вряд ли было правомерно в поисках истоков современности.

Г. Г. Водолазов ставит вопрос о том, была ли альтернатива командно-административной системе. Он считает, что первая – неудачная – попытка создания такой системы была сделана Троцким в 1923 году. То, что провалилось в 1923 году, удалось в 1929 году. Причины этого автор видит в противоборстве двух тенденций в российском революционном движении. Первая – демократическая – идет от Радищева, через Добролюбова и Чернышевского к Ленину, объединяя передовые слои общества, приверженные идее самостоятельности народных масс. Второй поток – это идеологи типа Нечаева и Ткачева, это группы, выброшенные на дно жизни. Их выносит волной революционный протест против эксплуатации, однако их угнетенность превращается в авторитаризм. «Ленинская гвардия» – представительница первой тенденции – ослабляла себя спорами и не выстояла в борьбе с представителями новой волны типа Жданова, Кагановича и др.

Бухаринские идеи Г. Г. Водолазов не считает составляющими завершенной альтернативы в развитии советского общества». ¹³⁵ Тогда еще «не было сил для принятия и реализации ленинской демократической альтернативы». «Ныне – отмечает автор – такие силы созрели». ¹³⁶

Подоплёка данной «пролонгации» ясна: в 80-е годы почти как лозунг распространялась идея о том, что «перестройка – исполнение заветов Ленина». Дело здесь не в прямом социальном заказе, а в том, что потребность в поиске и понимании альтернатив прошедшей истории становится актуальной и широко обсуждается в период борьбы разных идеологий в обществе (во всяком случае, это относится к России). Вспомним, насколько актуальной в спорах

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же. С. 78.

славянофилов и западников в XIX веке была идея альтернативности реформ Петра I. Актуальность идеи альтернативности сохраняется до тех пор, пока «новое» ищет свои корни в прошлом, а «старое» пытается оправдаться. Когда идеологические бури затихают, к идее альтернативности в сообществе историков всерьёз уже не обращаются. Она частично забывается, частично переходит в область исторических анекдотов.

Г. Г. Дилигенский критикует И. М. Клямкина, который безальтернативность истории 20-х-30-х годов объясняет доминировавшим в то время «общинным типом личности»; для представителей данного типа сталинская административная система «оказалась значительно более приемлемой, чем НЭП». Г. Г. Дилигенский считает неправомерным «примитивным методом» применять к развитым обществам изобретенную культурантропологами концепцию «базовой личности». «Даже дореформенное крепостное русское крестьянство было далеко от психологической монолитности».¹³⁷ Г. Г. Дилигенский считает непригодным для выявления потенциальных альтернатив «статистический» подход, который учитывает только численно преобладающее. «Во многих ...исторических ситуациях действия меньшинства оказываются гораздо более «судьбоносными», чем инертность большинства».¹³⁸

О. Р. Квирквелия отмечает, что усиление интереса к альтернативам привело к существенному размыванию этого понятия, и призывает его к стандартизации. «Сегодня, – говорит О. Р. Квирквелия, – под альтернативой понимается все, что угодно: и развилка на пути исторического процесса, и способность мышления к оценке вариантов, действительных и воображаемых, и потенциальная возможность выбора, и некая противостоящая победившей сила. В то же время указывается, что альтернативы могут быть использованные и неиспользованные, что они могут качественно изменяться, что может

¹³⁶ Материалы «Круглого стола» «XX век: альтернативы развития» // Рабочий класс и современный мир», 1989, №2. С. 78.

¹³⁷ Там же. С. 79.

наличествовать или отсутствовать возможность их реализации».¹³⁹ Опасение терминологической путаницы здесь, конечно, правомерно. Однако стоит заметить, что перечисленные О. Р. Квирквелия определения и тезисы не противоречат друг другу. Они вполне могут выводиться одно из другого и взаимодополняться. Это только разные аспекты одного и того же явления. Здесь уместно вспомнить восточную мудрость, которую приводит один из участников «Круглого стола»: чтобы разгадать мир, надо глядеть на него разными глазами.

О. Р. Квирквелия затрагивает проблему критериев выбора. Он считает, что выдвигаемая в качестве такого критерия «максимизация человеческого блага при минимизации человеческих издержек» – это весьма размытый параметр. Однако иных критериев О. Р. Квирквелия не предлагает. Нам представляется, что при установлении критериев выбора между альтернативами в прошлом, следует учитывать, что разные субъекты выбора по-разному понимают «благо» и его «максимизацию» и его «издержки».

О. Р. Квирквелия утверждает, что альтернативность – категория, прежде всего, нравственная. Если учесть, что внутри каждой точки исторического процесса невозможно определить, какая тенденция побеждает, то это приобретает особую гражданскую значимость.¹⁴⁰ На взгляд О. Р. Квирквелия, череда выбора «не тех» альтернатив в нашей стране в советское время объясняется сакрализацией этой процедуры: 1. Цель выбора выносится за пределы допустимого в обозримый срок, из чего проистекает несопоставимость целей и средств. 2. Цель определяется полисемантическими понятиями, что дает возможность манипулировать ими. 3. Реальное право выбора и принятия решений принадлежит группе «посвященных» и их лидеру. 4. Возможность реализации выбора опирается на ритуальное действие – в наших условиях это «борьба», «Битва» («битва за урожай» и т.п.). Объект

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же. С. 83.

¹⁴⁰ Там же. С. 84.

борьбы вынесен за пределы реального и тем самым может быть легко персонифицирован в любом человеке – не отсюда ли параллель «инквизиция – сталинизм?»¹⁴¹ Выход из создавшегося положения О. Р. Квирквелия видит в десакрализации понятий. Он призывает «стремиться не к «светлому будущему», а к «гарантированному настоящему».¹⁴² Отметим, что во фразе «не тех альтернатив» проявился очень важный эффект взаимодействия идеи альтернативности и мотива суда над прошлым в историческом познании – историки сами становятся субъектами выбора исторических альтернатив

В 1988г. журнал «Вопросы философии» провёл «круглый стол» «Философия и историческая наука». Всего выступило 19 человек, из них почти половина касались проблемы альтернативности исторического развития.

А. Я. Гуревич и П. В. Волобуев, выступавшие на «круглом столе» по вопросу альтернативности в целом лишь повторили свои прежние взгляды на эту тему.

А. Ф. Зотов в своём выступлении утверждал, что для понимания исторических закономерностей требуется обретения чувства личной историчности, которое не может быть «односторонним», и, поэтому предполагает и ощущение исторической гордости, и чувства исторической вины.¹⁴³

Истоки альтернативности в истории А. Ф. Зотов видит в том, что в отличие от природных объектов человек живёт сразу и в настоящем, и в прошлом, и в будущем: его «моментальное существование» «не застывает» в реке времени подобно насекомому в капле янтаря. «Человек «живёт временем», и духовное «прохождение» сквозь моменты времени и предопределяет существование у человека бытийственных альтернатив, которых нет для природного существа».¹⁴⁴ Этих рассуждения А. Ф. Зотов, перекликаются с идеями А. Бергсона о непрерывном потоке сознания, в котором

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ «Круглый стол» «Философия и историческая наука»// Вопросы философии. 1988 № 10. С. 19.

взаимопроникают прошлое, настоящее и будущее, что обуславливает невозможность повторений в этом потоке.

В. Ж. Келле выдвинул тезис о том, что идея о необходимости учиться у истории, как раз и ориентирует теорию на альтернативность исторического развития. Если бы история шла фаталистически и прямолинейно, то есть не было альтернативных возможностей, которые были плохо использованы или вообще не использованы, то тогда нам учиться у истории нечему. Способы видения альтернатив показывают как нужно учитывать опыт прошлого.¹⁴⁵

Л. А. Маркова говорила о необходимости преодоления дискретности событий в исторических реконструкциях, к отражению взаимодействий и пересечения событий. «Историческое событие предстаёт перед нами не просто в своей бытийности, но прежде всего в разнообразных возможностях своего бытия. И эти возможности продолжают реализовываться в зависимости от того, с какими эпизодами событие вступает в контакт».¹⁴⁶

Я. Г. Шемякин выступил против телеологического понимания исторической закономерности. Он назвал духовную ральность такого понимания истории «гипнозом свершившегося».¹⁴⁷

В кон. 80-х нач. 90-х годов несколько статей по проблеме альтернативности исторического развития публикует Б. Г. Могильницкий.

В 1989г. в своей книге «Введение в методологию истории», являющейся учебным пособием для студентов вузов, автор развил и дополнил свой взгляд на альтернативность истории, представленный им в 1974г. Особенностью этой книги является то, что впервые тема альтернативности в истории была включена в обязательную тему учебной университетской программы по методологии истории.

Б. Г. Могильницкий утверждает, что историк не может заниматься догадками типа «что было бы, если бы». Однако, рассматривая то, что было, он

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же. С. 28.

¹⁴⁶ Там же. С. 57.

не должен упускать из виду, что могло происходить и по-иному. «Подход к прошлому, основывающийся на убеждении, что все происходило так, как должно было происходить, создает питательную почву для его апологетики».¹⁴⁸

Б. Г. Могильницкий не согласен с мнением А. Я. Гуревича, что закономерность складывается из случайностей: «такая позиция ведет к отрицанию принципиального различия между случайностью и закономерностью ... тем самым исчезает объективная основа исторического процесса, складывающегося из совокупности этих конкретных закономерностей».¹⁴⁹ Объективные условия жизни общества образуют границы действия случайности в истории, но в пределах этих границ случайности «корректируют» историческую необходимость. Многовариантность исторического процесса обусловлена и присутствием в нем случайности, и многообразием деятельности человека «пестротой красок исторического процесса».¹⁵⁰

Б. Г. Могильницкий отмечает преувеличение роли случайности в истории характерное для западной историографии. Причём, если просветители выдвигали роль случая как рациональный аргумент в борьбе с провиденциализмом христианской философии, то современные апологеты исторического случая исходят из принципиально иных позиций. Именно невозможность рациональными средствами объяснить «загадку истории» побуждает западных учёных обращаться к случайности как главному фактору исторического процесса, подчёркивая значимость уникального и особенного.

Б. Г. Могильницкий подчеркивает, что нередко побежденная альтернатива не исчезает бесследно, но накладывает отпечаток на победившую тенденцию общественного развития. Например, разновидности феодализма, восприняли в разной степени элементы предшествующих общественных отношений, прежде всего общинную организацию, причем не в виде «пережитка», а в качестве

¹⁴⁷ Там же. С. 61.

¹⁴⁸ Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М., 1989. С. 51.

¹⁴⁹ Там же.

необходимого структурного элемента нового общественного строя.¹⁵¹ Далее автор утверждает, что ответ на вопросы о причинах победы той или иной альтернативы нельзя искать в какой-либо одной сфере (в развитии производительных сил общества, демографических, национальных, религиозных и др. факторов). Этот тезис доказывается на примере политической картины Латинской Америки, где примерно одинаковый уровень производительных сил породил многообразие политических и социальных форм, которые в свою очередь не сводятся к национальным, демографическим, религиозным различиям. Следовательно, нужно искать причины и иного порядка, прежде всего, это субъективные факторы, деятельность масс, партий, классов и личностей.

В 1989г. вышла статья Б. Г. Могильницкого «Альтернативность в истории советского общества». В начале статьи автор задает вопрос: «несет ли социализм как общественная система ответственность за преступления сталинизма, является ли режим личной власти неизбежным спутником переходного от капитализма к социализму периода?»¹⁵² По мнению Б. Г. Могильницкого, исторический опыт позволяет полагать, что имеется некоторая закономерность, характеризующая становление каждой формации. Речь идет о её ранней фазе, которая еще не обнаруживает заложенные в данной формации возможности, извращая сами коренные формационные признаки, но вместе с тем является исторически необходимой в процессе ее развития. «С наименьшим основанием можно говорить о «грубом капитализма», «грубом феодализме» и т.д.».¹⁵³ «Однако, – считает Б. Г. Могильницкий, – даже на этой стадии развитие формации не является безальтернативным».¹⁵⁴

Констатируя существование двух альтернативных тенденций (демократической и деспотичной) в отечественной истории 20-х годов,

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Там же. С. 56.

¹⁵² Могильницкий Б.Г. Альтернативность в истории советского общества.// Вопросы истории.1989. №10. С. 3.

¹⁵³ Там же. С. 4.

Б. Г. Могильницкий ищет ответ на вопрос: «Почему была избрана не лучшая из возможностей?»¹⁵⁵ Выделяются объективные и субъективные факторы победы альтернативы, заключавшейся в культе личности Сталина. Объективные факторы разделяются на внутренние (хлебозаготовительный кризис, отсутствие средств для ускоренной индустриализации, рост бюрократизма) и внешние (спад революционной волны, усиление антисоветской истерии на Западе, поражение Китайской революции).

Вслед за Гегелем Б. Г. Могильницкий пишет, что история является движением из «царства необходимости» к «царству свободы». Если жизнь человека в первобытном мире почти целиком детерминирована природными условиями и для свободного выбора остается мало места, то по мере развития производительных сил общества, усложнения социальной структуры, роста духовной культуры рамки альтернативности неуклонно возрастают. Возрастает роль творческой инициативы человека в истории.¹⁵⁶ В этих и последующих положениях своей работы Б. Г. Могильницкий рассматривает новый аспект альтернативности в истории – мера альтернативности в различных исторических эпохах и периодах.

Б. Г. Могильницкий считает, что можно говорить о возрастающей альтернативности истории как ее важнейшем законе. Мера социального, экономического и духовного прогресса непосредственно связана с широтой диапазона имеющихся в нем тенденций-альтернатив дальнейшего развития.¹⁵⁷ Примером могут служить древневосточные общества, характеризующиеся выраженными чертами застоя. Достаточно сравнить их с бурно развивавшимися политическими формами, чтобы убедиться в историческом превосходстве многообразия над единообразием. Так называемые окаменевшие цивилизации несут на себе печать износа механизма

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Там же. С. 7.

¹⁵⁶ Там же. С. 12.

¹⁵⁷ Там же.

альтернативности и являют собой пример неполной реализации исторической необходимости.¹⁵⁸

Б. Г. Могильницкий делает вывод: «чтобы не повторилось ошибок, нужно выработать эффективный механизм сознательного выбора альтернатив».¹⁵⁹ Выдвигая столь заманчивую задачу, Б. Г. Могильницкий не раскрывает, что конкретно должен представлять собой механизм сознательного выбора альтернатив. Между тем подобный «механизм» можно понимать двояко: либо как особую духовную ситуацию, возникающую при определённой степени зрелости гражданского сознания, либо как некую управляемую систему, общественный институт. Во втором случае возникает сомнение: кто сможет отслеживать и регулировать массовые и стихийные умонастроения, судьбы и действия всех потенциальных лидеров и последствия их воздействий на различные группы населения, предусмотреть все влияющие на желаемую альтернативу факторы? Не приводит ли попытка создания подобного механизма на научной основе всего лишь к более организованной манипуляции общественным мнением с помощью средств массовой информации со стороны тех, кто знает, что нужно выбрать нации? Большинству современников можно внушить, что выбор был наилучший, но мы вряд ли сможем предугадать «верным» или «ошибочным» сочтут наш выбор потомки, да и мнения потомков могут разделиться.

В 1990г. вышла статья Б. Г. Могильницкого «Историческая альтернативность: методологический аспект», являвшаяся своеобразным кратким подведением итогов изучения идеи альтернативности в советской методологии истории.

Автор отмечает, что в области творческого осмысления природы исторического процесса догматические извращения марксизма оказались наиболее значительными. С победой сталинизма в марксистском

¹⁵⁸ Там же. С. 13.

¹⁵⁹ Там же. С. 15.

обществоведении утвердились представления, отождествлявшие характер развития в природе и обществе.¹⁶⁰

Исключалась сама возможность постановки вопроса об историческом действии как результате свободного выбора человека. Категория альтернативности общественного развития была надолго изгнана из методологического инструментария советской исторической науки, объявлена несовместимой с марксистским пониманием природы исторического процесса.¹⁶¹ Канонизированная в «Кратком курсе» жесткая детерминистская схема общественного развития утверждала его однолинейность, практически отождествляя такие понятия, как «историческая закономерность», «историческая необходимость» и «историческая неизбежность».¹⁶²

Б. Г. Могильницкий определяет историческую альтернативу как «объективно существующую тенденцию общественного развития, которая коренится в материальных условиях жизни общества, содержащих возможность определенного исторического действия».¹⁶³ Автор подчеркивает, что историческая альтернатива – не просто умозрительное понятие, не некая «умственная конструкция», создаваемая историками в познавательных целях, а категория, отражающая реальные связи, существующие в исторической действительности, имманентно присущее обществу состояние. «...Коль скоро история не «происходит», а «делается», фундаментальное значение приобретает вопрос, как это совершается в реальной жизни».¹⁶⁴ Для историка категория альтернативности важна тем, что позволяет демифологизировать понятие исторической необходимости.

¹⁶⁰ История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. С.109.

¹⁶¹ Могильницкий Б.Г. Историческая альтернативность: методологический аспект.// Новая и Новейшая история. 1990, №3. С. 3.

¹⁶² Там же. С. 5.

¹⁶³ Там же. С. 7.

¹⁶⁴ Там же.

Автор считает неправомерным противопоставление категорий «историческая альтернативность» и «социальный детерминизм». Ведь детерминирована сама многовариантность общественного развития.¹⁶⁵

Б. Г. Могильницкий находит аналогию критических точек развития общества, стоящего перед выбором пути, с концепцией А. Дж. Тойнби «вызов-ответ». Исход альтернативной ситуации зависит от того, насколько адекватный «ответ» сумеет дать общество на внутренний или внешний «вызов» истории, насколько «ответ» будет адекватен всей совокупности обстоятельств, обусловивших данный вызов.¹⁶⁶

В прошлом история знает немного значительных примеров такого воздействия, которое предполагало бы трезвый учет противоборствующих альтернатив и, соответственно, выбор оптимального ответа на вызов времени. «При всей полярной противоположности застоя общества и революции, — пишет Б. Г. Могильницкий, — их объединяет нечто общее: оба они являются следствием недееспособности или отсутствия в обществе эффективного функционирующего механизма социального выбора, способного своевременно находить адекватное решение назревших проблем».¹⁶⁷ Однако, Б. Г. Могильницкий замечает, что при всем значении институтов социального выбора, сами по себе они еще не в состоянии обеспечить эффективное действие механизма альтернативности. Достаточно вспомнить историю Веймарской республики. Самая демократическая в то время конституция, направленные в ее защиту правовые институты, многопартийная система — все это не смогло предотвратить захват нацистами власти в стране.

Б. Г. Могильницкий считает, научно несостоятельными абстрактные рассуждения на тему, какая альтернатива «лучше» — революция или реформа, и осуждение революционного насилия вообще. По его мнению, революционное

¹⁶⁵ Там же. С. 8.

¹⁶⁶ Там же. С. 10.

¹⁶⁷ Там же. С. 11.

решение отражало уровень развития цивилизации, являясь, всякий раз, закономерным результатом многих факторов.¹⁶⁸

Анализируя Октябрьскую социалистическую революцию с точки зрения правильного функционирования механизма альтернативности, автор отмечает тот факт, что «идеологи грядущей революции практически недооценили потенциальные возможности капиталистического мира, его способность к саморегулированию и обновлению».¹⁶⁹ Данная идея повторяется в конце 80-х годов у многих авторов, по вполне понятным причинам – кризис социалистической системы. Увязывая эту идею с альтернативностью исторического развития, Б. Г. Могильницкий замечает, что в 20-30-е годы мировая капиталистическая система выработала адекватный ответ на грозящий ей вызов. Этот ответ не только привел к стабилизации, но и открыл возможность дальнейшего поступательного развития капитализма. В глобальном плане выделяются два альтернативных варианта выхода из кризиса конца 20-х годов: либерально-реформистский путь, наиболее полно выраженный в «новом курсе» Ф. Д. Рузвельта, и тоталитарно-террористический, воплотившийся в фашистских диктатурах. Кульминационным пунктом в борьбе этих альтернатив стала вторая мировая война. В общеформационном плане восторжествовала либерально-реформистская альтернатива, именно она стала генеральной линией развития послевоенного капитализма.¹⁷⁰ В заключении делается вывод, что реформистский путь превращается в главный путь социального прогресса.

Одной из последних обобщающих работ по методологии истории в советский период, в которой рассматривается проблема альтернативности в истории, стала вышедшая в 1991г. книга В. В. Иванова «Методологические основы исторического познания» (Казань). Автор придерживается всех традиционных для темы альтернативности марксистских установок. Однако,

¹⁶⁸ Там же. С. 13.

¹⁶⁹ Там же. С. 14.

¹⁷⁰ Там же. С. 14 -15.

его критика направлена уже не против «буржуазных», западных авторов, а против моды на идею альтернативности истории у советских авторов.

Отмечается, что если отрицание альтернативности ведет к упрощению и схематизации истории, то её гиперболизация «имеет следствием «переписывание», модернизацию истории ... стало, например, модным писать об упущенных возможностях России в 1917 году».¹⁷¹ В. В. Иванов эмоционально замечает: «...в печати ныне криком кричат: «была совершена ошибка». По некоторым очевидным итогам, на сегодня – да. Но по некоторым и очевидным итогам, замечу, всего лишь на сегодня! и еще следует учесть, что кричащие и рыдающие слишком азартны в своих выводах. Азартность же в оценке исторических событий, когда историю творит непредсказуемость сочетающихся обстоятельств ... никак не может нам гарантировать верных оценок, исчерпывающего понимания».¹⁷² Здесь при всей очевидности идеологическо-ностальгической подоплёки вышеприведенного замечания, также очевидна и его методологическая бесспорность. Действительно, тема альтернативности истории в публицистике была и в начале 1990-х, и по сей день остаётся избыточно ангажированной и не позволяет осмыслять прошлое «без гнева и пристрастия».

Новым в изучении проблемы альтернативности явилось у В. В. Иванова использование категории исторического времени и идеи повторяемости в истории в связи с альтернативностью исторического развития. «Историческое время необратимо в конечных длительностях и в конечной ритмике. Нельзя вернуть историческое прошлое, потому что всякие новые состояния и события столь разнообразны ... что надеяться на точное повторение ситуации, имевшей место в прошлом, бессмысленно. Вместе с тем историческому времени присущи, как пережиток примитивных форм движения, также некоторые черты обратимости. Они особенно четко выступают в древних социальных системах как «повторение» одного и того же, то есть в форме кругового движения

¹⁷¹ Иванов В.В. Методологические основы исторического познания. Казань, 1991. С. 125.

истории целых эпох. Эта обратимость, конечно, сугубо относительна, так как всякий новый круг не точное повторение прежнего. Все это лишний раз свидетельствует о том, что исторические альтернативы механически не реализуются и не повторяются».¹⁷³

Весьма показательным признаком, того, что к 1991 году в официальной, поддерживаемой ещё функционирующей КПСС идеологии произошёл перелом в понимании проблемы альтернативности исторического развития является выход брошюр с рекомендациями лекторам, пропагандистам и преподавателям, целиком посвящённых теме альтернативности. Например, В. В. Фортунатов в такой брошюре в истории большевистской партии прослеживает борьбу двух тенденций: «реалистической», идущей от Ленина, и утопической, утвердившейся в политике Сталина, Хрущёва и Брежнева.¹⁷⁴ Подобные же тенденции автор прослеживает и в развитии капитализма: либо «новый порядок» Гитлера, либо «новый курс» Рузвельта.¹⁷⁵

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Там же. С. 138.

¹⁷⁴ Фортунатов В.В. Альтернативность в истории XX века. (1917-1939 гг.) Л., 1991. С. 8.

¹⁷⁵ Там же. С. 14-15.

1.3. Место и роль идей К. Маркса и Ф. Энгельса в понимании альтернативности исторического развития в советской науке: опыт дискурсивного анализа.

Для полного понимания изменения взглядов на проблему альтернативности исторического развития в советской методологии истории необходимо рассмотреть те идеи К. Маркса и Ф. Энгельса, которые цитируют, анализируют и используют как аргументы авторы, изучавшие проблему альтернативности. Сравнивая работы этих авторов, можно заметить традиционный, стандартный для темы альтернативности набор высказываний классиков марксизма.

Стандартность рассматриваемого ниже набора цитат обусловлена тем, что подобное цитирование служило своеобразным «щитом» от нападок ортодоксально, догматически настроенных идеологов при исследовании новой темы. Опасность идеи альтернативности для официальной идеологии заключалась в том, что мог быть поставлен под сомнение постулат о неизбежности Октябрьской революции. Выбирались те высказывания и идеи классиков, которыми можно было теоретически обосновать правомерность изучения проблемы альтернативности, избежать обвинений в нелояльности. Таким образом, для авторов, изучавших альтернативность исторического развития, постепенно сформировался оптимальный набор выдержек из классиков марксизма. Они стали своеобразным семантическим фондом.

Однако марксизм, был в данном случае не просто ширмой, но и эвристичным источником продуктивных теоретических идей, которые можно было противопоставить официальной профанированной версии марксизма. К концу советского периода эти эвристические возможности марксистской методологии исчерпались, из неё выжали почти всё.

Для нашего исследования представляется рациональным приводить отдельную выдержку¹⁷⁶ из К. Маркса или Ф. Энгельса, а затем рассмотреть, где, и в связи с чем использовали её советские авторы. Отдельное и подробное рассмотрение использования методологами идей классиков марксизма важно по трём причинам. Во-первых, это позволит рассмотреть контекст, в который включались данные идеи. Во-вторых, идеи марксизма являлись в советский период структурообразующими конструктами для исследуемой здесь дискурсивной практики (по определению М. Фуко, дискурсивная практика – это совокупность текстов, содержащих определённый набор идей и тем, подчинённых единой концептуальной и риторической модели). В-третьих, приводимые положения К. Маркса и Ф. Энгельса имеют непреходящее теоретическое значение для понимания альтернативности исторического развития независимо от политических убеждений их авторов. Одним словом, только вскользь, кратко упомянуть о роли марксизма в данном случае было бы недостаточно.

Б. Г. Могильницкий характеризуя 60-80 годы как период гуманизации исторической науки, отказа от вульгарного социологизаторства догматического марксизма, возвращения к раннему Марксу, акцентировавшему человеческое содержание истории, заметил: «не случайно, известное марксистское положение о том, что «история – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека», превратилась в своеобразный историографический штамп, непременно присутствовавший едва ли не в каждой работе, где рассматривается природа исторического действия».¹⁷⁷

Обычно упомянутое высказывание К. Маркса и Ф. Энгельса из «Святого семейства» приводилось в более полном виде:

«История не делает ничего, она «не обладает никаким необъятным богатством», она не сражается ни в каких битвах! Не «история», а именно

¹⁷⁶ Все цитаты К. Маркса и Ф. Энгельса приводятся по 2-му изданию полного собрания сочинений на русском языке.

человек, действительный, живой человек – вот кто делает всё это, всем обладает и за всё борется. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека».
[Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 102.]

Это высказывание А. Я. Гуревич приводит в контексте проблемы соотношения альтернативности и закономерности, отмечая отличие законов эволюции природы от законов развития общества. Он пишет: «...закономерности истории не могут существовать вне людей – творцов и участников исторического процесса... исторический закон осуществляется через людей и людьми ... он имеет как бы индивидуальную окраску, пройдя через людей, их поступки, психику, мысли, идей и чувства».¹⁷⁸

Е. М. Жуков, приводя рассматриваемую цитату, отмечает, что «законы общественного развития пробивают себе дорогу и побеждают, нередко с неодинаковой степенью полноты, быстрее или медленнее, в те или иные исторические сроки в зависимости от активности подлинных творцов истории – народных масс».¹⁷⁹

И. Д. Ковальченко именно с этой цитаты К. Маркса и Ф. Энгельса начинает анализ альтернативности в истории.

Б. Г. Могильницкий также дважды использует рассматриваемую цитату в связи с альтернативностью в истории. Отталкиваясь от данного высказывания классиков, Б. Г. Могильницкий отмечает важность для истории типа случайности, связанного с деятельностью человека и неотделимого от него. «Из истории известно множество примеров, когда та или иная историческая личность не просто накладывала свой отпечаток на ход событий, но и существенным образом его изменяла, причём в таком направлении, которое

¹⁷⁷ Могильницкий Б. Г. Некоторые итоги и перспективы методологических исследований в отечественной историографии // Новая и новейшая история. 1993. №3. С. 14.

¹⁷⁸ Гуревич А. Я. Общий закон и конкретная закономерность истории//Вопросы истории. 1965. № 8. С. 14.

¹⁷⁹ Жуков Е. М. Указ. Соч. С. 79.

никак не вытекало из объективных обстоятельств».¹⁸⁰ Приводится пример с радикальным изменением хода Семилетней войны в 1761г. из-за смерти императрицы Елизаветы Петровны и воцарения, поклонника прусского короля Фридриха II. Петр III немедленно заключил мир с ним и вернул все занятые территории.

Можно считать, что все рассматриваемые ниже высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса, являются «историографическими штампами» для темы альтернативности исторического развития, в том числе и следующее высказывание К. Маркса из письма к Л. Кугельману:

«Творить мировую историю было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо благоприятных шансов. С другой стороны, история носила бы очень мистический характер, если бы случайности не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, и сами составной частью в общий ход развития, уравниваясь другими случайностями. Но ускорение или замедление в сильной степени зависят от этих «случайностей», среди которых фигурирует также и такой «случай» как характер людей, стоящих вначале во главе движения». [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 175.]

П. В. Волобуев приписывает эти идеиг. В. Плеханову, который, несомненно, заимствовал их у К. Маркса. А. Г. В. Плеханов утверждал, что появление тех или иных исторических деятелей случайно, но если эти деятели выражают назревшие потребности развития данного общества, то их индивидуальные, а потому неповторимые качества накладывают заметный отпечаток на ход истории.¹⁸¹

Б. Г. Могильницкий в статье «Альтернативность в истории советского общества» приводит рассматриваемое высказывание К. Маркса в связи с упоминанием тех отрицательных черт характера Сталина, о которых писал В. И. Ленин в «Письме к съезду». Б. Г. Могильницкий отмечает как быстро

¹⁸⁰ Могильницкий Б.г. Введение в методологию истории. М., 1989. С. 50.

оправдались опасения В. И. Ленина, вследствие того, что его предупреждения были игнорированы.¹⁸² В «Письме к съезду» отмечалось важность такой «случайной» мелочи как черты характера тогдашних политических лидеров: «Взаимоотношения Сталина и Троцкого – это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение».¹⁸³

В другой работе того же года Б. Г. Могильницкий, приводя рассматриваемое высказывание К. Маркса, делает вывод, что «случайное в истории является таким же законным предметом исследования, как и необходимое».¹⁸⁴ В связи с этим выводом даётся типология случайностей: 1) Загадочные явления не поддающиеся удовлетворительному рациональному объяснению (например, стихийные бедствия); 2) Пересечение различных не связанных друг с другом каузальных цепей; 3) Характер и индивидуальные особенности исторических деятелей.¹⁸⁵

Е. М. Жуков связывает рассматриваемые идеи К. Маркса с проблемой роли личности в истории.¹⁸⁶ Там же Е. М. Жуков приводит высказывание Ф. Энгельса из письма к В. Боргиусу. Данные рассуждения Ф. Энгельса и их влияние на развитие идеи альтернативности в советской историографии стоит проанализировать особо, поэтому ниже выдержка приведена целиком без сокращений.

«Люди сами делают свою историю, но до сих пор они делали ее, не руководствуясь общей волей, по единому общему плану, и даже не в рамках определенным образом ограниченного, данного общества. Их стремления перекрещиваются, и во всех таких обществах господствует поэтому необходимость, дополнением и формой проявления которой является случайность. Необходимость, пробивающаяся здесь сквозь все случайности, —

¹⁸¹ Плеханов В. Избр. философск. произведен. Т. 2. С. 323.

¹⁸² Могильницкий Б. Г. Альтернативность в истории советского общества. // Вопросы истории. 1989. №10. С. 10.

¹⁸³ Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 345.

¹⁸⁴ Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. М., 1989. С. 49.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Жуков Е. М. Указ. Соч. С. 12.

опять-таки в конечном счете экономическая. Здесь мы подходим к вопросу о так называемых великих людях. То обстоятельство, что такой и именно вот этот великий человек появляется в определенное время в данной стране, конечно, есть чистая случайность. Но если этого человека устранить, то появляется спрос на его замену, и такая замена находится более или менее удачная, но с течением времени находится. Что Наполеон, именно этот корсиканец, был тем военным диктатором, который стал необходим Французской республике, истощенной войной, — это было случайностью. Но если бы Наполеона не было, то роль его выполнил бы другой. Это доказывается тем, что всегда, когда такой человек был нужен, он находился. Цезарь, Август, Кромвель и т. д. ...Точно так же обстоит дело со всеми другими случайностями и кажущимися случайностями в истории. Чем дальше удаляется от экономической та область, которую мы исследуем, чем больше она приближается к чисто абстрактно-идеологической, тем больше будем мы находить в ее развитии случайностей, тем более зигзагообразной является ее кривая. Если Вы начертите среднюю ось кривой, то найдете, что чем длиннее изучаемый период, чем шире изучаемая область, тем более приближается эта ось к оси экономического развития, тем более параллельно ей она идет». [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 175-176.]

Изложенные в данных рассуждениях идеи стали одним из основных истоков очень распространенных в советской исторической представлений о роли личности в истории. Суть этих представлений в том, что, если бы не было (или не стало) какой-либо исторической личности, то вместо неё обязательно появится очень похожая другая личность, которая станет действовать похоже, и в общем ходе истории ничего не изменится.

Так Е. М. Жуков, подражая примеру Ф. Энгельса с Наполеоном, пишет о Гитлере: «Если бы не было Гитлера, то, возможно, нашёлся бы другой

ставленник агрессивного империализма, который попытался бы проводить в жизнь человеконенавистническую программу порабощения народов».¹⁸⁷

В. В. Иванов, анализируя социально-психологические и политические предпосылки сталинского тоталитаризма, замечает: «... на авансцену вышел Сталин как наиболее подготовленная бюрократическим аппаратом и обстоятельствами личность. Конечно, на этой роли мог оказаться кто-то другой. Но едва ли это привело бы охарактеризованное выше общество к гуманизации».¹⁸⁸

Насколько правомерны подобные представления в методологическом отношении? Безусловно, к некоторым историческим ситуациям и историческим личностям можно применить такой подход, но универсальным он вряд ли является. Неповторимые судьба и характер каждой личности – такой же результат всего предшествующего исторического развития, как и любое другое значительное историческое событие (а судьба выдающейся личности – это значительное историческое событие). Если «общественная потребность» привела однажды к формированию и деятельности данной личности, это не означает автоматически, что в случае её «устранения» или «исчезновения», «общественная потребность» породит или найдёт похожую, которая начнёт действовать похоже на того, кого она «заменяет». Более того, сама «общественная потребность» вряд ли останется неизменной без взаимодействия с ней определённого исторического деятеля. Даже самые незначительные черты характера лидера (не важно, в какой сфере он является лидером) могут значительно повлиять на общественное мнение. Не будем забывать, что человек не только «исполнитель ролей», но и «соавтор» в жизненной драме, названной Историей. Популярность концепции «заменяемости» исторических персонажей объясняется тем, что она очень хорошо соответствовала лозунгу советской эпохи о том, что «у нас

¹⁸⁷ Жуков Е. М. Указ. Соч. С. 13.

¹⁸⁸ Иванов В. В. Указ. Соч. С. 128.

незаменимых нет» и подавлению индивидуальности в пользу коллективизма по принципу «единица – это ноль».

Очень распространённым по упоминанию в связи с темой альтернативности в истории является следующее высказывание Ф. Энгельса в письме Й. Блоху:

«История делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновений множества отдельных волей, причём каждая из этих волей становится тем, что она есть опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограмов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая – историческое событие. Этот результат можно рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, бессознательно и безвольно. Ведь то, чего хочет один, встречает противодействие со стороны всякого другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел. Таким образом, история, как она шла до сих пор, протекает подобно природному процессу и подчинена, в сущности, тем же самым законам движения. Но из того обстоятельства, что воли отдельных людей, каждый из которых хочет того, к чему его влечёт физическая конституция и внешние, в конечном счёте экономические обстоятельства (или его собственные, личные, или общесоциальные), что эти воли достигают не того, чего они хотят, но сливаются в нечто среднее, в одну общую равнодействующую, – из этого всё не следует заключать, что эти воли равны нулю. Наоборот, каждая воля участвует в равнодействующей и постольку включена в неё». [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 395-396.]

А. Я. Гуревич использует данные идеи Ф. Энгельса для объяснения того, в чём обнаруживается историческая закономерность.¹⁸⁹

¹⁸⁹ Гуревич А. Я. Общий закон и конкретная закономерность истории // Вопросы истории. 1965. №8. С. 24.

М. А. Барг приводит эти идеи, чтобы обосновать следующее выдвинутое им положение: «...полем перекрещивающихся составляющих социальной системы может стать каждая из сфер социальности. Из этого следует, что собственно историческая закономерность в рамках каждой из сфер представляет системность, в отличие от «автономных» закономерностей присущих каждой из них в отдельности. Иными словами, собственно историческая закономерность — это принцип движения конкретно исторических форм социальности, рассматриваемых не обособленно одна от другой, а во взаимосвязи и взаимодействии.»¹⁹⁰

В связи с этим положением М. А. Барга применительно к альтернативности в истории возникает следующая проблема: Если в разных сферах общественной жизни («формах социальности») могут существовать собственные альтернативы развития событий в данных сферах, то следует ли определять альтернативы развития всего общества в целом, исходя из перебора комбинаций альтернатив разных сферах жизни, или же следует выделять некие «усреднённые» альтернативы? В первом случае встаёт вопрос о методах перебора комбинаций альтернатив, во втором — о механизмах «усреднения» событий.

Е. М. Жуков использует рассматриваемые идеи Ф. Энгельса, говоря о динамизме исторического процесса.¹⁹¹ И. Д. Ковальченко, использует их как аргумент в пользу того, что историческое развитие имеет необходимо-закономерный характер.¹⁹² П. В. Волобуев приводит данные рассуждения Ф. Энгельса при объяснении того, что историческое развитие предстаёт как процесс реализации противоположных возможностей потому, что основой его «является борьба классов, а результирующая борьбы классов представляет собой равнодействующую различных социальных сил и тенденций».¹⁹³

¹⁹⁰ Барг М. А. Указ. Соч. С. 190.

¹⁹¹ Жуков Е. М. Указ. Соч. С. 64.

¹⁹² Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 66.

¹⁹³ Волобуев П. В. Указ. Соч. С. 49.

Практически совпадает по смыслу с указанными идеями Ф. Энгельса следующее высказывание К. Маркса из «Капитала»:

«Общественные законы осуществляются весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господствующая тенденция, как некоторая никогда твёрдо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний». [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Часть I. С. 176.]

П. В. Волобуев приводит это высказывание вместе с предыдущим высказыванием Ф. Энгельса и отмечает, что ту же мысль развивал и В. И. Ленин, который писал: «...закономерность не может проявляться иначе как в средней, общественной, массовой закономерности при взаимопогашении индивидуальных отклонений в ту или другую сторону.» (Ленин В. И. ПСС, Т. 26, С. 68). Здесь следует заметить, что высказанная А. Я. Гуревичем мысль о том, что «случайные отклонения» могут не только взаимогаситься, но и взаимоусиливаться, не получила поддержки в советской методологии истории, хотя данная идея вполне логична и интересна.

И. Д. Ковальченко приводит рассматриваемое положение К. Маркса как аргумент в пользу того, что вероятностные законы истории присущи функционированию и развитию массовых случайных явлений.¹⁹⁴

В. В. Иванов приводит высказывание К. Маркса как обоснование того, что историческую альтернативность нельзя рассматривать как обоснование случайности направления социального развития, её следует рассматривать как тенденции, обусловленные закономерностями.¹⁹⁵

Часто цитировались в связи с проблемой альтернативности и другие высказывания. В частности следующее:

«История развития общества в одном пункте существенно отличается от истории развития природы. В природе (поскольку мы оставляем в стороне обратное влияние на нее человека) действуют одна на другую лишь слепые, бессознательные силы, во взаимодействии которых и проявляются общие

¹⁹⁴ Ковальченко И. Д. Указ. Соч. С. 81.

законы. Здесь нигде нет сознательной, желаемой цели: ни в бесчисленных кажущихся случайностях, видимых на поверхности, ни в окончательных результатах, подтверждающих наличие закономерности внутри этих случайностей. Наоборот, в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели. Но как ни важно это различие для исторического исследования, — особенно отдельных эпох и событий, — оно нисколько не изменяет того факта, что ход истории подчиняется внутренним общим законам. В самом деле, и в этой области на поверхности явлений, несмотря на сознательно желаемые цели каждого отдельного человека, царствует, в общем и целом, по-видимому, случай. Желаемое совершается лишь в редких случаях, по большей же части цели, поставленные людьми перед собой, приходят во взаимные столкновения и противоречия или оказываются недостижимыми частью по самому своему существу, частью по недостатку средств, для их осуществления. Столкновения бесчисленных отдельных стремлений и отдельных действий приводят в области истории к состоянию, совершенно аналогичному тому, которое, господствует в лишенной сознания природе. Действия имеют известную желаемую цель, но результаты, на деле вытекающие из этих действий, вовсе нежелательны. А если вначале они, по-видимому, и соответствуют желаемой цели, то в конце концов они ведут совсем не к тем последствиям, которые были желательны». [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 306.]

А. Я. Гуревич связывает данные идеи с задачей различения объективного хода исторического процесса, результата деятельности людей и преломления этого результата в их сознании. Приводят эту выдержку также Е. М. Жуков¹⁹⁶ и И. Д. Ковальченко¹⁹⁷. П. В. Волобуев идею несовпадения целей и результатов

¹⁹⁵ Иванов В. В. Указ. Соч. С. 112.

¹⁹⁶ Жуков Е. М. Указ. Соч. С. 65.

¹⁹⁷ Ковальченко И. Д. Указ. Соч. С. 62.

деятельности связывает со стихийностью исторического процесса. При этом он считает, что «стихийность одна из форм саморегулирования системы, а значит, и форма реализации объективной необходимости в условиях неосознанности и неуправляемости процесса».¹⁹⁸

Приведённые рассуждения Ф. Энгельса перекликаются с идеями Гегеля о «коварстве духа» (Мировой дух исполняет свою волю руками людей, используя их волю) и об «иронии истории» (превращение осуществляемых намерений в свою противоположность). Диалектический материализм опирается на гегелевский диалектику, поэтому советские методологи, критикуя Гегеля за приписывание истории фаталистической предрешённости, неизбежно возвращались и рассуждали в рамках логики, восходящей всё к тому же Гегелю, но уже посредством марксистской дискурсивной практики. Поэтому понятия «ведущая закономерность», «общие законы» или «главная тенденция» есть ни что иное, как обезличенный «Мировой Дух» Гегеля. Конечно, результаты и планы, как правило, не совпадали полностью и всегда, это, собственно, общеизвестная банальность. Тем не менее, реализация любой альтернативы будет, так или иначе, исполнением чьих-то желаний. Просто ни одна социальная группа не сможет бесконечно долгое время пребывать в оптимально желаемом состоянии. Во-первых, появляются новые факторы, которых не было при зарождении и достижении целей, во-вторых, само понимание изначальных целей может измениться в изменившихся условиях. Всё дело в том, насколько широкие хронологические рамки брать для определения основных этапов альтернатив, и насколько подробно представлять желаемый результат.

Нижеследующие рассуждения К. Маркса обычно приводились, когда альтернативность связывалась со сравнительно-историческим анализом.

К. Маркс писал: *«...один и тот же экономический базис один и тот же со стороны основных условий благодаря бесконечно разнообразным*

¹⁹⁸ Волобуев П. В. Указ. Соч. С. 37.

эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т.д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации.»
[Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.25, Ч. II, С. 354.]

Б. Г. Могильницкий считает, что эти «бесконечные вариации и градации» определяют многообразие, присущее любой общественно-экономической формации, и именно это многообразие, как воплощение исторической закономерности, составляет предмет исторической науки.¹⁹⁹

Это высказывание К. Маркса приводят также М. А. Барг²⁰⁰ и И. Д. Ковальченко²⁰¹. П. В. Волобуев замечает, что «зигзаги истории» имеют свои пределы. Он пишет: «Законы истории, утверждая необратимость исторического процесса, «запрещают» возврат к уже пройденным ступеням общественного развития; здесь нет свободы выбора: он снят в ходе совершенствования социального организма».²⁰²

Многие авторы в связи с идеей альтернативности приводили также другое известное высказывание К. Маркса из его работы «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта»:

«Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых. И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории. Так,

¹⁹⁹ Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М., 1989. 56-57

²⁰⁰ Барг М. А. Указ. Соч. С. 202.

²⁰¹ Ковальченко И. Д. Указ. Соч. С. 75.

Лютер переодевался апостолом Павлом, революция 1789—1814 гг. драпировалась поочередно то в костюм Римской республики, то в костюм Римской империи, а революция 1848г. не нашла ничего лучшего, как пародировать то 1789 год,- то революционные традиции 1793—1795 годов. Так, новичок, изучивший иностранный язык, всегда переводит его мысленно на свой родной язык; дух же нового языка он до тех пор себе не усвоил и до тех пор не владеет им свободно, пока он не может обойтись без мысленного перевода, пока он в новом языке не забывает родной». [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 119.]

А. Я. Гуревич, развивая эти идеи, пишет: «Каждое новое поколение застаёт в готовом виде до и помимо него сложившиеся производительные силы, производственные отношения, формы общественного строя, идеологии, культуры. Люди творят историю, исходя из наличных условий, преобразуя их в своей деятельности, но в своей деятельности они неизбежно связаны данной им реальностью».²⁰³

Положение о зависимости деятельности людей от условий, перешедших из прошлого, принципиально для понимания роли объективных факторов в появлении, реализации и исчезновении альтернатив развития общества. И. Д. Ковальченко, приводя рассматриваемые идеи К. Маркса, говорит о том, что каждое поколение может действовать исходя только из имеющихся у него материальных и духовных ресурсов.²⁰⁴ П. В. Волобуев, цитируя К. Маркса, утверждает, что «в прямой зависимости от объективных условий находится вероятность реализации возможности в каждой фазе развития».²⁰⁵ В. В. Иванов отмечает, что приведённое высказывание К. Маркса не означает, что люди всегда являются заложниками прошлого. «Оно в философском аспекте означает следующее: то, что было результатом свободной деятельности людей

²⁰² Волобуев П. В. Указ. Соч. С. 45.

²⁰³ Гуревич А. Я. Указ. Соч. С. 17.

²⁰⁴ Ковальченко И. Д. Указ. Соч. С. 65.

²⁰⁵ Волобуев П. В. Указ. Соч. С. 26.

одного поколения, становится объективной необходимостью для последующих поколений».²⁰⁶

Очень важными для понимания идеи альтернативности исторического развития советскими методологами являются рассуждения Ф. Энгельса из «Анти Дюринга»:

«Гегель первый правильно представил соотношение свободы и необходимости. Для него есть познание необходимости «Слепа необходимость, лишь поскольку она не понята». Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей. Это относится как к законам внешней природы, так и к законам, управляющим телесным и духовным бытием самого человека, — два класса законов, которые мы можем отделять один от другого самое большее в нашем представлении, но отнюдь не в действительности. Свобода воли означает, следовательно, не что иное, как способность принимать решения со знанием дела. Таким образом, чем свободнее суждение человека по отношению к определенному вопросу, с тем большей необходимостью будет определяться содержание этого суждения; тогда как неуверенность, имеющая в своей основе незнание и выбирающая как будто произвольно между многими различными и противоречащими друг другу возможными решениями, тем самым доказывает свою несвободу, свою подчиненность тому предмету, который она как раз и должна была бы подчинить себе». [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 116.]

Из рассматриваемых авторов данную выдержку из Ф. Энгельса приводят Е. М. Жуков²⁰⁷ и П. В. Волобуев²⁰⁸. Эти идеи в значительной степени повлияли на то, что в советской методологии истории свободу воли всегда подчиняли необходимости, субъективное предопределялось объективным. Такой подход

²⁰⁶ Иванов В.В. Указ. Соч. С. 113.

²⁰⁷ Жуков Е. М. Указ. Соч. С. 80.

²⁰⁸ Волобуев П. В. Указ. Соч. С. 29.

принципиален для диалектического метода, при котором тезис и антитезис обязательно подлежат синтезу, синтез же означает чаще всего нечто иное, как подчинение и выведение одной противоположности из другой. Заметим, что «экспроприированное» марксистами крылатое словцо Гегеля «познанная необходимость» имело не-материалистический смысл: под необходимостью он разумел не природную, а *логическую* необходимость. Тем не менее идея о подчинении свободы необходимости была главной для всего дискурса, связанного в советской историографии с темой альтернативности в истории. Эта идея позволяла толковать альтернативность только весьма в ограниченных пределах непреложности общеисторических законов, провозглашённых в официальной идеологии. Только в таком виде идея альтернативности и могла функционировать, не становясь маргинальной.

Дискурс обычно интерпретируется как семиотический процесс, проявляющийся в определённых специфических правилах организации речевой деятельности (письменной или устной). В контексте дискурсивного анализа можно увидеть, что языковые конструкции, метафорические выражения и структуры значений в вышерассмотренных цитатах Маркса и Энгельса так или иначе направлялись советскими методологами на явное или неявное обоснование идеи подчинения свободы воли исторической необходимости. В подтверждение, можно привести такие конструкции: *«исторический закон имеет индивидуальную окраску»*, *«подлинные творцы истории – массы»*, *«случайности только замедляют или ускоряют ход событий, но не изменяют его по существу»*, *«если бы данного исторического деятеля не было, его роль выполнил бы другой»*, *«альтернативы – это только зигзаги в рамках одной главенствующей тенденции»*, *«отдельная воля может влиять на историю только как равнодействующая от столкновения множества всех волей»* и т. д. Эти риторические конструкции превратились в те саамы мемы, о которые упоминались во введении к нашей монографии.

В 1989 году В. М. Вильчек издал книгу (2-е издание в 1993 г.), в которой предпринял попытку ревизии марксистской доктрины истории человечества. Свобода рассматривалась автором не как осознанная необходимость, а как осознанная возможность.²⁰⁹ Книга В. М. Вильчека, и, в частности, переосмысление в ней категории «свобода» – симптоматичны. Это признак качественного изменения рассматриваемой нами дискурсивной практики.

М. Фуко в статье 1968г. «Ответ на вопрос» намечает три класса трансформаций дискурсивных практик²¹⁰, которые вполне допустимо применить и к трансформации места и роли идей К. Маркса и Ф. Энгельса в понимании проблемы альтернативности исторического развития в советской методологии истории. Первый тип трансформаций дискурсивных практик – *деривации* (или внутридискурсивные зависимости), представляющие собой изменения, получаемые путём дедукции или импликации, обобщения, ограничения, исключения или включения понятий. В марксистско-позитивистской дискурсивной практике изучения исторических альтернатив данный тип трансформации наблюдается в период начала 60-х – середины 80-х гг. Второй тип – *мутации* (междискурсивные зависимости): смещение границ поля исследуемых объектов, роли и позиции говорящего субъекта, изменение стилистической функции языка, установление новых форм информативной социальной циркуляции. Этот тип трансформации наблюдается в отношении к теме альтернативности в конце 80-х начале 90-х гг. Третий тип – *редистрибуции* (перераспределение, или внедискурсивные зависимости): опрокидывание иерархического порядка, смена руководящих ролей, смещение функции дискурса. Такая трансформации марксистско-позитивистских дискурсивных практик происходит в постсоветский период 90-х гг. и по сей день.

Продemonстрируем признаки перехода дискурсивной практики в рассмотрения темы альтернативности в истории от *мутации* к *редистрибуции*

²⁰⁹ Вильчек В.М. Прощание с Марксом: (Алгоритмы истории). М., 1993. С. 215.

на примере фрагмента из книги И. А. Гобозова «Введение в философию истории».²¹¹ В двух параграфах книги затрагиваются проблема выбора путей исторического развития²¹² и проблема соотношения случайности и необходимости в истории.²¹³ Автор цитирует Н. А. Бердяева, П. А. Кропоткина, Ж.-П. Сартра, Р. Арона. И. А. Гобозов обращает внимание на то, что альтернативность истории признавал ещё В. О. Ключевской, когда писал о возможных путях организации отношений между крестьянами и землевладельцами при царствовании Екатерины II.²¹⁴ Из К. Маркса и Ф. Энгельса в указанных параграфах всего одна цитата. Однако автор сохраняет концептуальные и теоретические установки марксизма: прежде всего, решающая роль объективных условий в исторической ситуации, понимание альтернативности только как «зигзагов» внутри «ведущей тенденции», «заменяемость» исторических деятелей (упоминается дежурный пример с Наполеоном). Хотя автор признаёт предпочтительность реформ перед революциями, он не отказывается от постулирования неизбежности и необходимости революций.

В целом, после распада СССР, краха КПСС и коммунистической идеологии утратила свою прежнюю роль и марксистская методология в исторической науке. В 90-х годах развитие темы альтернативности и исторического развития происходит, также как и разработка большинства других проблем истории, в рамках поиска новых методологических оснований исторического познания. Здесь можно отметить обращение к концепциям зарубежных социологов, использование идей постмодернистской философии, повышение внимания к культуре, привлечение теорий естествознания (прежде всего, теории систем и синергетики). В этот период можно отметить утрату серьезного интереса к теме альтернативности в истории со стороны сообщества

²¹⁰ Цит. по: Ильин И. П. Постмодернизм. Словарь терминов. М., 2001. С. 77.

²¹¹ Гобозов И. А. Введение в философию истории. М., 1993.

²¹² Там же. С. 138-144.

²¹³ Там же. С. 210-212.

²¹⁴ Ключевской В.О. Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 5. С. 132-134.

профессиональных историков, и в то же время рост интереса к этой теме у философов, культурологов и представителей физико-математических наук.

В контексте проведённого дискурсивного анализа отметим, что возможна редистрибуция дискурсивной практики в форме параллельного господствующему дискурсу ответвления в творчестве отдельных авторов. Речь в данном случае идёт о М. Я. Гефтере. Его понимание альтернативности в истории, в силу его оригинальности и самобытности, следует рассмотреть отдельно.

1.4. Проблема альтернативности исторического развития в работах М. Я. Гефтера.

М. Я. Гефтер – первый советский историк, который в изучении проблемы альтернативности истории решился выйти за рамки марксистской методологии. Главная идея М. Я. Гефтера в понимании альтернативности – это отведение центральной роли сознательному выбору человеком своих жизненных путей.

Сообществу отечественных историков конца 80-х – 90-х годов, ещё только предстоял прорыв за пределы «истматовского» дискурса, в котором воспитывалось несколько поколений советских исследователей. Снятие идеологических ограничений само по себе такого преодоления не гарантирует. Вспомним в связи с этим, что язык статей М. Я. Гефтера разительно отличается от академического изложения обилием метафор, полунамёков, риторических вопросов, переформулировками старинных тем, мастерским сочетанием диалогической, лирически-экспрессивной и побудительной техники повествования. Иной язык – иной образ мышления.

По мнению Г. О. Павловского, специфика философии М. Я. Гефтера в особом стиле и ритме рассуждений. Ритм жил в его подменах тезиса – умерщвлении одного вопроса другим, в искусстве «возобновления идей, измеренных и обремененных прошлым».²¹⁵

Одним из первых доступных научной общественности размышлений М. Я. Гефтера на тему альтернативности стало написанное в 1978 году открытое письмо американскому историку Стивену Коэну, явившееся ответом на его книгу о Бухарине.²¹⁶ В этом письме М. Я. Гефтер подчеркивает, что «в не меньшей мере актуальна вся коллизия ищущей мысли – ее взлеты и ее спуски, ее победы и ее трагедии». «Можно ли объяснить финал лишь

²¹⁵ Павловский Г. О. Невосстановимый Гефтер // Век XX и мир. 1994. № 11-12.

²¹⁶ Перевод книги вышел только через 10 лет: Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888-1938. М., 1988.

действием обстоятельств, находящихся за пределами мысли и оказавшихся сильнее серого вещества? Именно здесь путь движения к альтернативе».²¹⁷

Исторический выбор М. Я. Гефтер понимает не просто как «выбор между двумя «есть» – двумя наличными возможностями, и даже не только выбор между двумя «будет», двумя «может быть»; здесь нечто среднее и совсем иное; здесь выбор между известным и неизвестным: неизвестным в принципе, то есть еще недоступным сознанию».²¹⁸

Отношение М. Я. Гефтера к связи исследований исторических альтернатив и суда историка над прошлым принципиально отличалось от взглядов на эту проблему других советских методологов. М. Я. Гефтер считал, что, отклоняя «суд истории» как нечто, предполагающее, что кто-то имеет право выступать в роли прокурора, мы лишаем себя и «претензии на адвокатуру задним числом». Представляется, что суть взгляда М. Я. Гефтера в следующем: если мы не будем осуждать и защищать события прошлого, то, как мы сможем сопереживать людям, действовавшим в прошлом, как мы сможем постичь дух эпохи, ведь люди прошлого относились к происходящему отнюдь не непредвзято. М. Я. Гефтер пишет: «Не в оценках суть, а в понимании. Но в понимании трагедии, а не простого зигзага, «временного отклонения» в сторону. Самое сложное – измерить масштаб необратимости происшедшего».²¹⁹

Таким образом, в понимании М. Я. Гефтера, «суд над историей», разбор ошибок и заблуждений людей прошлого может не только сформировать более адекватный образ прошлого, но и измерить необратимость (или обратимость) происходивших событий.

М. Я. Гефтер полемизирует со Стивинем Коэном о том, явилось ли диссидентское движение в СССР исторической альтернативой, носители которой могли поставить все советское общество перед выбором путей

²¹⁷ Гефтер М. Я. Открытое письмо американскому историку Стивену Коэну // Из тех и этих лет. М., 1991. С. 85

²¹⁸ Там же.

развития. На тезис Козна о том, что «ересь сегодня гонимого может стать мудростью завтрашнего реформатора», М. Я. Гефтер замечает: «чтобы стать такой мудростью, ересь должна быть действительно ересью, а не подделкой под нее, и для этого нужно, чтобы завтра явился человек, способный не на паллиативы, а на преобразования, объем и характер которых – открытый вопрос».²²⁰ Не сомневаясь в нравственных качествах известных диссидентов, М. Я. Гефтер ставит под сомнение их интеллектуальный потенциал, «их реализм и способность противостоять искусам – рассчитывая потеснить «свою» силу посредством чужой и становясь «заложниками» чужой».²²¹

Наиболее широко известной статьей М. Я. Гефтера, посвященной альтернативности, стала опубликованная в 1987г. статья «Сталин умер вчера» (беседа с журналистом Г. Павловским). В начале статьи М. Я. Гефтер отмечает, что значение исследований альтернативности истории для историка заключается в том, что он «становится способным мыслить не одними лишь заданными, «заказанными» иллюстрациями и аналогиями и даже не только упущенными в прошлом возможностями ... перед ним открывается самое глубинное и самое сокрытое – невозможность...».²²²

На вопрос о том, явился ли Сталин неизбежной фигурой нашей истории, и пошло бы развитие страны другим путем, если бы у власти стоял не Сталин, М. Я. Гефтер ответил следующее: «Представьте себе на миг: мы вычеркнем его из списка вождей в 1924 году. Что ж, другой, занявший его место, был бы таким же? Понятно, что нет... Сталин не был неизбежен изначально, но его неизбежность нарастала из года в год. Он строил и весьма искусно, свою нужность. И, утверждая ее, придавал всему свершившемуся такие черты, которые делали именно его все более необходимым».²²³

²¹⁹ Там же. С. 86

²²⁰ Там же. С. 88

²²¹ Там же. С. 89

²²² Гефтер М. Я. Сталин умер вчера // Из тех и этих лет. М., 1991. С. 237.

²²³ Там же. С. 246.

М. Я. Гефтер считает, что в 1917 году у России выбора не было. «Свершившееся тогда – единственное, что противостояло неизмеримо большей кровавой перетасовке, развалу без смысла. Выбор – позже. Не исторического пути, а уже внутри «пути». Больше, чем варианты, иное, чем ступеньки, сами ведущие вверх от первой развилки ...».²²⁴

Особое внимание М. Я. Гефтер уделяет выбору путей развития, связанных с ведением и отменой НЭПа. По его мнению, Ленин медлил и опоздал с НЭПом, потому что догадывался, что если начать отступление от «антирынка», то первым шагом не ограничиться. Готовность к выбору «пришла протестующим, бунтующим мужиком, которого поддержали рабочие обеих столиц». «И тогда наступила полоса выбора – уже не между продразверсткой и продналогом. Выбор между «коммунизмом на базе нищеты» и цивилизаторской работы с азов».²²⁵ М. Я. Гефтер определяет ленинский выход как «самотермидоризацию» – превращение революции в реформу.²²⁶ По словам автора, «разорванная целостность мысли» Ленина открывала новую эпоху.²²⁷

Впрочем, М. Я. Гефтер отнюдь не постулирует решающую роль отдельной личности в истории, более того, он пишет, что «один из самых опасных мифов на свете – о единственном авторе у единственной истории» «коллективный ли это автор, либо единоличный – разница мифологем существенная, но все же не коренная. Признание соавторства – верная примета реалистического мышления, нравственного, политического здоровья, а подчас и мужества».²²⁸

М. Я. Гефтер замечает, что историки еще недостаточно вдумались в судьбу «предальтернативных лет», когда можно выявить «сужение поля выбора». Он задает риторический вопрос: «Что говорят нам такие даты как 1923-й год, 1928-й и 1934-й?»²²⁹ Здесь автор касается нового аспекта в вопросе этапов исторических альтернатив. Предальтернативные годы играют важную

²²⁴ Там же. С. 249.

²²⁵ Там же. С. 250

²²⁶ Там же. С. 252

²²⁷ Там же.

²²⁸ Там же. С. 253.

роль в становлении вариантов развития, и упускать это из виду было бы неправильным.

В проблеме соотношения влияний субъективных и объективных факторов реализации альтернативы, М. Я. Гефтер отводит решающую роль первым. Объективная основа альтернативы отнюдь не является ее движущей силой. Увеличение и уменьшение объективных предпосылок осуществления альтернативы зависит от отношения человека к этим предпосылкам в ситуации выбора. М. Я. Гефтер пишет: «неспособность совершить выбор – проблема. Ибо в лапы ее попадают и умные, и совестливые, и не лишенные воли. Каждая из предальтернатив, не доросших до самой себя, не исчезает. Неосуществленный выбор включается в следующую попытку, сужая и отягощая ее. А если учесть, что речь идет об одном – двух поколениях, то отягощение приобретает индивидуальные черты. И несостоявшаяся развилка – это биографии, это человеческие судьбы».²³⁰

С такой точки зрения М. Я. Гефтер рассматривает судьбу Троцкого, который не был внутренне готов продолжить замыслы Ленина и на вершине славы превратился в «лишнего человека»; и судьбу Бухарина, для которого сохранить единство партии даже ценой собственной капитуляции стало важнее, чем отстоять от Сталина НЭП.

Как одну из «несостоявшихся развилочек» автор рассматривает XVII съезд. Современники называли этот съезд съездом победителей, теперь его с основанием называют съездом приговоренных к смерти. М. Я. Гефтер считает, что это был еще и «съезд самоубийц» в смысле упустивших выбор. Выбор был в очеловечивании, в антифашистской демократизации сталинского результата (успехов коллективизации и индустриализации), вводимого в строгие конституционные рамки. «Или еще дальше: в осознании того, что главный выбор уже «по ту сторону» несовместимости капитализма и социализма. Не дошедшие до этого могли ли поднять руку на победившего Сталина, Сталина-

²²⁹ Там же. С. 254.

кумира?».²³¹ «Не сделавшие выбора отдали его в руки Сталина. «И тому надо было решить: остаться ли в лидерах начавшейся нормализации, стать хозяином новой гласности? Либо верх взяли и не могли не взять верх страх утратить нужность (без «чрезвычайного» удержится ли абсолют необходимости?)»²³²

Сладость личного триумфа была для Сталина и сигналом бедствия, который он не услышал. «Нет соперников – нет оппонентов. Нет возражений – нет «обратной связи». Все отныне замкнуто в нем самом ... лишенный выбора – не свободен, но и лишаящий других выбора теряет его...»²³³

Здесь важно отметить, что из логики рассуждений М. Я. Гефтера следует, что «несостоявшаяся развилка» не есть историческая альтернатива, так как автор отождествляет альтернативу и выбор, то отказ от выбора означает отсутствие альтернативности. Поэтому, в частности, из рассуждений М. Я. Гефтера о XVII съезде вовсе не следует, что он считал этот Съезд исторической альтернативой. Другое дело, что с точки зрения альтернативности можно рассмотреть любые события, хотя бы и для того, чтобы проверить наличие альтернативности в какой-либо исторической ситуации.

В 1988 году состоялся уже упоминавшийся «Круглый стол» «XX век: альтернативы развития». В своем первом выступлении на «Круглом столе» М. Я. Гефтер напоминает свое определение альтернативности как выбора между неизвестными путями. Первоосновы выбора, как феномена присущего только человеку, М. Я. Гефтер призывает искать в первобытности. Перед тем, как сделать предположения об истоках способности к выбору, автор замечает, что последним выбором человеческой истории будет, по-видимому, вопрос о том быть ли самому виду homo.²³⁴

²³⁰ Там же. С. 258.

²³¹ Там же. С. 260.

²³² Там же. С. 263.

²³³ Там же. С. 264.

²³⁴ Материалы «Круглого стола» «XX век: альтернативы развития»//Рабочий класс и современный мир», 1989, №1. С. 68.

М. Я. Гефтер допускает, что в первооснове способности к выбору лежит качественно новая разновидность «метода» проб и ошибок, свойственного, так или иначе, всему живому. Человек лишь по-другому пробует, по-другому ошибается. Однако, по мнению М. Я. Гефтера, важнее то, что среди самих людей «кто-то не так пробует, не так ошибается как другие». «Чаще? Или сверх всех различий? Вероятно, и то, и другое, и еще третье, уже не количественное. Иное отношение к ним, и это, пожалуй, самое важное. Из ошибок растет нечто новое, выходящее за рамки генетической памяти». Небезопасное нечто! Можно выдвинуться, можно потонуть. Тут где-то возникает вина без вины, расплата, ответственность...»²³⁵ Здесь и далее мы увидим, что М. Я. Гефтер даже изначальные сущностные истоки альтернативности связывает с категорией нравственности.

За подтверждением и разъяснением сказанного о роли нравственности М. Я. Гефтер обращается к эллинам, образующим собою грань между человеком, живущем в космосе, и человеком, вступающим в историю. По его мнению, у истоков смысла понятия альтернативы были конкретные авторы. Это личности «чье слово-поступок сохранилось, поскольку подвигло к мысли и к действию других, вначале десятки или сотни, в конечном счете – миллионы людей».²³⁶

Одним из таких «авторов» в европейской истории М. Я. Гефтер называет Сократа – лояльного гражданина Афин, который своим «познай себя» переиначил облик полисного человека, который своей циникой наложил нравственное вето на способ полиса поддерживать равновесие изгнанием. М. Я. Гефтер задает риторический вопрос: «Быть ли без Сократа не только философии Платона, но и если прочертить пунктир через века – эллинизму?»²³⁷

Таким образом, глубинные, сущностные причины возникновения исторических альтернатив М. Я. Гефтер видит в поступках тех, кто показал,

²³⁵ Там же. С. 69.

²³⁶ Там же.

²³⁷ Там же.

что можно действовать вопреки старым традициям, вопреки сложившимся обстоятельствам. Причём, в данном случае, М. Я. Гефтер рассматривает роль личности как особого феномена, а не просто роль выдающейся личности в истории. В борьбе за свою индивидуальность личность способна вырваться за имеющийся круг альтернатив действия, сохраняя тем самым в обществе саму потенцию подобных поступков.

Если эллинизм стал альтернативой полису, теряющему себя превращением в средиземноморский мир, то альтернативой эллинизму явился «разрыв с миром, «бунт» против этноса и против секты, внезапная заявка на всечеловечность... Голгофа, казнь, предназначенная рабам, наложившая нравственное вето на рабство, на неравенство вообще».²³⁸ Без этого рубежа, если провести пунктир через века, не было бы того, европейского средневековья, а затем и новой истории, которые мы имели.

М. Я. Гефтер подчеркивает, что альтернативность, – это не обновление терминологии «смена формации» или «переходы от ...к». «Альтернативе противопоказано само понятие «переход», эта прагматизированная предуказанность мирового процесса».²³⁹ «Конечно, если появился капитализм, – пишет М. Я. Гефтер, то откуда же ему было взяться, как не из феодализма?»²⁴⁰ Однако исследования показывают, что феодализм исчерпал себя к XIV – XV вв., и что утраченные социальные фрагменты небезуспешно возмещал абсолютизм. Капитализм «до известной степени возник из себя». Он был «гигантской экстраполяцией европейского замаха на всечеловеческое развития».²⁴¹

Полемизируя с Е. Г. Плимаком, выступавшим на «круглом столе», М. Я. Гефтер отвечает, что помещичье–буржуазная монархическая контрреволюция не может считаться альтернативой большевизму, потому что противоборство и альтернативность – это не синонимы. «Непредрешенность

²³⁸ Там же.

²³⁹ Там же. С. 70.

²⁴⁰ Там же.

итога в борьбе старого с новым не всегда порождает «запредельное», «иное», способное войти в повседневность и укорениться в ней».²⁴²

М. Я. Гефтер понимает альтернативность исторического развития не столько как выбор, сколько как творчество. Здесь мы также видим идеи вновь созвучные с философией Анри Бергсона. Бергсон впервые в истории философии показал, что свободу нельзя мыслить в пространственно-рассудочных схемах. Свобода неразрывно связана с творческой активностью, поэтому свобода есть не столько выбор между существующими тенденциями, сколько творчество новых путей и возможностей. Понимание свободы только как выбора между двумя или более возможностями чрезвычайно ограничивает свободу. Сама предпосылка об априорном наличии «готовых» путей, между которыми нужно выбирать, превращает свободу в принуждение выбора именно из данных вариантов, то есть в несвободу. В своей работе «Время и свобода воли» (1914г.) Бергсон говорит, что нет готового пути (линии), нет даже готовых путей, между которыми нам приходится выбирать. На самом деле существует временной поток душевной жизни, творчески вырастающий, как снежный ком в своём падении. Иначе говоря, свобода существует лишь в чистом времени, и она неизбежно застывает в необходимости, по мере её вхождения в пространство.²⁴³ Итак, свобода, по Бергсону, (и историческая альтернатива, по Гефтеру) есть всегда выход из круга данностей, есть прорыв к новому, есть внесение новизны в бытие.

При понимании свободы воли как творчества, на первый план выступает духовный мир личности, находящейся на распутье и в том числе проблема ответственности личности перед историей. Поэтому, напоминая свою идею о том, что Ленин «шел, но не дошел, к альтернативе самому Октябрю, к многоукладности», М. Я. Гефтер вновь особо выделяет нравственный аспект в понимании альтернативности. «Ответственность легко спутать с виной. От

²⁴¹ Там же.

²⁴² Там же.

путаницы этой происходят не только размолвки, но и приступы взаимного отторжения. Вот отчего это странное слово – «альтернатива» – подобно у нас острию ножа. Нужному и опасному».²⁴⁴

Одним выступлений М. Я. Гефтера на тему альтернативности в советский период было данное в 1989г. интервью швейцарскому радио. Это интервью опубликовано в сборнике «Из тех и этих лет». В этом выступлении М. Я. Гефтер говорит о раздвоенности историка: «между переписыванием и пересотворением прошлого нынешний историк в двойном и мучительном качестве: посол ушедших и современник живущих».²⁴⁵ По мнению М. Я. Гефтера, историк пребывает не только в согласии с фактами, но и в споре с ними. В пример приводится открытие новгородских берестяных грамот. Заново увиденная жизнь средневековой Руси не перекрыла имперско-сталинскую версию будто бы заданного превращения Руси в безбрежную Евразию, провиденциальной миссии «Москвы». «Чтобы распознать новгородскую альтернативу, нужно и иное поле зрения, но, прежде всего, должно освободиться от преклонения перед Результатом, этим идолом, сооруженным прикладным «истматом»».²⁴⁶

«Для меня альтернатива – понятие центральное, – подчеркивает М. Я. Гефтер . – фокус, в котором скрещиваются детерминизм и свобода... в том числе свобода ответственности. Вот почему я могу сказать, что к альтернативе я шел как историк и пришел к этому как человек...»²⁴⁷

В одной из своих последних статей – «История – позади? Историк – человек лишний?» – М. Я. Гефтер использует сослагательное наклонение для оценки смысла Второй Мировой войны и «холодной войны».

Автор делает неожиданный и парадоксальный вывод – Вторая Мировой война была необходима для сохранения Западной цивилизации. «Сказавши, ...

²⁴³ Бергсон А. Непосредственные данные сознания (Время и свобода воли). Собр. Соч. Т. 2. СПб., 1914. С. 126-139.

²⁴⁴ Там же. С. 71.

²⁴⁵ Там же. С. 440.

²⁴⁶ Там же.

что вся мифология, питавшая нацистский рейх, обретала его на тотальное поражение, мы отвлечемся от страшных фактов, от тайны поистине грандиозных успехов Гитлера ... Что-то сокрушилось в основании цивилизации, считавшейся высшей в Мире и притязавшей на Мир. Могла ли выжить она, не воскреснув? Могла ли воскреснуть, не дойдя до края самопотери? Гитлер явился душеприказчиком этой самопотери».²⁴⁸ Вторая мировая война вплотную подвела к краю пропасти, но она же отвратила от пропасти и придала ей новый смысл. «Неповторение смотрелось в будущее как проект Мира, не соглашающийся ограничиться карами и геополитическими залогами».²⁴⁹

М. Я. Гефтер задаёт вопрос: если бы не было атомных взрывов в Хиросиме и Нагасаки, пошли бы дела человеческие иначе? По его мнению, если допустить предположение, что пошли бы иначе, «ближние не исключённые следствия» были бы скорее негативными. «Сталин ведь был ещё жив, и ничто не предвещало ни ограничения его власти, ни смягчения натуры, ни отрезвления намерений. Ялта в его аранжировке с неумолимостью, заложенной в природе «системы», вышедшей из войны триумфатором, означала бы в любом случае ярость нивелировки по домашнему образцу, жестокость вытаптывания различий в строе и образе жизни...»²⁵⁰

Автор предполагает, что «и без Бомбы «холодная война» вломилась бы в человеческий обиход, застряв в нём неизвлекаемой занозой».²⁵¹ Решающим фактором этого он считает то, что ментальность «холодной войны» возникла ещё ранее её самой. Эта ментальность определяла собою и вещную сторону «холодной войны», а та, в свою очередь, вербовала соответствующие её

²⁴⁷ Там же. С. 442.

²⁴⁸ М.Я.Гефтер «История – позади? Историк – человек лишний?» // Вопросы философии. 1993. №9. С. 10.

²⁴⁹ Там же. С. 13.

²⁵⁰ Там же.

²⁵¹ Там же. С. 14.

убойной силе геополитические аргументы и творила один за другим сценарии невозможного действия.²⁵²

М. Я. Гефтер считает, что людям нежелательно было осознавать действительные геополитические цели гонки вооружений. Для доказательства своего тезиса он использует аргументы в сослагательном наклонении: «Уверься люди, предназначенные убивать, дабы не быть убитыми, что в мыслях и в расчётах всего лишь паритет и не дальше, что вся бешеная гонка термоядерных вооружений лишь прелюдия к взаимному согласованию очередных «потолков», что всё это – кукольная комедия, хотя и разоряющая народы и поганяющая землю, – не свихнулись ли бы умом совершив нечто, не запрограммированное никем? Спасала, как ни чудовищно, инерция привычных стимулов и ответных реакций».²⁵³

М. Я. Гефтер представитель поколения, которое также являлось носителем несбывшихся исторических альтернатив. Наука, подобно политике, делится на «партию вопросов» и «партию ответов». «Партия вопросов» всегда в меньшинстве, так как задавать новые вопросы всегда сложнее, чем давать на них старые ответы. М. Я. Гефтер принадлежал к «партии вопросов». Поиск альтернатив выбора, их утрата и обретение – это всегда сохранение и переживание незавершённости истории. М. Я. Гефтер провоцировал на вопрошание, чтобы читатель или слушатель мог ощутить эту незавершённость так же, как ощущали её те, кто вопрошал, оказавшись перед выбором в историческом прошлом, и так же, как должен ощущать её каждый историк, не претендующий на окончательное понимание всех смыслов и законов истории.

²⁵² Там же.

²⁵³ Там же. С. 9.

1.5. Математические подходы к изучению альтернативности исторического развития в советской историографии.

Ещё одним дискурсивным «ответвлением» от марксистской историографии было использование математических методов, которые позволяли советским учёным частично освободиться от идеологических ограничений и выйти на иной уровень историописания.

Одной из первых сфер исследований общественной жизни, где математика использовалась для изучения исторических альтернатив были военные конфликты. Советские историки использовали в данной области зарубежный опыт. Ещё во времена Первой мировой войны полковник английской армии Ланчестер создал уравнения для моделирования конфликтов с огневыми средствами, дистанция которых не выходила за пределы сражения.²⁵⁴ В дальнейшем появились модификации этих уравнений, которые использовались, в том числе, историками. Например, американский исследователь Дейчман в 60-х годах использовал уравнения Ланчестера в изучении партизанской борьбы в Греции, Филиппинах, Индонезии, Кубе, Алжире, Вьетнаме и ряде других стран. В частности он доказал, что для полного подавления партизанского движения необходимо превосходство сил регулярной армии в 8 раз. Исходя из этого положения, Дейчман в частности решал дебатлируемый в американской военно-исторической литературе вопрос об исходе военных действий в случае отправки президентом Джонсоном дополнительных 206000 подкреплений, затребованных американским командующим: превосходство сил в этом случае оказывается равным 6.7, что все равно недостаточно для окончательной победы.²⁵⁵

Среди исследований, в которых использованы уравнения Ланчестера имеются и российские разработки. В конце 60-х годов группа под

²⁵⁴ Моисеев Н. Н. Математика ставит эксперимент. М., 1979. С. 111-113.

руководством Н. Н. Моисеева занималась моделированием морских сражений, в частности Синопского боя²⁵⁶ Достоинством моделей, базирующихся на уравнения Ланчестера, является возможность заполнения переменных в формулах точными числовыми значениями конкретно-исторического содержания: численность войск, потери, огневая мощь, занимаемая площадь и т.д.

В более поздних работах, использовавших модели Ланчестера, предпринимались попытки учитывать психологические факторы вооружённой войны, зависящие от соотношения и динамики потерь в сражающихся армиях, качества снабжения и других факторов.²⁵⁷

Среди самостоятельных, а не заимствованных российских разработок следует отметить два исследования, проведённых в начале 80-х годов. Эти исследования иногда упоминаются, но, к сожалению, так и остались не востребованными, хотя, они достойны считаться лучшими образцами использования методов математики в эмпирическом исследовании исторических альтернатив.

Первое исследование проведено В. Б. Луковым и В. М. Сергеевым в 1983 году.²⁵⁸ В работе предложен способ построения модели восприятия ситуации и принятия решения историческим деятелем. Тематический контент-анализ мемуаров Бисмарка позволил авторам выявить смысловую структура текста. Этот смысловая структура интерпретируется авторами как система взаимосвязанных возможностей действия. Картина ситуации, существующая в сознании личности, воссоздаётся авторами, во-первых, из информации, имеющейся у исторического деятеля о реально произошедших событиях, во-вторых, из иерархии целей и мотивов деятеля (в данном случае Бисмарка в

²⁵⁵ Цит. по: Левандовский М. И. Модели синергетики в исследованиях по социальной истории России конца XIX – начала XX вв.: Дисс. канд. ист. наук: 07.00.09. М., 1999. С. 88.

²⁵⁶ Моисеев Н. Н. Математика ставит эксперимент. М., 1979. С. 116-117.

²⁵⁷ Иванилов В. Ю., Огарышев Ф. В., Павловский Ю. Н. Имитация конфликтов. М., 1993. С. 66-81.

²⁵⁸ Луков В. Б., Сергеев В. М. Опыт моделирования мышления исторических деятелей: Отто Фон Бисмарк, 1866-1876 гг. Вопросы кибернетики. Логика рассуждений и её моделирование. М., 1983. С. 148-161.

период 1866-1876 гг.). Картина ситуации, существовавшая в сознании Бисмарка (точнее отражение этой картины в мемуарах) схематически представлена в виде направленного графа, визуализирующего взаимовлияния различных мотивов, целей и событий. Вершины графа обозначают цели исторического деятеля и элементы исторической среды (события и явления). Рёбра графа обозначают направления (причины или следствия) и характер (положительный или отрицательный) возможного влияния одних вершин на другие. Эти направления и характер рёбер графа выводятся из видения историческим деятелем выигрыша и ущерба, который может принести его интересам актуализация той или иной возможности. На следующем этапе полученный граф анализируется методами дискретной математики: оценка частотности влияния фактора, оценка длины пути между вершинами графа, вес каждой вершины (количество подходящих или исходящих из неё рёбер). Методика оценки вероятности актуализации той или иной исторической возможности заключалась в следующем: вершины графа, связанные согласно тексту мемуаров, с анализируемой исторической возможностью, рассматриваются как влияющие возможности; если эти влияющие возможности уже актуализованы, то необходимо сравнить, сколько из них положительно влияют, а сколько отрицательно – актуализация результата зависит от того, что перевешивает. В частотном анализе влияющих факторов авторы учитывали психологические аспекты оценки ситуации (человек в среднем может одновременно сравнивать не более 7 факторов), и поэтому по частотности сравнивались только факторы, объединённые своим местом в смысловой структуре текста.²⁵⁹

В конкретно историческом плане авторы рассматривали возможности войны Германии с Россией и возможности расчленения Баварии, но построенная модель сама по себе позволяет изучать любые альтернативы связанные с деятельностью Бисмарка в обозначенный исторический период.

²⁵⁹ Там же. С. 152.

Авторы модели подчёркивают, что она может углубить знания о специфических законах развития исторических ситуаций.²⁶⁰

Второе исследование проведено группой историков и математиков под руководством академика Н. Н. Моисеева.²⁶¹ Оно представляло собой имитационное моделирование процессов экономической динамики греческих полисов (производство, распределение, обмен, потребление: всего несколько десятков признаков для разных слоёв населения в различных полисах) и влиянию на эти процессы Пелопонесской войны V века до нашей эры. Авторы рассматривали исторические возможности разного состава военных союзов, шансы побед и поражений в военных кампаниях в разные периоды Пелопонесской войны (например, могли ли Афины продолжать войну без дани с союзников, могли ли Афины избежать поражения в Сицилийской экспедиции и др.). Важным методическим приёмом моделирования являлось использование так называемых сценариев. Сценарий – это система условий, предположений, ограничивающих количество возможных альтернатив. Он отражает представления историка о содержательном характере неформализуемых особенностей исторических событий. Интуиция и опыт историка сокращали множество изучаемых вариантов в разумных пределах.²⁶² Достигается такое сокращение с помощью установки рамок для спектров значений переменных в алгоритме вычисления. Пример подобного сценария: предполагается, что от нашествия врага в одинаковой степени страдают все земледельческие слои населения, причём площади разрушения прямо пропорциональны площадям земель им принадлежащим.²⁶³

Математическая суть модели заключалась в том, что неизвестные коэффициенты интегральных уравнений подбирались так, чтобы воспроизводимая на ЭВМ модельная экономическая динамика в определённом

²⁶⁰ Там же. С. 160.

²⁶¹ Гусейнова А.С., Павловский Ю.Н., Устинов В.А. Опыт имитационного моделирования исторического процесса. М., 1984.

²⁶² Там же. С. 17.

²⁶³ Там же. С. 81.

смысле соответствовала, не противоречила всей другой информации об изучаемом периоде истории.²⁶⁴

Общим достоинством двух рассмотренных нами исследований является принципиальная установка авторов на выработку специфического математического аппарата для изучения каждого конкретного фрагмента исторического прошлого в соответствии со спецификой источниковой базы.

Ю. П. Бокарёв в монографии, посвящённой промышленности и мелкому крестьянскому хозяйству в СССР в 20-е годы оспаривает сложившееся в историографии мнение, что политика «военного коммунизма» вводилась как временная мера, вынуждаемая потребностью защиты от контрреволюции и экономически неоправданная и не имевшая практического успеха.²⁶⁵

В качестве исходной посылки анализа экономического потенциала «военного коммунизма» автор приводит мнение В. И. Ленина: «Если бы 1920 год дал нам очень хороший урожай, или, по крайней мере, только хороший... мы могли бы нашу промышленную программу выполнить большей частью, тогда бы у нас был бы известный фонд обмена городских промышленных продуктов на земледельческие. У нас получилось обратное».²⁶⁶

Ю. П. Бокарёв предполагает, что в случае хорошего урожая был бы выполнен план продразвёрстки, не произошёл бы топливный кризис, и командно-административная система сохранилась бы и в 1921 г. Автор признаёт наличие такого сильного фактора как недовольство крестьян и средних городских слоёв жёсткой политикой большевиков. Тем не менее, по его мнению, в случае сохранения этой политики в 1921 г., власть могла и не осознать необходимость крутой ломки сложившейся системы.²⁶⁷ Исходя из этого допущения, он строит контрфактическую модель возможного развития безденежной экономики в 20-х гг. Для такой альтернативы НЭПу существовали

²⁶⁴ Там же. С. 21.

²⁶⁵ Бокарёв Ю.П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы: источники, методы исследования, этапы взаимоотношений. М., 1989. С. 148-150.

²⁶⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 157.

²⁶⁷ Бокарёв Ю.П. Указ. Соч. С. 151.

и субъективные факторы. На уничтожение денег в 1919-20 гг. настаивали Н. И. Бухарин, Ю. Ларин, Ф. Ф. Сырамолов. Требование отмены денег содержалось в резолюции III съезда ВСНХ, вызвавшей дискуссию в печати.²⁶⁸

Математической основой модели Ю. П. Бокарёва послужила факторизация матрицы коэффициентов корреляции между основными производственными и финансовыми показателями; устранение влияния на факторные нагрузки фактора денежного обращения;²⁶⁹ построение модели зависимости между денежной массой и производством²⁷⁰ и модели натурального обмена между городом и деревней²⁷¹ на основе дифференциальных уравнений.

Анализ контрфактической модели позволил Ю. П. Бокарёву сделать вывод о том, что в случае функционирования безденежной экономики в начале 20-х гг. наблюдался бы пиковый рост сельского хозяйства, в середине 20-х гг. пиковый рост промышленности, а к концу 20-х гг. экономика стабилизировалась бы в застойном состоянии.²⁷² Наблюдалась бы нехватка продуктов питания, не было бы стимулов для расширения внешней торговли, произошёл бы разрыв связей с мировым хозяйством. У страны не было бы возможности добиться тех экономических успехов, которые она достигла в 20-е гг. Делается вывод, что противники отмены денежных отношений, в частности В. И. Ленин были правы.

Ю. П. Бокарёв сознательно оставляет за скобками возможные социально-психологические средства и последствия отмены денег, поскольку эти факторы невозможно было ввести в применяемую математическую модель. Модель не выходит за пределы макроэкономических тенденций в область конкретной событийной истории. Такой подход вполне приемлем для оценки экономической интуиции советской власти. Но построенную модель вряд ли стоит рассматривать как ответ на вопрос «что могло бы быть, если бы в 20-е

²⁶⁸ Там же. С. 158.

²⁶⁹ Там же.

²⁷⁰ Там же. С.152-157.

²⁷¹ Там же. С. 161-165.

²⁷² Там же. С. 166.

годы отменили деньги», так как многие составляющие целостной исторической ситуации не были учтены. Более подробно проблема адекватности математического контрфактического моделирования истории будет рассмотрена во 2-й главе диссертационного исследования.

1.6. Значение советского периода в развитии идеи альтернативности исторического развития.

Значение советского периода в развитии идеи альтернативности исторического развития состоит в постановке основных проблем связанных с данной темой и выработке путей их решения на методологической платформе марксизма. Можно выделить следующие темы и проблемы, которые были рассмотрены отечественными исследователями в связи с идеей альтернативности исторического развития:

1. Оценка методологического значения проблемы альтернативности, обращение для её изучения к творческому наследию К. Маркса и Ф. Энгельса;
2. Диалектика возможного, необходимого и действительного в системе исторических событий;
3. Определение понятия «историческая альтернатива»;
4. Условия, причины и признаки возникновения исторических альтернатив;
5. Роль выбора и свободы воли в исторических процессах;
6. Связь с альтернативностью понятия «случайность»;
7. Связь с альтернативностью понятия «вероятность»;
8. Применение идеи альтернативности в сравнительно-историческом анализе;
9. Объективные и субъективные факторы развития исторических альтернатив;
10. Этапы развития исторических альтернатив;
11. Соотношение и взаимосвязь альтернативности и закономерности;
12. Альтернативность в разных сферах социальной жизни;
13. Изменение альтернативности в разных эпохах и периодах исторического развития;
14. Связь альтернативности с повторяемостью в истории;
15. Типы альтернатив в альтернативной ситуации;
16. Роль исследователя как субъекта выбора исторических альтернатив;
17. Альтернативность развития как результат творческой активности личности;

18.Связь изучения альтернативности с современной социальной практикой и прогнозированием;

19.Связь альтернативности с понятием «историческая ошибка» и «судом» над прошлым;

20.Связь альтернативности с категорией нравственности;

В постсоветский период используется большая часть выработанных в советский период подходов к изучению альтернативности в истории, но уже в модернизированной и идеологически непредвзятой форме. К примеру, историки в 90-е годы также признают роль «субъективного фактора» в реализации альтернатив, хотя при этом могут называть сам термин «субъективный фактор» – «марксистским жаргоном».²⁷³ Другой пример: если в советской историографии одной из функций изучения исторических альтернатив провозглашался анализ соотношения конкретно-исторических и социологических закономерностей, то в современной историографии это соотношение могут называть уже сопряжённостью истории событий с историей структур.²⁷⁴

Главный недостаток в развитии идеи альтернативности в советский период – это, прежде всего, ограниченность методологической базы. Однако, несмотря на это, теоретические наработки этого периода после определенной дискурсивной коррекции были интегрированы в современную историческую науку.

²⁷³ Холодковский К.г. «Ирония истории» и политическая воля // Полис. 1999. №2. С. 181.

²⁷⁴ Баткин Л. М. Странная тюрьма исторической необходимости // Одиссей. Человек в истории. 2000. М., 2000. С. 70.

1.7. Идея альтернативности исторического развития в российской исторической науке в 1992-2001 гг.

В историографическом раскрытии идеи альтернативности в постсоветский период мы не будем строго придерживаться хронологической последовательности. В рассматриваемый период в изучении альтернативности исторического развития уже не наблюдается такого единства дискурса, какой имел место в советский период. Поэтому работы авторов, которые касались теоретических аспектов альтернативности, будут группироваться по схожести методологических установок.

1.7.1. Осмысление альтернативности исторического развития России

В постсоветский период у отечественных историков уже отпала потребность доказывать, что альтернативность в историческом развитии есть, как это было в советской науке. Это позволило осмыслить с позиций альтернативности всю отечественную историю с древнейших времён до новейшего времени. В обобщённом виде можно выделить следующие исторические альтернативы российской истории, изучаемые в отечественной историографии:

1. Выбор государственной религии – перенять иудаизм от хазар, ислам от волжских булгар или христианство от Византии или христианство от католической церкви.²⁷⁵
2. Возможность централизации русских земель под руководством Литовского Княжества.²⁷⁶
3. «Вызов» Востока (нашествие) монголов и «вызов» Запада (экспансия рыцарских орденов). Выбор Востока или Запада в качестве объекта взаимодействия.

²⁷⁵ Бунакова В.А. Альтернативы общественного развития: методические указания по курсу истории. СПб., 1997. С. 8.

4. Жёсткая централизация под руководством Москвы и лишение церкви относительной самостоятельности или сохранение Новгородской феодальной республики.²⁷⁷
5. Опричнина Ивана IV или реформы Избранной Рады.²⁷⁸
6. Реформы Бориса Годунова или смута.²⁷⁹
7. Самозванство и реформы Лжедмитрия I или попытки боярства ограничить власть царя и продолжение смуты.
8. Выбор между претендентами на российский престол : представители родовитых бояр, в первую очередь князя В. П. Голицын и Ф. И. Мстиславский; полководцы -освободители Москвы Д. Пожарский и Д. Трубецкой; принцы – польский Владислав и шведский Филипп – Карл; «ворёнок Ивашка» – сын Марины Мнишек и Лжедмитрия II; Михаил Романов.
9. Реформы Петра I или традиционализм и усиление отсталости от Европы.²⁸⁰
10. Успех заговора Верховников в 1730г. и развитие либерализма или дальнейшее развитие абсолютизма при императрице Анне Иоановне.²⁸¹

²⁷⁶ Думин С. В. Другая Русь (Великое Княжество Литовское и Русское) // История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. М., 1991.

²⁷⁷ Специальных исследований на тему Новгорода как альтернативы Москве нет, есть только отдельные упоминания. Но идея существовала давно. Так, практически незамеченной в советской историографии в своё время осталась работа Исаченко А. В. Если бы в конце XV века Новгород одержал победу над Москвой (Об одном несостоявшемся варианте истории русского языка). Вестник Российской Академии наук. 1998. Т. 68. А. В. Исаченко – выдающийся филолог славист. Последствием победы Москвы он считает засилие балканских книжников, которое привело к углублению разрыва между устаревшим и чуждым письменным книжным языком и языком населения, с чем связано запаздывание русской культуры. Возможная победа более европеизированных Новгорода и Пскова связывается с иным языковым и культурным развитием Руси, сравнивая возможное развитие Новгорода с развитием Стокгольма.

²⁷⁸ Филюшкин А. И. Поворот во внутренней политике Ивана Грозного: 1560 или 1564 гг.? // НЕСТОР. Историко-культурные исследования. Альманах. Выпуск 3: История на перепутье: поворотные точки и альтернативные пути. Воронеж, 1994.

²⁷⁹ Кобрин В. Б. Смутное время – утраченные возможности // История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – нач. XX вв. М., 1991.

²⁸⁰ А. В. Оболонский в своей книге «Драма российской истории: система против личности» рассматривает российскую историю через призму борьбы тенденций «системоцентризма» (коллективистского и авторитарного начал) и персоноцентризма (индивидуального и либерального начал). Он, в частности, считает Петра I «псевдомодернизатором». А. В. Оболонский предполагает, что «подлинной целью петровской политики было отнюдь не разрушение старого порядка, а его укрепление, придание ему большей жизнеспособности посредством повышения его функциональной эффективности». [Оболонский А.В. Драма российской истории: система против личности. М., 1994. С. 55.]

11. Возврат завоеваний в Пруссии Петром III или более выгодная и активная политика в Европе.
12. Отказ от генерального сражения с Наполеоном в 1812г. и изначальная ориентация на изматывание противника или бессмысленные потери. Возможность победы Наполеона.²⁸²
13. Реформы Сперанского или реформы Аракчеева
14. Победа дворянских тайных обществ и декабристов в начале XIX в. и развитие по умеренному буржуазному пути или усиление самодержавия.²⁸³
15. Либерализация государственного строя и реформы графа Лорис-Меликова, или противостояние радикалов революционеров и радикалов монархистов, и контрреформы Александра III.²⁸⁴
16. Последовательное проведение реформ Витте и Столыпина. Реализация либерально-демократической программы, предложенной кадетами в I Государственной Думе или провоцирование усиления революционного движения.²⁸⁵
17. Либо демократизация под руководством революционного правительства кадетов и меньшевиков, либо победа заговора генерала Л.Г.Корнилова и

²⁸¹ Оболонский А. В. Драма российской истории: система против личности. М., 1994. С. 71-75.; Оболонский А.В. Исторические перекрёстки как объект альтернативной истории. // Одиссей. Человек в истории. 2000. М., 2000. С. 30-31.

²⁸² Бестужев-Лада И. В. Ретроальтернативистика в философии истории // Вопросы философии. 1997. №8.

²⁸³ Плимак Е. Г., Пантин И. К. Драма российских реформ и революций (сравнительно политический анализ) М., 2000. С. 95-99.

²⁸⁴ Карпачёв М. Д. Альтернатива графа М. Т. Лорис-Меликова // НЕСТОР. Историко-культурные исследования. Альманах. Выпуск 3: История на перепутье: поворотные точки и альтернативные пути. Воронеж, 1994.

²⁸⁵ Мироненко С. В. Как Россия в начале XX в. чуть не стала конституционной монархией // История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М., 1991.; Шацилло К. Ф. Николай II: реформы или революция // История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М., 1991.; Шацилло К. Ф. Исторические альтернативы в России на рубеже двух веков // 1905 год – начало революционных потрясений в России XX в. М., 1996.; Ковальченко И. Д. Столыпинская аграрная реформа. (Мифы и реальность) // История СССР. 1992. № 2.

диктатура военных, либо захват государственной власти большевиками и гражданская война.²⁸⁶

18. Социально-экономические проекты эсеров в начале 20-х годов как альтернатива советским реформам.²⁸⁷

19. Продолжение политики «военного коммунизма» или НЭП.²⁸⁸

20. Центробежные и центростремительные тенденции в национальных движениях первых лет советской власти.²⁸⁹

21. Ориентация на самоопределение наций и равноправную федерацию или на командно-административную национально-государственную политику при образовании СССР.

22. Конкуренция концепции «переходного периода» Н. И. Бухарина и концепции «перманентной революции» Л. Троцкого.²⁹⁰

23. Дискуссии экономистов о развитии экономики в 20-х годах. Конкуренция концепций Н.И.Бухарина и концепций Е.А.Преображенского.²⁹¹

24. Продолжение НЭПа или коллективизация, индустриализация и культ личности Сталина. Реформы Н.И.Бухарина как альтернатива культу личности Сталина.²⁹²

²⁸⁶ Шемякин А. Л. 1917 год: меньшевистская альтернатива // Полис. 1993. №1.; А. Л. Шемякин достаточно высоко оценивает шансы меньшевистской альтернатива, проводит аналогию между заговором Корнилова и Путчем 1991 г.

²⁸⁷ Ярцев Б. К. Социальная философия В. Чернова. // Был ли у России выбор? (Н.И.Бухарин и В.М.Чернов в социально-философских дискуссиях 20-х годов). М., 1996.; Ярцев Б. К. Политико-экономическая платформа российского неонародничества в 20-е гг. // Был ли у России выбор? (Н.И.Бухарин и В.М.Чернов в социально-философских дискуссиях 20-х годов). М., 1996.; Симонова М.В. Политическая система советского общества в начале 20-х годов и дискуссии социалистов об альтернативах её развития. Дисс. канд. ист. наук: 07. 00. 02. М., 1998.

²⁸⁸ Мау В. А. НЭП в контексте российской революции // НЭП: приобретения и потери. М., 1994.

²⁸⁹ Тагиров И. Р. К вопросу многовариантности исторического процесса. Диалектика соотношения характера власти и способов решения национального вопроса в России в 1917г. Казань, 1990. Обращение автора к этой теме обусловлено, видимо, актуальностью национального вопроса в Татарстане уже в конце 80-х годов.

²⁹⁰ Богданов Б. В. Бухарин – теоретик официального социализма // Был ли у России выбор? (Н. И. Бухарин и В. М. Чернов в социально-философских дискуссиях 20-х годов). М., 1996.

²⁹¹ Горинов М. М., Цакунов С. В. 20-е годы: Становление и развитие новой экономической политики // История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М., 1991.; Горинов С. М. Альтернативы и кризисы нэпа. К вопросу о социально-экономических проблемах внутрипартийной борьбы в 20-е годы // Вопросы истории КПСС. 1990. № 1.

25. Разные проекты первого пятилетнего плана, борьба компетентных специалистов и некомпетентных волюнтаристов.²⁹³
26. Успешные переговоры СССР с западными державами о союзе против Гитлера или договор о ненападении с Германией.²⁹⁴
27. Более дальновидная подготовка СССР к войне с Германией (отвод основных сил в укреп-районы на старой границе СССР, стратегия танковых, а не кавалерийских контрударов, отказ от репрессий высшего офицерского состава) или огромные потери в 1941г. Возможность превентивного удара по Германии.²⁹⁵
28. Реформы Хрущёва и Косыгина или неосталинизм Брежнева.²⁹⁶
29. «Перестройка» и «новое мышление», переход к рыночной экономике или усиление экономического кризиса и продолжение «Холодной войны».²⁹⁷

²⁹² Симонов Н. С. Демократическая альтернатива тоталитарному НЭПу // История СССР. 1992. № 1.; Данилов В. П. «Бухаринская альтернатива» // Бухарин: человек, политик, учёный. М., 1990.; Грецкий М. Н. Н. И. Бухарин в оценках западных исследователей // Был ли у России выбор? (Н.И.Бухарин и В. М. Чернов в социально-философских дискуссиях 20-х годов). М., 1996. С. 69-84. Автор показывает, что проблема «бухаринской» альтернативы вызывала пристальное внимание у западных историков, таких как А.Г.Леви (Вена, 1969), О. Негт (Франкфурт, 1969), С. Коэн (Нью-Йорк, 1973), К. Коутс (Ноттинген, 1978), У. Штерн (Дюссельдорф, 1973), К. Сальмон (Париж, 1980), М. Хэйнс (Лондон, 1985), К. Тарбак (Лондон, 1989)

²⁹³ Рогачевская Л. С. Альтернативы первому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994.

²⁹⁴ Ржешевский О. А. Упущенная возможность // 1939 год: Уроки истории. Часть II, глава 5. М., 1990. С. 298-319.

²⁹⁵ Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941 (Документы, факты, суждения). М., 2000. Автор рассматривает, в том числе, возможность нападения СССР на Германию, но, в отличие от псевдоисторика В.Суворова (Резуна), делает это с опорой на реальные документы. М. И Мельтюхов излагает вариант развития событий, который позволил бы «не позднее 1942 г.» завоевать Европу, если бы Сталин решился напасть на Германию в 1941г. [М. И Мельтюхов Указ. Соч. С. 504-506] Критику этого варианта см. в статье: Орлов А. С. А был ли шанс? // Отечественная история. 2002. № 1.

²⁹⁶ Зубкова Е. Ю. После войны: Маленков, Хрущёв и «оттепель» // История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – нач. XX вв. М., 1991.; Зубкова Е. Ю. От 60-х к 70-м: Власть, Общество, Человек.

²⁹⁷ Фадин А. В. Модернизация через катастрофу? (Не более чем взгляд...)

<http://www.russ.ru:8083/antolog/inoe/fadin.htm>

30. Сохранение СССР или создание СНГ.

Этот список, конечно, далеко не исчерпывающий ни в историографическом плане (представлены альтернативы, вызывающие наиболее пристальное внимание историков), ни в конкретно-историческом плане (альтернативных ситуаций во много раз больше, но не все они сыграли столь же важную роль, как перечисленные). Некоторые работы посвящены изучению только какой-либо отдельной исторической ситуации. Другие авторы проводят обзорные анализ всей российской истории через призму альтернативности развития. Стали появляться исследования, посвящённые региональным аспектам, той или иной альтернативной исторической ситуации.²⁹⁸

Показателем того, что осмысление проблемы альтернативности вышло на новый уровень, служит то, что тема альтернативности Российской истории

А. В. Фадин в прошлом участник диссидентского движения. В своей статье он поставил вопросы: могла ли советская система выжить в принципе? Была ли она принципиально реформируема? Обладала ли мотивами и механизмами саморазвития, эволюции по собственным основаниям, в рамках своей собственной логики развития? Автор утверждает, что социально-политическая система не рухнула, она сильно мутировала, но выжила и приспособилась. Аргументом, в пользу этого тезиса служит реальное удержание и новая легитимация своей власти традиционными советскими элитами. А. В. Фадин доказывает, что советская система была принципиально неререформируемой сверху и объясняет, почему в СССР не сработала бы китайская модель реформы, использованная Дэн Сяопином. Социальным фактором, ставящим крест на попытках авторитарной рыночной модернизации, автор считает не только косность номенклатуры, но и установки советского среднего класса (ССК). По его мнению, этот ССК создал мощную (западническую в целом) культурную традицию, проникся антивластным мироощущением и стал главной силой, взорвавшей возможность консервативной эволюции режима.

²⁹⁸ Рогочёв А. Г. Альтернативы российской модернизации: сибирский аспект: (1917-1925). Красноярск, 1997.

стала включаться в школьные учебники и в методические указания школьным учителям.²⁹⁹

1.7.2. Культурологические подходы.

К значительным работам, где рассматривается тема альтернативности, следует отнести, прежде всего, труды Ю. М. Лотмана – основателя всемирно известной школы семиотики.

В книге «Культура и взрыв» Ю. М. Лотман выдвигает идею принципиальной непредсказуемости развития культуры (а значит и всего общества) в моменты создания нового. Ю. М. Лотман различает взрывные моменты, когда события погружаются в пучок возможностей, и периоды, когда события предопределены уже реализованными в процессе взрыва возможностями. Так, величайшие научные идеи в определенном смысле сродни искусству: техническая реализация новых идей развивается по законам постепенной динамики. Поэтому научные идеи могут быть несвоевременными. Технике свойственно то, что практические потребности выступают как мощные стимуляторы прогресса. Поэтому новое в технике – реализация ожидаемого, новое в науке и искусстве – осуществление неожиданного.³⁰⁰ Периоды научных открытий и технических изобретений можно рассматривать как два этапа интеллектуальной активности. Открытия имеют характер интеллектуальных взрывов, так как они, по мнению Ю. М. Лотмана, не вычитываются из прошедшего, и последствия их нельзя однозначно

²⁹⁹ Ионов И. Н. Российская цивилизация IX – нач. XX века. Учеб. Кн. для 10-11 кл. общеобразоват. учреждений. М., 1995. Автор представляет историю Росси через смену «цивилизационных альтернатив»; Ерохина М.С. Историческая личность: современная методика изучения // Метаморфозы истории. Альманах. Выпуск 1. Вена – СП б. – Псков, 1997. Автор предлагает учителям памятку-схему «характеристики исторического деятеля» через анализ возможных вариантов развития событий. С. 210-211; История современной России. 1682-1861: Экспериментальное учебное пособие для средних школ / Под ред. В. В. Шелохаева. М., изд. ТЕРРА 1996. Авторский коллектив Е. В. Анисимов, А. Б. Каменский. предлагают школьникам вопросы типа: Пофантазируйте немного – какой бы была Россия, если бы на престоле её долгие годы сидел такой человек, как Пётр II? С. 166; Хрестоматия по истории России 1917-1940: Пособие для учащихся ст. классов с углубл. Изучением истории, гимназий и лицеев / Сост. М. Е. Главацкий, Н. И. Дмитриев и др. / Под ред. М. Е. Главацкого. 2-е изд. М., 1995. Один из блоков документов в хрестоматии озаглавлен «Кризис демократической альтернативы».

³⁰⁰ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 18.

предсказать. Но в тот момент, когда взрыв исчерпал свою внутреннюю энергию, он сменяется цепью причин и следствий. Логическое развертывание отбирает от взрыва те идеи, для которых время уже наступило, то, что может быть использовано. Остальное до времени предается забвению.³⁰¹

Автор замечает, что такая модель, конечно, условна. Последовательная цепь взрывов и постепенных развитий в реальности никогда не существуют изолированно. Она погружена в пучки синхронных с ней процессов, и эти боковые влияния, постоянно вмешиваясь, могут нарушить четкую картину чередований взрывов и постепенностей.³⁰²

Культура как сложное целое составляется из пластов разной скорости развития, любой ее синхронный срез обнаруживает одновременное присутствие различных ее стадий. Динамика процессов в сфере языка и политики, нравственности и моды демонстрирует различные скорости движения. Постепенные и взрывные процессы в синхронно работающей структуре обеспечивают взаимодействие новаторства и преемственности. В самооценке современников эти тенденции переживаются как враждебные, но на самом деле, считает Ю. М. Лотман, это две стороны единого механизма. Агрессивность одной из них не заглушает, а стимулирует развитие противоположной.³⁰³ Так, например, агрессивность направления Карамзин – Жуковский в начале XIX века стимулировала развитие направления Шишков – Катенин – Грибоедов. Победное шествие «антиромантизма» Бальзака – Флобера синхронно сочеталась с расцветом романтизма Гюго.³⁰⁴

Ю. М. Лотман пишет, что «неизвестность будущего позволяет приписывать значительность всему».³⁰⁵ В то же время, он отмечает, что неопределенность будущего имеет свои, хотя и размытые, границы. Из него исключается то, что в пределах данной системы заведомо войти в него не

³⁰¹ Там же. – С.99.

³⁰² Там же.

³⁰³ Там же. – С. 25-26.

³⁰⁴ Там же. – С. 26.

³⁰⁵ Там же. – С. 27.

может. Будущее предстает как пространство возможных состояний. Настоящее содержит в себе потенциально все возможности будущих путей развития. Выбор одного из них, по словам Ю. М. Лотмана, не определяется ни законами причинности, ни вероятностью: в момент взрыва эти механизмы полностью отключаются. Выбор будущего реализуется как случайность.³⁰⁶

Доминирующим элементом, который возникает в итоге взрыва и определяет будущее движение, может стать любой элемент из системы или даже элемент из другой системы, случайно втянутый взрывом в переплетение возможностей будущего. Однако на следующем этапе он уже создает предсказуемую цепочку событий. «Гибель солдата от случайно пересекшегося с ним осколка снаряда обрывает целую цепь потенциально возможных будущих событий и одновременно создает новую цепочку».³⁰⁷

Ю. М. Лотман особо и не один раз подчеркивает, что отказываясь от момента непредсказуемости в историческом процессе, мы делаем его полностью избыточным. «С позиции носителя разума, занимающего по отношению к процессу внешнюю точку зрения (таким может быть Бог, Гегель или любой философ, овладевший «единственно научным методом»), движение это лишено информативности».³⁰⁸

Момент исчерпывания взрыва – это еще и место самопознания. Включаются те механизмы истории, которые должны ей самой объяснить, что произошло.³⁰⁹ Произошедшее получает новое бытие, отражаясь в представлениях наблюдателя. При этом, подчёркивает учёный, происходит коренная трансформация события: то, что произошло случайно, предстает как единственно возможное. С точки зрения наблюдателя выбор был фиктивным, «объективно» он был предопределен всем причинно-следственным движением предшествующих событий. Такого рода подмена легко осуществляется в тех сферах истории, где господствует постепенность и взрывные события играют

³⁰⁶ Там же. – С. 28.

³⁰⁷ Там же. – С. 29.

³⁰⁸ Там же.

минимальную роль, где действие развивается наиболее замедленно, или отдельная личность играет меньшую роль. Поэтому, например, закономерно, что история техники, как правило, воспринимается эпохой как анонимная.³¹⁰

События переносятся в память историка уже трансформированными. Творческая активность историка проявляется в том, что из обилия сохраненных памятью факторов он констатирует преемственную линию, с наибольшей надежностью ведущую к заключительному пункту. Эта точка «приобретает под пером историка почти мистический характер. В ней видят торжество божественных или исторических предназначений, носительницу смысла всего предшествующего процесса. В историю вводится объективно совершенно чуждое ей понятие цели».³¹¹

Ю. М. Лотман прослеживает эволюцию идеи соотношения случайности и свободы воли в истории человеческого духа. Человек архаичных эпох склонен изгонять из мира случайность. Последняя представляется ему результатом некоторой, неизвестной ему более таинственной, но и более мощной закономерности. Отсюда и вся обширная практика гаданий, в ходе которых случайность возводится в степень предсказания.³¹² При рассмотрении эпохи античности автор приводит эпизод 23-ей песни «Илиады», когда Аякс случайно поскользнулся в свежем бычьем навозе и упал в него лицом. Это дало возможность Одиссею обогнать соперника и получить награду. В связи с этим эпизодом Ю. М. Лотман пишет, что Гомер достигает синтеза идеи божественной власти и непредсказуемости событий. «Боги постоянно находятся в борьбе, и если исход борьбы людей объясняется волей богов, то исход борьбы богов остается непредсказуем».³¹³ Такой же характер имеет столкновение судьбы и человеческой воли — конфликт, по-разному решавшийся, но всегда волновавший греческих авторов. Средневековую эпоху

³⁰⁹ Там же. — С. 30.

³¹⁰ Там же.

³¹¹ Там же. — С. 34.

³¹² Там же. — С. 92.

³¹³ Там же. — С. 93.

Ю. М. Лотман не затрагивает (впрочем, и так ясно, что речь шла бы о христианских догмах), а сразу переходит к критике гегелевских идей.

«Путь как отдельного человека, так и человечества, усеян нереализованными возможностями, потерянными дорогами... Размышление об этих потерянных дорогах гегельянская традиция третирует как романтизм и зачисляет по ведомству пустых мечтаний».³¹⁴ В полемике с такой традицией Ю. М. Лотман указывает, что каждое событие может включаться и в предсказуемый ряд, и в обстоятельства взрыва, и поэтому должно рассматривать с двух точек зрения. Если развить эту мысль Ю. М. Лотмана, то можно добавить, что одно и то же событие может послужить условием альтернативности для одного ряда событий, и одновременно условием неизбежности для другого ряда событий.

Ю. М. Лотман приводит следующий пример: творчество Пушкина оказало воздействие на превращение художественного произведения в товар («не продаётся вдохновение, но можно рукопись продать»). Решающую роль здесь сыграл «Евгений Онегин». Однако, если бы Пушкин не написал свой роман в стихах или даже если бы Пушкин вообще не родился на свет, процесс этот все равно неизбежно произошел бы. Если же посмотреть на другую историческую связь и предположить, что Пушкин был бы вырван из литературы в свой самый ранний период, то вся цепь событий, ведущих к Гоголю, Достоевскому, Толстому, Блоку и к укреплению той роли русской литературы, которую она играла в гражданских судьбах русской интеллигенции и, следовательно, вообще в судьбах России, оказалась бы совсем не той, какая нам известна.³¹⁵

Ю. М. Лотман анализирует альтернативность исторического развития также с позиции компаративистики. Разные, но типологически сходные исторические движения, например, движения романтизма в разных европейских странах или же различные формы антифеодальных революций могут в момент взрыва избирать разные дороги. Сопоставление их как бы

³¹⁴ Там же. – С. 96.

демонстрирует, что произошло бы в той или другой стране, если бы результаты взрыва у нее были иными. Потерянное в одном историко-национальном пространстве может, может быть реализовано в другом, и сопоставление их придает размышлениям о том, что было, если бы исторический выбор произошел иначе, более обоснованный характер.³¹⁶ Сопоставление разных реализаций типологически одного события может рассматриваться как форма изучения «потерянных дорог». С этой точки зрения можно истолковать, например, провалившийся путч в Москве в 1991 году и события в Югославии, или историю Ренессанса, Реформации, Контрреформации как различные вариации некоей единой исторической модели.

Ю. М. Лотман напоминает читателю широкоизвестное остроумное высказывание А. Шлегеля, что историк – это пророк, предсказывающий назад. Переносясь в прошлое умственным взглядом и глядя из прошлого в будущее, он уже знает результаты процесса. Однако эти результаты как бы еще не совершились и преподносятся читателю как предсказания. В связи с этим Ю. М. Лотман пишет, что «пережитый взрыв приобретает черты неизбежного предназначения». Появляется психологическая потребность «переделать прошлое, внести в него исправления, причём пережить этот скорректированный процесс как истинную реальность ... речь идёт о трансформации памяти.³¹⁷ Эти психические процессы автор считает основой для раскрытия мотивов написания мемуаров. Они важны при установлении исторических альтернатив в том отношении, что проследить акт выбора более или менее достоверно можно только на основе свидетельств самих участников событий.

Ю. М. Лотман приводит пример мемуаров декабриста Д. И. Завалишина. Это был талантливый человек, но патологический лгун. Он был сослан в Сибирь больше из-за наговоров на себя и хвастовства. В вершине своей фантазии – мемуарах – он вспоминает не свою неудачную и трагическую

³¹⁵ Там же. – С. 97.

³¹⁶ Там же. – С. 98.

³¹⁷ Там же. – С. 196.

судьбу, а воображаемую жизнь, полную успехов, где он, Завалишин – лидер декабристов.³¹⁸ Ложь дает некую степень свободы, возвышающей человека над реальностью. Поэтому, зная о связи лжи со свободой, следует учитывать, что процесс выбора и объяснение выбора часто связаны с самообманом выбиравшего.

Процесс нового переживания перспектив событий после их ретроспективной трансформации в памяти Ю. М. Лотман называет основой механизма искусства. Искусство привносит свободу в те сферы, которые в реальности ею не располагают. Безальтернативное получает альтернативу. Отсюда возрастание этических оценок в искусстве. Искусство, благодаря большой свободе, оказалось вне морали. Оно делает возможным не только запрещенное, но и невозможное. Поэтому по отношению к реальности выступает как область свободы. Но ощущение этой свободы подразумевает наблюдателя, который бросает взгляд на искусство из реальности.³¹⁹

Выводы Ю. М. Лотмана касаются альтернативности истории с точки зрения соотношения художественной фантазии и логического анализа в изучении исторических альтернатив. В контрфактическом моделировании истории или критике «исторических ошибок» наличествует доля искусства со всеми присущими ему свойствами (этические оценки и наделение невозможного возможностью). Автор художественного произведения отличается от автора научной работы полной и безграничной властью над своим произведением, над действующими в нем лицами и ходом событий. Общее между научным и художественным отражением прошлого состоит в переносе в синхронное пространство памяти того, что было организовано движением по оси времени. Последовательность сменяется одновременностью, и это придает событиям новый смысл.³²⁰

³¹⁸ Там же. – С. 197.

³¹⁹ Там же. – С. 233.

³²⁰ Там же. – С. 238.

Ю. М. Лотман сравнивает так называемые бинарные и тернарные структуры культуры. Тернарные структуры сохраняют определенные ценности предшествующего периода, перемещая их из периферии в центр системы. Идеалом бинарных систем является полное уничтожение всего уже существующего как запятнанного неисправимыми пороками. «Тернарная система стремится приспособить идеал к реальности, бинарная – осуществить на практике неосуществимый идеал. В бинарных системах взрыв охватывает всю толщу бытия. Беспощадность этого эксперимента проявляется не сразу. Первоначально он привлекает наиболее максималистские слои общества поэзией мгновенного построения «новой земли и нового неба», своим радикализмом. Цена, которую приходится платить за утопии, обнаруживается лишь на следующем этапе».³²¹ Характерная черта взрывных моментов в бинарных системах – их переживание себя как уникального, ни с чем не сравнимого момента во всей истории человечества. В бинарных структурах моменты взрыва могут разрывать цепь непрерывных последовательностей, что неизбежно ведет к глубоким кризисам, но и коренным обновлениям. Так, эпоха реформ в России последней трети XIX века была сорвана одновременным переходом, как правительства, так и демократов к методам террора, Желание остановить историю столкнулось со стремлением принудить ее к прыжку. Таким образом, если мы спроецируем на историческое развитие бинарные и тернарные структуры культуры, выявленные Ю. М. Лотманом, то эти структуры будут выступать как семиотические метафоры революции и эволюции.

В заключении книги «Культура и взрыв» Ю. М. Лотман делает вывод, что процессы протекающие на территории бывшего СССР можно описать как переключение с бинарной системы на тернарную.³²²

В 90-е годы у отечественных исследователей появляются возможность и потребность непредвзято воспринять опыт зарубежных коллег, обращавшихся

³²¹ Там же. – С. 258.

к проблеме альтернативности. В частности их внимание привлекла книга германского антиковеда А. Деманда «Несостоявшаяся история».

В сборнике «Одиссей» за 1997 год вышло эссе М. Ю. Парамоновой о книге известного германского антиковеда А. Деманда «Несостоявшаяся история».³²³ Книга А. Деманда, пожалуй самая развёрнутое и глубокое исследование по проблеме альтернативности в истории в современной мировой историографии. Поэтому весьма интересным и актуальным было сравнение идеи А. Деманда с идеями Ю. М. Лотмана.

М. Ю. Парамонова рассмотрела книгу А. Деманда в контексте противостояния историографических концепций реализма и постмодернизма.

А. Деманд определяет потенциальную историческую возможность как «иную игру по тем же самым правилам», а историю как совокупность «пути односторонней последовательности событий и ландшафта, по которому он проходит».³²⁴

А. Деманд считает важным внутренним мотивом негласного запрета на обсуждение исторических возможностей страх перед разрушением культурной и исторической идентичности. В парадигме, которую А. Деманд обозначает как «теологию истории», только состоявшуюся историю исследователь может воспринимать как «свою» историю. Предположение иного хода событий лишает историка оснований для рассуждений, а современность теряет свою исторически обусловленную идентичность.

А. Деманд формализует значимость субъективного действия, признаёт в ряду его последствий лишь структурно или генетически обусловленные результаты. Это в частности, отражено в предлагаемом им анализе альтернативы поведения Ганнибала после победы при Каннах. Автор полагает, что если бы в 216 году до н. э. Ганнибал принял решение о походе на Рим, весьма вероятно, что «Вечный город» был бы взят. Однако, по мнению

³²² Там же. – С. 264.

³²³ Парамонова М.Ю. «Несостоявшаяся история»: аргумент в споре об исторической объективности? Заметки о книге А. Деманда и не только о ней // Одиссей. 1997.

А. Деманда, гипотетическая империя в главе с Карфагеном не могла быть долговечной. Поход Ганнибала относится ко времени, когда превосходство Рима стало уже неизбежным. По мнению М. Ю. Парамоновой в реконструкции А. Деманда не остаётся пространства для парадоксальных, с его точки зрения, путей развития истории античного средиземноморья.

Во-вторых, моделирование не осуществившихся альтернатив важно при изучение исторической каузальности. Здесь существенным представляется изменение А. Демандом акцентов в вопросе об исторических возможностях. Он отмечает, что вопрос «Что произошло бы, если бы...?», может быть заменён вопросом «Что должно было бы произойти, чтобы не...?».

Рассмотрение возможных альтернатив тому или иному реальному феномену может послужить источником корректировки оценочного, негативного или одобрительного, отношения к нему. А. Деманд демонстрирует приемлемость этого утверждения на примере моделирования альтернатив победе германцев в сражении в Тевтобургском лесу с точки зрения их желательности в перспективе развития европейской истории и культуры.

А. Деманд утверждает, что просчёт альтернативных ситуаций невозможен в сфере «антропологических констант», т. е. в длительных и эпохальных процессах. К этим процессам относятся устойчивые формы социальной жизни и вообще все длительные течения (от нескольких столетий до нескольких тысячелетий) в любой из сфер социальной жизни. Эти течения лишены альтернативности развития – они предстают не столько как результат, сколько как условие истории.³²⁵

А. Деманд выстраивает концепцию «уравновешивающего течения истории» (*Fliessgleichgewicht der Geschichte*). Смысл этой метафоры раскрывается в метафоре «исправление историей собственных ошибок».³²⁶ В

³²⁴ Цит. по: Парамонова М. Ю. Указ. Соч. С. 344.

³²⁵ Цит. по: Парамонова М. Ю. Указ. Соч. С. 352-353.

³²⁶ Цит. по: Парамонова М. Ю. Указ. Соч. С. 353.

заключении книги автор иронично признаётся в своём модернизированном гегельянстве.

Сравнивая подходы Ю. М. Лотмана и А. Деманда, М. Ю. Парамонова отмечает, что в модели Ю. М. Лотмана творческое, субъективное, осмысленное и ценностно детерминированное поведение людей представлено центральным элементом исторического процесса. Сферу культуры Ю. М. Лотман рассматривает в качестве динамического ядра истории. У Деманда основой исторического динамизма оказывается движение длительных тенденций, подчиняющихся себе неожиданности, внешне выбивающиеся из ряда длительной обусловленности. Социальная система не знает стремительных внутренних переломов, но способна на последовательную смену тенденций, механизм которой скрыт от человеческой логики. Мысль Ю. М. Лотмана разворачивается в противоположном направлении. Механизм исторической динамики соотносится им с состоянием кризиса, или – точнее – культурного взрыва. В точке взрыва происходит парадоксальный и непредсказуемый, с точки зрения системной обусловленности, выбор.

1.7.3. Историософские подходы.

М. С. Тартаковский в одной из первых книг посвящённых историософии в постсоветское время писал об отсутствии терминологической и статусной определённости понятия историософия. «Мудрость истории» – не более, чем метафора.³²⁷

Эта неопределённость, на наш взгляд, обусловлена тем, что историософия занимает ту область, где очень сложно провести границу между теорией истории, метафизикой, и публицистикой. Это область поиска исторических закономерностей, область оценки значений и смыслов исторических событий и исторического познания. В этой области проблема альтернативности исторического развития занимает весьма влиятельное место.

³²⁷ Тартаковский М.С. Историософия. Мировая история как эксперимент и загадка. М., 1993. С. 31.

М. С. Тартаковский в своей книге «Историософия. Мировая история как эксперимент и загадка» в качестве пути поиска общего смысла истории использует поиск ответа на вопрос – почему китайцы не открыли Америку. Точнее, – могли ли они стать морской державой подобно Европе. Для такой альтернативы были предпосылки. Запад на 11 столетий отставал от Китая в использовании парусов, на 10 – в принципах морского конструирования, на 11 – в изобретении магнитного компаса, на 2 – в применении его в мореплавании. Ещё XV веке китайский флотоводец Чжэн Хэ совершил плавание в Индию и Африку на нескольких десятках многопалубных кораблей. Причину нереализации указанной альтернативы М. С. Тартаковский видит в консервативной установке Китая на самоизоляцию и самодостаточность, которая достигла апогея при династии Мин, когда был введён запрет на морские корабли и мореходство. Проблема мореходства в Китае, рассмотренная в ракурсе альтернативности исторического развития, позволила автору выйти на более широкие проблемы, такие как взаимодействие традиций и новаций, коллективизма и индивидуализма, Запада и Востока.

Историософской по своему жанру является статья Г. С. Померанца «История в сослагательном наклонении», хотя сам термин «историософия» в ней не упоминается. Автор осмысливал соотношение неизбежности и альтернативности в истории России начала XX века через призму воспоминаний и высказываний русских поэтов и писателей: М. Волошина, Б. Пастернака, В. Ходасевича, О. Мандельштама и других. Главными движущими силами истории автор считает «светлые и тёмные духи» – так метафорично он называет человеческие помыслы и страсти. Рассуждая о проблеме свободы воли и ответственности за исторический выбор, Г. С. Померанц пишет, что в истории «нет ни виновности, ни невинности: есть совиновность».³²⁸

³²⁸ Померанц Г. С. История в сослагательном наклонении // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 66.

Этот вывод наводит на мысль, что именно нежелание быть «совиновным», часто не позволяет признавать существование альтернатив выбора собственным действиям участникам исторических событий. Это нежелание фиксируется в мемуарах и воспоминаниях, становясь историческим источником. И тогда уже историкам весьма затруднительно увидеть в некоторых исторических ситуациях наличие свободного выбора и фактического наполнения альтернативных тенденций. Люди не стремятся признаваться в своей аморальности, глупости или трусости. Между тем, именно «слабость человеческой натуры», нередко служит главными фактором исторического выбора, делающего перспективные смелые и разумные устремления «бесперспективными несостоявшимися возможностями», «идеалистическими заблуждениями» или «утопическими мечтаниями».

Одно из направлений общественной мысли, где альтернативность истории рассматривалась с точки зрения историософского подхода – это, так называемый, неоиоляционизм. Один из активных представителей этого направления В. Л. Цымбурский в своих работах «Остров Россия. Перспективы российской геополитики» и «Остров Россия. Циклы похищения Европы (Большое примечание к «Острову Россия»)»³²⁹ предполагает, что Россия XVII века могла бы прийти к границам России конца XX века иными путями. Логика контрфактической модели, предложенной автором, такова: отвоевав выход в Балтику и Азов, приняв под свою руку племена Кавказа, сохраняя мягкий сюзеренитет над Левобережной Украиной, Россия переходит на Западе к обороне, торговле и сосредоточивается на освоении Сибири и Дальнего Востока. В сегодняшнем строении России В. Л. Цымбурский находит признаки давней альтернативы великоимперскому развитию. Он сравнивает альтернативную неимперскую Россию с «островом» русского этноса внутри континента с иноэтническими вкраплениями, с размытыми, но неприступными

³²⁹ Цымбурский В. Л. Остров Россия. Перспективы российской геополитики // Полис. 1993. № 5.; Цымбурский В. Л. Остров Россия. Циклы похищения Европы (Большое примечание к «Острову Россия»). <http://www.russ.ru/antolog/inoe/cymbur.htm/cymbur.htm>

границами. По мнению В. Л. Цымбурского все геополитические притязания России-Острова после Петра I оказываются, так или иначе, причастны к идее «похищения Европы». Ибо, доказывает он, имперская Россия предпринимает широкие акции на востоке, когда ей заблокирован путь на запад, а объектом восточной экспансии всегда оказываются регионы, судьба которых должна в данный момент задеть нервы Запада.

Роспуск СССР В. Л. Цымбурский интерпретирует как выход России из больших континентальных игр. Он считает абсурдными планы, «отряхнув империю», вписаться в управляющие структуры мирового цивилизованного сообщества. Свою идею возрождённой альтернативы России без имперских притязаний В. Л. Цымбурский использует для конструирования благотворного (с точки зрения неоизоляционистов) мифа «острова». Согласно данному утопическому мифу русские смогут в XXI веке обновиться и окрепнуть, чтобы позднее возвращаться в мир континента лишь тогда, когда им это будет необходимо – и в таких формах, в каких это будет удобно для них самих. Перспективность изоляционистской позиции России автор обосновывает тем, что пока Средняя Азия нас хранит от Юга, восточный крен с опорой на Сибирь мог бы вывести Россию из ареала столкновения ислама с либерализмом, ставя ее вообще вне распри «имущего» и «неимущего» миров.

Подобное идеологически обусловленной мифотворчеством с методологической точки зрения хорошо демонстрирует, как в вопрос об альтернативности в прошлом на самом деле мотивируется и, в конечном итоге, сводится к вопросу о будущих по отношению к историческим альтернативам.

В 1994 году вышла монография С. А. Экштута «В Поиске исторической альтернативы (Александр I. Его сподвижники. Декабристы.)», которая была написана на основе диссертационного исследования.³³⁰ Хотя исследование было проведено по специальности «социальная философия», в нём превалирует

³³⁰ Экштут С. А. Проблема поиска исторической альтернативы (опыт историософского осмысления движения декабристов). Диссертация на соискание учёной степени доктора философских наук. Москва. РАН. Институт философии, 1995.

конкретно-исторический материал. Это была первая в отечественной историографии докторская диссертация, посвящённая альтернативности в истории.

Стилистика повествования и исследовательские установки С. А. Экштута, а также посвящение некоторых его статей памяти Н. Я. Эйдельмана, позволяют считать исследования С. А. Экштута проблемы альтернативности в истории продолжением направления, заданного Н. Я. Эйдельманом.

Использование в качестве методологической основы исследования концепции «диалогической встречи двух культур» М. М. Бахтина позволило автору создать у читателя ощущение сопричастности событиям исторического прошлого. Само понятие «альтернатива» автор определяет следующим образом: «Любая альтернатива, по определению, предполагает необходимость выбора одной из двух (или нескольких) возможностей. Процесс поиска и выбора всегда представляет собой попеременное рассмотрение взаимоисключающих возможностей [лат. *alternatus* – попеременный] но лишь в предельном случае осуществляется выбор одного из двух альтернативных решений, направлений, вариантов».³³¹

Главной причиной в возникновении исторических альтернатив С. А. Экштут считает историческую случайность. В конкретно историческом плане автор рассматривает те случайные происшествия в истории России, которые значительно повлияли на общественное сознание изучаемого времени и на поступки главных участников событий, связанных с движением декабристов. Случай невероятен, пишет С. А. Экштут: в него трудно поверить, его нелегко вычислить и сложно представить; он отличается своей необычностью и исключительностью.³³² Современники энциклопедистов усвоили идею вариативности судьбы, подготовив последующие поколения к

³³¹ Экштут С. А. В Поиске исторической альтернативы. М., 1994. С. 4.

³³² Там же. С. 10.

мысли о необходимости использовать любой счастливый случай, появившийся в революционную эпоху.³³³

С. А. Экштут отмечает, что в стиле мышления эпохи конца XVIII – начала XIX веков утвердилась идея о фундаментальном значении случайности в истории: несколько поколений нетерпеливо станут ждать счастливой случайности для того, чтобы резко изменить свою судьбу в резко меняющемся мире; будут верить в то, что такая случайность обязательно настанет. Нужно только научиться её своевременно распознавать и максимально использовать. Особенно мощным катализатором для подобного рода ценностных ориентиров, стало, по мнению С. А. Экштута, молниеносное превращение Наполеона из лейтенанта в императора.³³⁴

С. А. Экштута связывает проблему исторической альтернативности с нравственностью. Он пишет: «Потенциальная возможность перерождения будущей революции в военную диктатуру очень беспокоила членов тайных обществ и рождала в их среде многочисленные споры. Надо было найти эффективное средство, которое бы позволило избежать этой опасности и свело к нулю вероятность успешной реализации честолюбивых замыслов любого претендента на роль российского Бонапарта. Итак, философия альтернативности низводит субъектов исторического процесса в состояние нравственности, которая в свою очередь, задаётся соотношением того, что может произойти естественно, само собой, и того, что нужно сделать, что держится не причинами, а волей».³³⁵

Раскрывая политический контекст эпохи, автор прослеживает поиск исторических альтернатив европейской истории начиная с Французской революции, когда наиболее дальновидные монархи Европы пытались противопоставить идеям революции феодальную утопию, то есть безуспешно пробовали бороться с революцией не пушками, а идеями.

³³³ Там же. С. 11.

³³⁴ Там же. 13-14.

³³⁵ Там же. С. 36.

С. А. Экштут видит для России «Пушкинской эпохи» начала XIX века три альтернативы: 1) Бунт и его перерождение в военный деспотизм. Роль «российского Наполеона» могли сыграть, по мнению автора, декабрист П. И. Пестель или генерал А. П. Ермолов. 2) Реформы «по манию царя». 3) «Бескровная» революция по примеру Испанской революции 1820-23 гг.

Факторами, препятствовавшими осуществлению первой альтернативы было неустранимое противоречие в тайных организациях между практическими путями свержения самодержавия и кодексом дворянской чести: поступки, которые грозили «замарать», а не украсить страницы истории, безоговорочно отвергались. В связи с этим С. А. Экштут рассматривает несколько упущенных возможностей: предложение М. Ф. Орлова создать типографию для печатанья фальшивых ассигнаций, предложение А. А. Бестужева захватить деньги, положенные в губернском правлении, для отхода в Новгородские военные поселения в случае поражения, предложение А. И. Якубовича в день восстания разбить кабак, чтобы напоить солдат.³³⁶ Препятствующими факторами, по мнению С. А. Экштута, также были отчуждение и непонимание товарищами по тайному обществу более опытного и рационального военного разведчика П. И. Пестеля,³³⁷ и отказ генерала Ермолова развязывать междуусобную смуту и проливать кровь соотечественников.³³⁸

Фактором, препятствующим осуществлению второй альтернативы была нерешительность Александра I. Препятствием, сделавшим невозможным реализацию третьей альтернативы, стало целенаправленное очищение Александром I армии от лиц, скомпрометировавших себя политической неблагонадёжностью.³³⁹

Выделяемые альтернативы подробно анализируются главным образом на основе воспоминаний, мемуаров и переписки современников изучающихся

³³⁶ Там же. С. 199-202.

³³⁷ Там же. С. 205.

³³⁸ Там же. С. 48.

событий. Отвечая на вопрос, «почему сорвалось выступление членов тайного общества на Сенатской площади», автор не только ищет связи и объяснения в самих событиях, развернувшихся 14 декабря и непосредственно предшествовавших им, но также пытается реконструировать логику поступков главных участников событий.

Проблема альтернативности в истории С. А. Экштутом рассматривается также в масштабах отдельной человеческой личности. Автор показывает, как исторический выбор преломлялся через индивидуальные судьбы, и как индивидуальная судьба могла бы стать воплощением возможного исторического выбора. В таком ракурсе сравниваются несколько судеб. Судьба генерала Киселёва, который ратовал за то, что спустя шесть десятилетий получит наименование «теория малых дел». Судьба генерала Ермолова, поплатившегося опалой за слишком большую популярность и независимость, неприемлемые для самодержавия. Судьба генерала Воронцова, способного ради тщеславия и карьеры поступиться своими убеждениями. Судьба генерала Клейнмихеля – своего рода воплощение и исполнителя реализовавшейся после поражения декабристов альтернативы усиления полицейских методов управления. Отставка Клейнмихеля после поражения в Крымской войне рассматривается как возникновение новой альтернативной ситуации, ведущей к реформам 60-х годов. Судьба генерала Закревского, как возможность сохранения честности и независимости носителем осуществившейся военно-бюрократической альтернативы, в отличие от цинизма, интриганства и казнокрадства, воплотившихся в Клейнмихеле.

Новым в подходе С. А. Экштута к проблеме альтернативности в истории стало то, что в осмыслении ответственности личности за исторический выбор автор опирается на философскую идею «не-алиби в бытии», принадлежащую М. М. Бахтину: «То, что мною может быть совершено, никем и никогда совершено быть не может. Единственность наличного бытия – нудительное

³³⁹ Там же. С. 94.

обязательство. Это факт моего не-алиби в бытии... всякий находится на единственном и неповторимом месте, всякое бытие единственно... Это признание единственности моего участия в бытии есть действительная основа моей жизни и поступка»³⁴⁰. В контексте этих идей сравниваются судьбы Пестеля и Александра I, между которыми С. А. Экштута находит много общего, наблюдает своеобразную «перекличку судеб». Исторический выбор, перед которым оказались эти деятели, раскрывает смысл их судеб. Деятельность Пестеля налагала на него нравственную ответственность до конца реализовать своё единственное место в истории. Он вынес своё бремя «не-алиби в бытии», с твёрдостью совершил свой жизненный подвиг: рассказал потомкам о движении декабристов.³⁴¹ Александр I, в отличие от Пестеля, всю свою жизнь настойчиво уклонялся от ответственных поступков и поплатился за это. Он так и не сумел реализовать свою единственность в бытии в поступках, достойных как его способностей, так и той власти, которая была у него в руках.³⁴²

На примере рассмотренной работы С. А. Экштута, мы видим, что в исследовании альтернативности исторического развития можно вполне продуктивно сместить акценты с теоретических на эмпирические стороны проблемы, при этом совмещая и приёмы увлекательного повествования, и принципы строгой научности.

Следующая работа С. А. Экштута, где использована идея альтернативности исторического развития – статья «Раздробим монумент Аракчееву»: Опыт контрфактического моделирования исторического прошлого», опубликованная в 1996 году в журнале «Вопросы философии» а затем в дополненном виде вошедшая в книгу «На службе российскому

³⁴⁰ Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984-1985. М., 1986. С. 112.

³⁴¹ Экштут С. А. Указ. Соч. С. 65-66.

³⁴² Там же. С. 68.

левиафану».³⁴³ В этой работе автор сознательно допускает выходы за пределы научности в область беллетристики в рамках провозглашённой им концепции так называемого «исторического маньеризма». Сюжет контрфактической модели основан на том, что во время восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 года поручик Панов с отрядом лейб-гренадёров прорвался в Зимний дворец и арестовал Аракчеева, а затем в случайной стычке с этим отрядом был убит престолонаследник Николай. В действительной истории Панов не решился подходить к сапёрному батальону, охранявшему Зимний дворец, а затем встретившись с кавалергардами, сопровождавшими Николая, отбился от них и присоединился к товарищам на Сенатской площади. В контрфактической модели декабристы побеждают, учреждают временное правительство, правление которого приводит к смуте, а затем к военной диктатуре.

В рассматриваемой модели упущено отсутствие такого фактора, как желание самого Панова самостоятельно арестовывать Аракчеева. По показаниям самого Панова, он думал, что Зимний дворец уже занят восставшими, а когда понял, что это не так, то повернул на Сенатскую площадь.³⁴⁴ Впрочем, в порядке гипотезы можно допустить, как это предполагает С. А. Экштут, что решение войти в Зимний могло неожиданно и спонтанно возникнуть у Панова.

В качестве способа наиболее адекватного описания несостоявшихся, но возможных событий (если мы примем, что для контрфактического моделирования вообще применимо понятие адекватности) С. А. Экштут использует информацию из источников о действительно произошедших событиях, имеющих схожие характеристики и признаки с моделируемыми исследователем возможными событиями. Так, например, восстания в Новгородских военных поселениях в контрфактической модели описаны по

³⁴³ Экштут С. А. «Раздробим монумент Аракчееву»: Опыт контрфактического моделирования исторического прошлого // Вопросы философии. 1996. №10; Экштут С. А. На службе российскому левиафану. М., 1998. С. 245-268.

данным о реальных восстаниях в военных поселениях.³⁴⁵ Правда, сомнительным представляется, что в случае победы декабристов, какие-либо исторические личности (например, А. С. Пушкин) сделали бы точно такие же записи в дневнике, как они сделали в действительном прошлом. С. А. Экштут это допускает.³⁴⁶ Такой методический приём, если понимать его буквально, противоречит здравому смыслу, но, тем не менее, он может допускаться с целью уменьшения доли художественного вымысла в контрфактической модели и увеличения доли её научности. Он позволяет чётко отделить, какие события были возможны исходя из реальных исторических источников, а какие явились только средством оживления повествования с целью создать целостный образ. Роль этого приёма позволяет называть такое историописание документально-художественным контрфактическим моделированием.

В методологическом плане можно отметить, что в рассмотренной модели не использован метод экстраполяции (рассмотрение дальнейшего развития тех тенденций, истоки которых видны в состоявшемся потоке исторических событий). Между тем экстраполяция была бы очень уместна в моделировании альтернатив. Проще всего использовать этот метод в исследованиях по экономической истории, но им же можно воспользоваться и при моделировании событий политической истории. Например, в реальной истории декабристского движения хорошо прослеживаются разногласия между более радикальным Южным обществом и более умеренным Северным. В контрфактической модели победы декабристов было бы вполне уместным показать влияние разногласий между победителями на дальнейшее развитие России, рассматривая идеологические разногласия между членами тайных обществ как зародыш будущих столкновений политических группировок.

Что касается одновариантности предложенной модели (а одновариантны, как правило, большинство известных моделей несостоявшейся истории), то её

³⁴⁴ Нечкина М.В. День 14 декабря 1825 года. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1975. С. 268-271.

³⁴⁵ Экштут С. А. «Раздробим монумент Аракчееву»...С. 170.

³⁴⁶ Там же.

вряд ли стоит принимать за упущение, как это нередко делается в отношении тех исследователей, кто осмелился переступить грань свершившегося прошлого. Конечно, сравнительный анализ нескольких возможных, но не реализовавшихся, вариантов исторических событий может быть очень эвристичным. Однако ждать от исследователя обязательного построения нескольких контрфактических моделей для одной и той же исторической ситуации было бы нерационально, так как даже одновариантная хорошо продуманная и оригинальная модель ценна сама по себе.

В статье С. А. Экштута «Сослагательное наклонение в истории: воплощение несбывшегося. Опыт историософского осмысления»³⁴⁷ и переработанном варианте этой статьи в альманахе *Одиссей*³⁴⁸ смысл альтернативности в истории раскрыт как развитие специфического феномена исторического сознания. Автор выделяет пять уровней рассмотрения проблемы поиска исторической альтернативы.

Первый уровень: Поиск исторической альтернативы ведётся в реальном пространстве и времени (здесь и теперь). Онтологический статус такому поиску придают различные социальные утопии, проекты государственных преобразований, планы на ближайшее и отдалённое будущее, споры о целях и средствах. В качестве социального пространства поиска на этом уровне, по мнению С. А. Экштута, как правило, выступает столица, где «шумят витии», в провинции же царит «вековая тишина». Впрочем, автор признаёт и исключения из этого правила. По этому поводу он приводит строки поэта Давида Самойлова: «в провинции любых времён есть свой уездный Сен-Симон».³⁴⁹

Второй уровень: Поиск завершён, событие совершилось и приобрело статус исторического факта. Для одних победившая альтернатива предстаёт в качестве единственно возможного пути, для других — как досадная

³⁴⁷ Экштут С. А. Сослагательное наклонение в истории: воплощение несбывшегося. Опыт историософского осмысления // Вопросы философии. 2000. №8.

³⁴⁸ Экштут С. А. Контрфактическое моделирование, развилки и случайности в русской культуре. Материалы «Круглого стола» «История в сослагательном наклонении» // *Одиссей. Человек в истории*. 2000. М., 2000.

случайность. На этом этапе ещё живы люди, имевшие непосредственное отношение к выбору исторического пути и хранящие память о былом в его незавершённости. Некоторые из них до конца жизни ощущают исключенность из настоящего времени. Они лелеют тоску по «золотому веку» своего прошлого и страдают от «непрекращающихся мыслей о том, что в какой-то момент времени их судьба могла сложиться по-другому, если бы река времени повернула в иное русло».³⁵⁰

Третий уровень: историки получают доступ к документам, открывают скрытые механизмы принятия решений, осознают сам факт наличия в прошлом поиска исторических альтернатив и начинают его изучать. «Оставшиеся в живых непосредственные участники исторических событий, – отмечает С. А. Экштута, – весьма болезненно реагируют на предпринимаемые историками попытки демифологизации, ибо многие мифы стали неотъемлемой частью их биографии».³⁵¹

Четвёртый уровень: Историки встают перед проблемой: «как воплотить в тексте научного сочинения несбывшееся?».³⁵² Историк отстраняется от результата истории и сознательно продлевает в своём повествовании ощущение протекания процесса.³⁵³ Пытается дать *видение* процесса, а не его *узнавание*.³⁵⁴

Пятый уровень: историк решается на создание контрфактической модели исторического прошлого, которая становится объектом неизбежной полемики и фактом историографии.³⁵⁵

В центре внимания одной последних книг С. А. Экштута «Надин, или роман великосветской дамы глазами тайной политической полиции»³⁵⁶ личные

³⁴⁹ Цит. по.: Экштут С. А. Вопросы философии... С. 80.

³⁵⁰ Экштут С. А. Указ. Соч. С. 81.

³⁵¹ Там же. С. 82.

³⁵² Там же. С. 83.

³⁵³ Там же. С. 85.

³⁵⁴ Там же. С. 86.

³⁵⁵ Там же.

³⁵⁶ Экштут С. А. Надин, или роман великосветской дамы глазами тайной политической полиции. М., 2001

отношения Надежды Сергеевны Акинфьевой с князем А.М. Горчаков, более четверти века стоявшим со главе российской внешней политики. Описание взаимодействия политических и любовных коллизий переполнено рассуждениями в сослагательном наклонении. В частности, автор предполагает, что если бы весной 1867 года Горчаков не был до того поглощен личными переживаниями, (он узнал о существовании августейшего соперника, уже решившегося на брак с Акинфьевой), то возможно он смог бы правильно оценить опрометчивость состоявшейся тогда продажи Аляски.

Можно спорить с конкретно-историческим ракурсом выводов С. А. Экштута, но не вызывает сомнений правомерность использования идеи альтернативности исторического развития в ситуациях совпадения переломных моментов в личной жизни исторических деятелей и в их общественной деятельности. Такому взаимодействию историки очень редко уделяют должное внимание. Сферы личной жизни и политики обычно изучаются и описываются порознь. Это, скорее всего, происходит, в том числе, и по тому, что иначе возникают «неудобоваримые» вопросы, «что было бы если бы», к которым многие историки привыкли относиться снисходительно-иронично.

Одной из немногих работ, где разрабатывались многовариантная контрфактическая модель альтернативного развития одной и той же исторической ситуации стала статья доктора исторических И. В. Бестужева-Лады «Ретроальтернативистика в философии истории».³⁵⁷ Метод контрфактического моделирование, используемый автором, можно назвать аналитическим, в отличие от документального-художественного метода Н. Я. Эйдельмана и С. А. Экштута. Автор статьи, соглашаясь с утверждением, что историческая наука исключает сослагательное наклонение, полагает, что в философии истории без сослагательного наклонения не обойтись. Он ставит вопрос: «Нельзя ли инструментарий исследований будущего обратить в прошлое с целью расширить диапазон оценок в философии истории, сделать их

более обоснованными?»³⁵⁸ И. В. Бестужев-Лада конструирует несколько альтернативно-виртуальных сценариев войны России с Францией 1812г. Первый сценарий представляет собой варианты победы Наполеона над Россией. Условия, допускающие реализацию этих вариантов: провозглашение Наполеоном независимости Литвы, Польши, Украины и Белоруссии и использование их как союзников против России; прокламация об освобождении крестьян в России, что провоцировало бы бунты; отказ от зимовки в Москве; втягивание в войну Турции и Швеции.

Здесь можно отметить, что для первого сценария не лишними были бы аналогии с политикой Наполеона в Европе. Так, например, либеральные реформы, проведённые Наполеоном в Испании, не предотвратили там национально-освободительного движения. Второй сценарий – более эффектная победа России. Основное условие реализации этого сценария: изначальная ориентация на изматывание противника и подрыв его коммуникаций, а также отказ от генеральных сражений. Препятствием для реализации этой альтернативы было понятие чести, заставлявшее воина предпочитать открытый бой и считать предосудительными удары «исподтишка».

Подобный сценарий победы СССР «малой кровью» автор описывает и для 1941г. Более развёрнуто И. В. Бестужев-Лада представил свой взгляд на альтернативность в истории России в статье «Не ходил бы Бонапарт на Россию».³⁵⁹ В этой работе И. В. Бестужев-Лада вводит новое понятие для обозначения альтернативных ситуаций – «пороги», но в целом его концептуальные позиции оставались прежними.

1.7.4 Социологические подходы.

А. В. Коротаев в своей статье «Объективные социологические законы и субъективный фактор», вышедшей в 1992 году в научно-публицистическом

³⁵⁷ Бестужев-Лада И.В. Ретроальтернативистика в философии истории // Вопросы философии. 1997. №8.

³⁵⁸ Там же. С. 112.

³⁵⁹ Бестужев-Лада И.В. Не ходил бы Бонапарт на Россию // Поиск. № 47, ноябрь 1999 г.

альманахе «Анналы», третий номер которого целиком посвящён альтернативности истории, критикует историко-социологическую концепцию, согласно которой социальные субъекты не могут существенно влиять на направление закономерного процесса социального развития. В интерпретации А. В. Коротаева более существенны альтернативы между различными вариантами прогрессивной исторической динамики.³⁶⁰ Автор понимает социологический закон не как одномерное направление развития, а как многомерное пространство-поле возможных вариантов развития, измерениями которого служат показатели общественного развития.³⁶¹ Так, например, закон стоимости задаёт некое поле вероятности, в пределах которого в одном направлении социальному субъекту двигаться трудно (повышение цены при сохранении прежней стоимости товара), в другом – ещё труднее (повышении цены при падении стоимости), в третьем – легче (повышение цены при повышении стоимости) и т.д.³⁶² Другой пример: одному уровню развития материальных производительных сил соответствуют несколько способов производства, но с разной вероятностью. Поэтому социологические законы могут в конкретно-исторической ситуации обусловить лишь то, что для социального субъекта (например политической партии) добиться утверждения экономического строя *А* оказывается крайне сложным, *Б* – ещё сложнее, *В* – вообще едва ли возможно, а вот добиться *Г* – уже легче и т.д.³⁶³

А. В. Коротаев утверждает, что «из того факта, что объективные социологические законы толкают общество в определённом направлении, неправильно делать вывод о том, что именно в этом направлении нам и нужно идти. Вполне возможна и такая ситуация, что данному социальному субъекту

³⁶⁰ Коротаев А.В. Объективные социологические законы и субъективный фактор.// Анналы. №3. Донецк, 1992. С. 168.

³⁶¹ Там же. С. 82.

³⁶² Там же. С. 79.

³⁶³ Там же. С. 82.

следует добиваться движения общества в практически противоположном направлении».³⁶⁴

В этой статье предполагается, что на протяжении большей части существования человечества (то есть в первобытную эпоху), роль субъективного фактора развития была очень невелика. Автор признаёт со ссылкой на специалистов этнографов,³⁶⁵ что в первобытных и архаических сообществах деятельность выдающегося индивида может привести к некоторому изменению соответствующего социального организма. Он даже допускает, что в благоприятных условиях «маятник флуктуации» может отклониться на столь продолжительный период времени, что изменятся сами общественные нормы.³⁶⁶ Однако процесс эволюции на *макроуровне* в ранние периоды истории шёл, по мнению А. В. Коротаева, под действием одних лишь объективных законов и факторов, практически вне зависимости от желаний и настроений людей. Вследствие замедленности крупных социальных сдвигов, память о них не фиксировалась сознанием людей, поэтому «проблема выбора пути развития практически не стояла "на повестке дня", ибо сам факт развития был далеко не очевиден».³⁶⁷

Ситуация кардинально изменилась с появлением первых цивилизаций. Появляются и широко распространяются представления о том, что общество со временем изменяется, что «должное» не совпадает с «сущим», что возможно более справедливое социальное устройство, и что его можно достичь, приложив для этого определённые сознательные усилия.³⁶⁸ В связи с этим автор приводит в пример отмену рабства в XIX веке как один из характерных примеров решающего воздействия субъективного фактора на выбор исторического пути. Освобождение рабов явилось следствием не экономической потребности, а победой либеральной идеологии. В глазах

³⁶⁴ Там же. С. 85.

³⁶⁵ Артёмов О.Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине (по австралийским данным). М., 1987.

³⁶⁶ Коротаев А.В. Указ. Соч. С. 92.

³⁶⁷ Там же. С. 94.

либералов рабство было несомненное зло, несмотря ни на какие соображения о его экономической эффективности и полезности.³⁶⁹ В качестве доказательства этих тезисов А. В. Коротаев приводит исторические аргументы в сослагательном наклонении: «В целом, если бы освобождение рабов в XIX в. явилось результатом прежде всего действия естественного объективного закона соответствия производственных отношений характеру и уровню развития материальных производительных сил, следовало бы ожидать того, что этот процесс протекал бы совсем в ином виде: рабство отмирало бы в одних отраслях, сохранялось бы в других (с высоким удельным весом тяжёлого, малоквалифицированного, унижительного и т.п. труда), и возможно даже захватывало некоторые вновь возникавшие сферы (типа конвейерного производства)». ³⁷⁰

Интересно, что А. В. Коротаев соглашается с тезисом о неприменимости «сослагательного наклонения» в историческом исследовании, но полагает, что оно необходимо в социологии. При этом не поясняется, чем по существу отличается социологический анализ исторических фактов от исторического исследования. Авторская оговорка о неприменимости «сослагательного наклонения» к истории в данном случае демонстрирует то, что среди профессиональных историков всегда, в большей или меньшей степени, явное использование аргументов в сослагательном наклонении всегда считалось «плохим тоном».

Одной из первых немарксистских работ в отечественной историографии, где была создана социологическая концепция объяснения альтернативности исторического развития стали три тома книги А. С. Ахиезера «Россия: критика исторического опыта», вышедшая в 1991 году и в переработанном виде в 1998 году. В соответствии с целями нашего исследования здесь не будут затронуты весьма неоднозначные и спорные общетеоретические, конкретно-исторические

³⁶⁸ Там же. С. 96.

³⁶⁹ Миф о неэффективности рабства, впрочем, благоприятствовал отмене рабства, но этот миф, в свою очередь был частью либеральной идеологии.

и идеологические подходы А. С. Ахиезера к толкованию российского прошлого. Нас будет интересовать только его оригинальный взгляд на альтернативность исторического развития.

А. С. Ахиезер определяет альтернативность истории как способность субъекта истории в процессе рефлексии формировать новые пути развития, новые возможности выбора, отличные от следования инерции истории. Истоки альтернативности истории коренятся в оппозиции «Партиципация – Отпадение» и «Инверсии – Медиации». По логике безальтернативности история рассматривается как уклонение от некоторого идеала, как отпадение от абсолютной заданности. Например, все этапы развития России после Ленина могут оцениваться как акты отпадения от его учения, понимаемого как абсолют.³⁷¹

Инверсия – это абсолютизация полярностей, выражающаяся в борьбе против «мирового зла», разоблачения «оборотней», бунтах, погромах, терроре, в общем – в эмоциональном отношении к миру.³⁷² Медиация – это внимание к взаимопроникновению полярностей, углубления их диалога, рефлексия, рациональное отношение к миру.³⁷³ Исток идеи Отпадения лежит в идее первобытного сознания отпадения от тотема. Отпадение обозначает любое инакомыслие, отпадение от какого-либо идола, идеала, организации (например, страх интеллигенции перед отпадением от народа или ритуал исключения из партии).³⁷⁴ Партиципация – это деятельная сопричастность к какому-либо сообществу или организации, необходимое условие комфортного состояния личности в традиционной цивилизации. Она включает отождествление личности с «тотемом», идеалом, элитой, вождём и т.д.³⁷⁵

³⁷⁰ Коротаев А.В. Указ. Соч. С. 98..

³⁷¹ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. II. Теория и методология. Словарь. Новосибирск, 1998. С. 73.

³⁷² Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. (социокультурный словарь) Том III. М., 1991. С. 116-120.

³⁷³ Там же. С. 186-187.

³⁷⁴ Там же. С.232.

³⁷⁵ Там же. С. 233-234.

Понятия инверсия, медиация, партиципация и отпадение вводимые А. С. Ахиезером в более общепринятых терминах можно интерпретировать как взаимодействие консерватизма и модернизации, авторитаризма и либерализма, коллективизма и индивидуализма.

А. С. Ахиезер разработал схему циклов Российской истории. Одному циклу соответствует смена 7 этапов господствующих нравственных идеалов (от раннего соборного через авторитарные к либеральному). Первый цикл от Киевской Руси до начала XX века, второй цикл – от революции 1917 года до перестройки.³⁷⁶ Так называемые инверсионные циклы, выделяемые автором, можно интерпретировать как действие проигравшей альтернативы в рамках победившей (например, любые контрреформы).

В контексте этой схемы, автор замечает, что проблема альтернатив в России до сих пор выступала прежде всего как возможность изменений, возникающая при смене этапов, связанных с циклами истории. Более глубокая альтернатива России лежит в сфере выбора между ценностями Традиционной и Либеральной суперцивилизаций, в сфере путей поиска выхода за рамки Промежуточной цивилизаций.³⁷⁷

В 1996 году в Екатеринбурге была защищена диссертация А. А. Родина по философии на тему «Основания вероятностного моделирования истории».³⁷⁸ Вероятностное моделирование автор понимает в широком смысле, относя к нему, в том числе, использование статистических методов. Проблему альтернативности исторического развития он рассматривает, сравнивая две интерпретации возможных миров: попперизм и актуализм. Согласно попперизму реальный мир (в нашем случае реализованная история) – один из возможных миров, т.е. множество возможных миров является исходным. Согласно актуализму исходным является реальный мир (состоявшаяся

³⁷⁶ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). Т. I. От прошлого к будущему. 2-е изд. Новосибирск, 1991. С. 799.

³⁷⁷ Ахиезер А.С. ...Новосибирск, 1998. С. 74.

³⁷⁸ Родин А.А. Основания вероятностного моделирования истории. Дисс. канд. филос. наук. 09.00.01. Екатеринбург, 1996.

история), а возможные миры, – его модификации. Двум типам осмысления «возможных миров» соответствует два вида моделирования исторических процессов: привычное историкам моделирование через типологию исторических объектов и вероятностное моделирование.³⁷⁹

Актуализм тяготеет к способу изучения истории, который основывается на переносе знаний об одном объекте на другой объект. Этот способ обычно называют сравнительно-историческим методом. В качестве примера подобного переноса автор рассматривает изучение русской общины (мира) при помощи перенесения на нее свойств немецкой марки. При таком подходе исследователь может воспользоваться уже сложившимся понятийным аппаратом в случаях совпадения признаков объекта и модели и лишь дополнить исходную модель специфическими свойствами изучаемого объекта. Происходит взаимообогащение: свойства модели структурируют данные об объекте, а отклоняющиеся свойства объекта позволяют судить о степени возможных вариации свойств и тем самым приблизиться к определению границ развития объекта и обогатить модель новыми понятиями и подструктурами.³⁸⁰

Подобный сравнительно-исторический анализ автор определяет как метасистемное моделирование, характерной чертой которого постулируется отношение к альтернативам развития. Альтернативы возникают в результате переноса знаний о вариативности внешних систем. Метасистемное моделирование остается актуалистским по своей сути, то есть степень допустимого, возможного в этих моделях не выходит за рамки реально существующих типов, хотя и внешних по отношению к объекту. А. А. Родин подчёркивает, что данный подход обедняет реальное богатство микроструктур в исследуемой исторической системе. Это богатство исчерпывается представлениями о макросистемных исторических типах.³⁸¹

³⁷⁹ Там же. С. 74.

³⁸⁰ Там же. С. 75-76.

³⁸¹ Там же. С. 88-89.

Новым подходом в исследовании А. А. Родина стало выведение связи проблемы альтернативности с периодизацией. Периодизация охватывает скорее инерцию движения, нежели нарушения и особенности движения. По мнению А. А. Родина, мы вправе допускать, что реализовавшийся вариант истории не является типичным, и что в нем может оказаться меньше качеств, характеризующих систему, чем у нереализованного варианта. Т.о., между периодизацией и систематизацией есть определенный методологический «зазор», который следует заполнить процедурой прогнозирования возможных состояний исторического объекта.³⁸²

В понимании автора, вероятностное моделирование исходит из презумпции того, что конечное состояние процесса не ставит диагноза начальному состоянию.³⁸³ При этом нелинейность истории, исключающую возможность однозначной трактовки будущего, не следует воспринимать как отрицание причинной связи между прошлым и будущим – просто эта связь имеет более сложную форму. Можно предположить, что если из данного прошлого состояния не следует данное будущее состояние, то единственным допустимым основанием остается такой тип связи, когда при наличии данного будущего состояния (настоящее или более поздняя форма прошлого по отношению к предыдущим) мы можем вывести данное прошлое состояние.³⁸⁴

Важно замечание А. А. Родина, что для вероятностной модели существенной является следующая черта: победившая альтернатива немислима без проигравших альтернатив и ее реализованные особенности определялись и формировались в борьбе с другими альтернативами.³⁸⁵ Этот замечание при внимательном рассмотрении позволяет совсем по иному, нежели принято понимать устоявшийся тезис-клише «изучать то, что могло бы быть, следует для того, чтобы понять, почему всё произошло именно так, а не иначе». Этот последний тезис может мотивировать уже не объяснения того,

³⁸² Там же. С. 83.

³⁸³ Там же. С. 105.

³⁸⁴ Там же. С. 110.

почему одни тенденции реализовались, а другие – нет. Этот тезис может также мотивировать поиск того, как на совершившейся истории отразились нереализовавшиеся тенденции, которые ей предшествовали.

А. А. Родин считает, что вероятностное моделирование следует использовать в управлении общественными процессами. Он полагает, что объектом вероятностного моделирования должны стать ситуации, когда ритмическая организация событий нарушается вследствие появления значимых промежуточных звеньев, организации нового цикла или ускорения/замедления прохождения стадий. Анализируя хронологию событий чеченского конфликта в 90-х гг. XX века автор замечает цикличность в повторении апелляций РФ к интересам оппозиции в Чечне. Именно эти моменты, по мнению А. А. Родина и являются промежуточными звеньями между периодами эскалации конфликта, когда можно существенно изменить развитие событий.³⁸⁶

1.7.5. Синергетические подходы.

Пожалуй, первой работой, где прозвучал призыв использовать концепции синергетики в историческом познании стала статья М.Ю.Лотмана «Клио на распутье», опубликованная в 1988г. в журнале «Наше наследие».³⁸⁷ Основные положения этой статьи легли в основу всех последующих работ М.Ю.Лотмана, связанных с проблемой альтернативности в истории.

В посмертно изданной статье «Изъявление Господне или азартная игра?» Ю. М. Лотман как методологическое основание в изучении альтернативности истории рассматривает синтез семиотики и синергетики.

Автор доказывает, что стремление izbавить мир от случайности или, по крайней мере, вывести ее за пределы науки пролегает вплоть до новейшего времени (вспомним утверждение Эйнштейна, что «Господь в кости не играет»). Отталкиваясь от того, что история представляет собой необратимый, а значит

³⁸⁵ Там же. С. 98.

³⁸⁶ Там же. С. 117.

³⁸⁷ Лотман М.Ю. Клио на распутье // Наше наследие. 1988. № См. также Лотман М.Ю. Клио на распутье // Новое время. 1993. №47.

неравновесный процесс, Ю. М. Лотман считает необходимым для понимания подобных процессов использовать идеи И. Пригожина, изучавшего динамические процессы на химическом, физическом и биологическом уровнях. Работы И. Пригожина имели революционный характер для научного мышления в целом: они вводят случайные явления в круг интересов науки и раскрывают их функциональное место в общей динамике мира. Динамические процессы в равновесных условиях совершаются по детерминированным кривым. Однако по мере удаления от энтропийных точек равновесия движение приближается к критическим точкам, в которых предсказуемое течение процессов нарушается. И. Пригожин называет их точками бифуркации – от латинского *bifurcus* – двузубый, раздвоенный, в знак того, что эта точка даст альтернативные разветвления кривой. Дальнейшее развитие осуществляется как реализация одной из нескольких равновесных альтернатив. В этот момент решающую роль может оказать случайность, под которой понимается отнюдь не беспричинность, а лишь явление из другого причинного ряда. В концепции И. Пригожина с понятием случайности связано физическое понятие флуктуации – отклонение физических величин от их нормальных значений.³⁸⁸ Он писал: «Мы считаем, что вблизи бифуркаций основную роль играют флуктуации и случайные элементы, тогда как в интервалах между бифуркациями доминируют детерминистические аспекты».³⁸⁹

Ю. М. Лотман считает, что идеи И. Пригожина весьма плодотворны и применительно к историческому движению. В точках бифуркации в социальных системах вступает в действие не только механизм случайности, но и механизм сознательного выбора. Понимание того, как представляет себе мир та человеческая единица, которой предстоит сделать выбор, относится к области исторической семиотики.

³⁸⁸ Ю. М. Лотман связывает термин «флуктуация» с латинским *fluctus* – бурление, буря, очевидно, чтобы сблизить его со своим понятием «взрыв». В Физическом энциклопедическом словаре этимология термина флуктуация связывается с другим латинским словом – *fluctuatio* – «колебание».

³⁸⁹ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986, С. 54

Согласно Ю. М. Лотману, в историческом процессе точки бифуркации оказываются моментами, когда напряжение противоречивых структурных полюсов достигает наивысшей степени, и вся система выходит из равновесия. В эти моменты поведение отдельных людей, как и масс, перестает быть автоматически предсказуемым, детерминация отступает на второй план. Эти узлы с пониженной предсказуемостью являются моментами революций или резких исторических сдвигов. Выбор такого пути, который действительно реализуется, зависит от комплекса случайных обстоятельств, но, еще в большей мере, от самого сознания участников событий. В такие моменты слово, речь, пропаганда обретают особенно важное значение. При этом, если до того, как выбор был сделан, существовала ситуация неопределенности, то после его осуществления складывается ситуация, для которой сделанный выбор был уже необходим, ситуация, которая для дальнейшего движения выступает как данность.³⁹⁰

Исторический смысл понятия флуктуация Ю. М. Лотман видит в том, что в момент, когда историческое, социальное, психологическое напряжение достигает той высокой точки накала, когда для человека резко сдвигается его картина мира, человек может изменить свои и чужие стереотипы, как бы перескочить на другую орбиту поведения, непредсказуемую для него в «нормальных» условиях. «Для историков, – пишет Ю. М. Лотман, – представляющих себе, что человек, как персонаж трагедии классицизма, всегда действует, сохраняя «единство характера», естественно было бы представить себе санюлота таким, каким его изобразил Ч. Диккенс в «Повести о двух городах». Тем большей неожиданностью было обнаружение, что и люди, штурмовавшие Бастилию, и участники сентябрьских убийств были в массе добропорядочные буржуа среднего достатка и отцы семейств».³⁹¹

³⁹⁰ Лотман Ю.М. Изъявление Господне или азартная игра // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 357.

³⁹¹ Там же. – С. 358.

Конечно, если мы рассмотрим в такой момент поведение толпы, то обнаружим определенную повторяемость в том, как многие единицы людей изменили свое поведение. Предсказуемое в средних числах для «толпы» оказывается непредсказуемым для отдельной личности.

Развитие исторического процесса между точками бифуркации, когда события детерминированы и предсказуемы, не означает отсутствие актов выбора из равновозможных вариантов. Исключить выбор означало бы исключить сознание из исторического процесса. Ю. М. Лотман в связи с такой постановкой проблемы приводит показательный пример, связанный с творческим мышлением. «Низкая вероятность появления «байроновского романтизма» без Байрона определяет ситуацию лишь до момента его возникновения. В сфере культуры, чем неожиданней тот или иной феномен, тем сильнее его влияние на культурную ситуацию после того, как он реализован. «Невероятный» текст становится реальностью, и последующее развитие исходит уже из него как из факта. Неожиданность стирается, оригинальность гения превращается в рутину подражателей, за Байроном следует байронисты, за Бремелем – щеголи всей Европы. При ретроспективном чтении снимается драматическая дискретность этого процесса, и Байрон предстает как «первый байронист», последователь своих подражателей или, как это обычно именуется в историко-культурных исследованиях, «предшественник»».³⁹²

Одной из первых работ, где концепции синергетики использовались в теоретическом осмыслении альтернативности исторического развития, стала статья Я. Г. Шемякина, в которой автор предпринял попытку осуществить синтез синергетики, диалектической логики Гегеля и марксистского обществоведения. В контексте синергетического подхода энтропию Я. Г. Шемякин отождествляет с разрушительной тенденцией в самом широком

³⁹² Там же. – С. 360.

смысле, а негаэнтропию – с созидательной.³⁹³ Неизмеримая сложность и неоднозначность социально-исторических явлений и процессов вынудили автора ввести такие внутренне противоречивые термины как «разрушающее созидание» или «дезорганизирующая организация»³⁹⁴, без которых в рамках противопоставления энтропии и порядка невозможно объяснить тоталитарные режимы. Невозможность наполнить понятие энтропии конкретно-историческим содержанием привело к тому, что Я. Г. Шемякин создал такое понятие-химеру как «мыслящая энтропия».³⁹⁵

Выделяемые автором как альтернативы развития так называемые «энтропийные» и «негаэнтропийные» общественные системы есть не что иное, как переименование прогрессивных и реакционных обществ из марксистской историографии. Дуализм энтропии и негаэнтропии отождествляется автором также с такими бинарными оппозициями как свобода/несвобода³⁹⁶, прогресс/регресс³⁹⁷, традиция/новация³⁹⁸, адаптация к среде/адаптирование среды³⁹⁹, производительные силы/производственные отношения⁴⁰⁰. Более того, автор пишет о том, что в качестве субъектов выбора между разрушительной и созидательной тенденциями выступают «энтропийные и негаэнтропийные социальные системы и человеческие индивидуальности... отмеченные либо «знаком Ормузда» («Ахурамазды»), либо «знаком Аримана» («Анхра-Майнью»)).⁴⁰¹ Остался только один шаг до того, чтобы отождествить энтропию и негаэнтропию со злом и добром, тьмой и светом, инь и ян, Антихристом и Христом, женским и мужским началами и т.д. Здесь мы наблюдаем в рассуждениях автора явную утрату рационально логических признаков научности, и приобретения ассоциативно символических черт мифологии.

³⁹³ Шемякин Я.г. теоретические проблемы исследования феномена альтернативности // *Анналы. Научно-публицистический альманах*. № 3. Донецк, 1992. С. 25.

³⁹⁴ Там же. С. 29-30.

³⁹⁵ Там же. С. 32.

³⁹⁶ Там же. С. 35-36.

³⁹⁷ Там же. С. 38.

³⁹⁸ Там же. С. 46.

³⁹⁹ Там же. С. 47.

⁴⁰⁰ Там же. С. 55.

Тем не менее, идеи, представленные в статье Я. Г. Шемякина очень интересны как неординарный интеллектуальный эксперимент.⁴⁰² В частности, если отвлечься от злоупотреблений термином «энтропия», очень важными и неоспоримыми предстают заключительные выводы статьи: «..чем больше будет расти созидательная тенденция, тем больше – при сохранении оптимума соотношения сторон противоречия – должна в количественном отношении расти и энтропия. В этом ракурсе разрушительные потенции, заключённые в постиндустриальном обществе... гораздо больше, чем, скажем в первобытных общинах или восточных деспотиях прошлого... Прогресс – это состояние постоянного колоссального напряжения на краю бездны. И чем «выше» сумел взобраться человек, тем страшнее может быть падение... такова неизбежная цена прогресса и свободы. Но единственной альтернативой «состоянию напряжения на краю бездны» является падение в эту бездну».⁴⁰³

Такой понимание смысла истории хочется назвать эсхатологическим оптимизмом. Действительно, борьба альтернатив в каждой судьбоносной исторической ситуации, неизменно демонстрирует, что любая альтернатива приведёт к каким-либо трагическим последствиям. Серьёзность потенциальных угроз выживанию общества нарастает с каждым новым историческим этапом. Но одновременно с этим растёт и потенциал средств и путей по преодолению возрастающих угроз. Историческое будущее мыслится уже не как неотвратимый конец и страшная гибель, а как непрерывный поиск альтернатив избегания страшного конца истории. Возможно именно в этой особенности исторического сознания человека, главное отличие современного эсхатологизма от традиционного эсхатологизма древности и средневековья. Осознание альтернативности исторического развития сыграло ключевую роль в этот «эсхатологическом» перевороте. Конечно, не стоит забывать, что такой

⁴⁰¹ Там же. С. 52.

⁴⁰² См. отзыв на статью Я. Г. Шемякина в работе: Прусаков Д. Б. Альтернативность истории и синергетика // Восток=Oriens. М., 1994. № 1. Рец. на кн.: Альтернативность истории / Манекин Р. В., Шемякин Я. Г., Коротаев А. В. и др. Донецк, 1992.

⁴⁰³ Там же. С. 71-72.

«переворот» почти не затронул традиционные общества экономической и культурной периферии.

Однако вернёмся к синергетическим подходам. Широкое использование нетривиальных представлений естественнонаучной синергетики привело к неминуемому – их искажению в гуманитарных дисциплинах. Надёжный способ прояснить ситуацию – обратиться к самим создателям современной термодинамики. В 1995 году был опубликован перевод на русский язык одной из статей Кеннета Денбига – члена Лондонского Королевского общества, одного из создателей неравновесной динамики, физика и философа-естественника с мировым именем. Он опровергает представление об энтропии как мере любого разрушения. Указывает на ошибочность противопоставления энтропии «упорядоченности», «организации» и «сложности». Ошибки связаны с тем, полагает он, что понятие энтропии имеет чёткое определение в физическом и математическом смысле, в то время как смысл понятий «упорядоченность», «дезорганизация» и «усложнение» очень широк и различен в разных контекстах: в политике, экономике, праве, эстетике и так далее. Даже учитывая различные контексты, К. Денбиг на многочисленных примерах показывает, что энтропия не обязательно связана с упорядоченностью и организацией.⁴⁰⁴

Применить синергетику к познанию альтернативности исторического развития попытался также философ и культуролог М. С. Каган. Его статья «Синергетика и культурология» отличается глубокой методологической рефлексией. В ней автор критикует недостатки методологических установок позитивистского редукционизма, которыми руководствуются при использовании естественнонаучных концепций. Господствующие в наши дни представления состоят в том, что общими законами определенного класса являются те, которые действуют в простейших модификациях этих систем. Поэтому, желая понять более сложное как носителя инвариантных для

сложного и простого качеств, приходится сводить сложное к простому, высшее к низшему. М. С. Каган утверждает, что при таком способе познания мы получим всего лишь знание того, что является основанием данной структуры, но не ею самой. «Многое ли мы поняли бы, например, – спрашивает М. С. Каган, – в устройстве автомобиля, если бы удовольствовались тем, что установили наличие у него, как и у телеги, четырех колес? Конечно, не зная этого, нельзя понять, как автомобиль движется, но и установив это его сходство с телегой, мы не узнаем, чем он отличается от своей предшественницы... ученые называют таки телегу «автомобилем», поскольку обнаруживают у нее те же четыре колеса, а затем заключают, что сущность автомобиля состоит в его «тележности»». ⁴⁰⁵

«Новой креативной или дестабилизирующей силой, порождающей неустойчивость системы» для общества М. С. Каган называет свободу. Хотя уже животное сталкивается в каждый момент своего существования с необходимостью выбора того или иного действия из спектра возможных, выбор этот является результатом ошибки инстинктов, а не свободного предпочтения (на этом и основана дрессировка животных). М. С. Каган не уточняет, каким образом «синергетическое исследование должно вводить свободу в систему своих координат как закономерное проявление усложнения способов самоорганизации». ⁴⁰⁶. Создаётся впечатление, что в своём исследовании автор не следует собственным положениям относительно опасности позитивистской редукции.

Обращаясь к анализу внутренних движущих сил истории культуры, автор утверждает, что синергетический взгляд в отличие от традиционного представления историков позволяет рассмотреть историю культуры как нелинейное движение, открывшее возможность испытания разных путей

⁴⁰⁴ Денбиг К. К вопросу об энтропии, беспорядке и дезорганизации // Знание-Сила. 1995. №9. С. 44-51.

⁴⁰⁵ Каган М.С. Синергетика и культурология // Синергетика и методики науки. СПб., 1998. С. 207-208.

⁴⁰⁶ Там же.

перехода из исходного первобытного состояния в более высокое по уровню организации.⁴⁰⁷

Древнейший пласт культуры человечества содержал три взаимосвязанных, но явственно различных «корня»: собирательство, охота и ремесло. Собирательство превращалось в примитивное земледелие, охота – в приручение животных и их разведение, совершенствование ремесла связано с овладением выплавкой металлов. Все это вело к распаду исходного синкретизма деятельности. Каждый из способов производящего хозяйства – скотоводство, земледелие и ремесло претендовал на роль системообразующей силы в условиях перехода от первобытности к цивилизации. В зависимости от факторов, выражавших влияние среды на развитие культуры, обособленные популяции людей пошли разными путями. М. С. Каган пишет, что в «бифуркационной ситуации» перехода от первобытности к цивилизации варианты развития не были равноценными, поскольку обладали разными динамическими «зарядами», разной потребностью и способностью к саморазвитию.⁴⁰⁸

Культура скотоводов и их кочевой образ жизни не заключали в себе эволюционных, творческих сил. Мифологическое сознание приобретало здесь устойчивость, увековечивалось, и если взламывалось, то только извне, под воздействием цивилизационных процессов у соседних народов. Земледельческая культура оказалась более жизнеспособной, но не содержала потребности в активном творческом самосовершенствовании. Городская цивилизация греко-римского мира пала в результате нашествия извне. Однако сила аттрактора (линии притяжения) – научно-технической цивилизации Нового времени – была такова, что, преодолевая все преграды, которые феодализм и церковь ставили на пути формирования средневекового, а затем ренессансного города, он проложил свободный путь к наиболее динамичному типу движения культуры. Здесь, признавая поливариантность развития для

⁴⁰⁷ Там же. – С. 211-212.

всего человечества, М. С. Каган фактически неявно подразумевает её отсутствие для европейской цивилизации.

Ситуация с поливариантным развитием культуры повторилась при переходе разных стран к капитализму. Первый путь проложило западноевропейское Возрождение, второй – реформы Петра I в России, третий – Япония в конце XIX – XX вв. Ряд стран Востока и поныне пытается удержаться на добуржуазной стадии своей истории. Выход из этого состояния, утверждает М. С. Каган, неизбежен. Вместе с тем, отмечает автор, формы этого перехода будут, как и прежде, многообразными. Здесь автор вновь ограничивает сферу альтернативности только конкретно историческими вариациями в рамках непреложного линейного социологического закона. Такая постановка проблемы показывает, что, несмотря на терминологию синергетики, практически рассуждения остаются в рамках марксистско-позитивистской парадигмы.

М. С. Каган подводит следующий итог своим рассуждениям: «свобода выбора, которой мы обладаем, позволяет не отдаваться покорно императивам необходимости и не полагаться на всемогущие игры случая, но напряженно и ответственно искать тот наиболее продуктивный путь, который определяется перспективой повышения уровня самоорганизации человеческого бытия».⁴⁰⁹ Данный заключительный вывод М. С. Кагана – это явная попытка увидеть у истории цель (на этот раз синергетическую). Несмотря на уже приводившуюся критику таких попыток, постановка проблемы, сделанная М. С. Каганом, заставляет задуматься над правомерностью этой критики. Если история не мыслима без сознания, а сознание – без целеполагания, то мыслима ли история без цели? Конечно, ответ на этот вопрос зависит от того, что будет каждый раз вкладываться в перечисленные категории. Все же представляется, что пока рано давать однозначный ответ на вопрос применимости к истории категории цели.

⁴⁰⁹ Там же. – С. 214.

В методологическом плане можно отметить, что исторические примеры, которые приводит М. С. Каган, поясняют скорее использование идеи альтернативности с позиций компаративистики, то есть в сравнительно-историческом анализе, и почти не связаны с ролью выбора и свободы воли. Непонятно, например, кто являлся субъектом выбора при переходе к производящему хозяйству. Особенности этого перехода в различных регионах зависели от независящих от воли человека экологических условий, сам переход длился десятки столетий и протекал часто независимыми путями в разных племенах.

Вообще, что касается использования синергетики, то при наложении концепций смежных естественно-математических наук на историческое познание, прослеживается тривиальный механический перенос терминологии из одной области в другую. Если мы назовем альтернативную ситуацию бифуркацией, случайность – флуктуацией, нестабильность общества – увеличением энтропии, стихийность во взаимодействии социальных групп – хаосом, прогресс – негаэнтропией, выход из кризиса – самоорганизацией системы, мы не станем вследствие этого лучше понимать и объяснять историческое прошлое. Нетрудно заметить, что М. С. Каган не менее полно мог изложить свой взгляд на развитие общества и без упоминания «бифуркаций». То же самое можно сказать и о статье Ю. М. Лотмана «Изъявление Господне или азартная игра». Свою концепцию «взрыва» в развитии культуры Ю. М. Лотман успешно раскрывает и без привлечения термина «флуктуация» в своей книге «Культура и взрыв». Здесь мы сталкиваемся с тем, что игнорируется принцип экономии для абстрактно-теоретических конструкций, названный «Бритвой Оккама»: не следует создавать новые понятия, избыточные по отношению к уже существующим понятиям; или в ином аспекте: при конструировании интерпретации предпочтительно использовать минимальное количество независимых постулатов.

⁴⁰⁹ Там же. – С. 217.

В связи с подобным некорректным использованием концепций синергетики, следует привести предупреждения одного из создателей теории информации К. Шеннона, которые он изложил в своей статье «Бандвагон» ещё в 1956 году. Это будет уместным, поскольку кибернетика, теория систем и синергетика имеют одни и те же концептуальные основания.

Слово «bandwagon» состоит из двух частей: «band» (оркестр, джаз) и «wagon» (повозка, карета) и связано с существовавшим обычаем, по которому победивший на выборах кандидат проезжал по городу в открытой машине с джазом. К. Шеннон писал: «За последние несколько лет теория информации превратилась в своего рода бандвагон от науки. <...> В результате моды значение теории информации было, возможно, преувеличено и раздуто до пределов, превышающих её реальные достижения <...> Очень редко удаётся открыть одновременно несколько тайн природы одним и тем же ключом <...> в сложившуюся ситуацию необходимо внести ноту умеренности <...> основу теории информации составляет одна из ветвей математики, то есть строго дедуктивная система. Поэтому глубокое понимание математической стороны теории информации и её практических приложений является обязательным условием использования теории информации в других областях науки...Поиск путей применения теории информации в других областях не сводится к тривиальному переносу терминов из одной области в другую. Этот поиск должен осуществляться в длительном процессе выдвижения новых гипотез и их экспериментальной проверки».⁴¹⁰

Предупреждения К. Шеннона особенно актуальны для современной науки, когда «флуктуации» и «бифуркации» у всех на устах, особенно у представителей социальных наук в связи с альтернативностью развития. Мода на синергетику в интеллектуальном сообществе может привести к тому, что её потенции для гуманитарных наук останутся нереализованными и «заболтанными», утонут в море некомпетентности. Так же как это произошло в

⁴¹⁰ Шеннон К. Статьи по теории информации и кибернетике. М., 1963. С. 667-668.

своё время у гуманитариев с надеждами на кибернетику. Заметим при этом, что неотрефлексированное в методологическом отношении нагромождение математических формул в гуманитарном исследовании – это, по сути, тоже форма «забалтывания».

М. А. Чешков пишет по поводу использования синергетики в гуманитарных науках: «Иногда теория хаоса оценивается лишь (!) в плане новизны языка, с помощью которого описываются в общем-то уже известные феномены. Даже если эта оценка верна, то само по себе признание наличия особого языка есть и признание вклада этой теории в познание сложной и многообразной реальности ... Хаосология выступает в роли не столько меж-, сколько наддисциплинарного языка».⁴¹¹ В связи с мнением М. А. Чешкова отметим, что, перенос терминов из одной исследовательской области в другую сам по себе не несёт вреда развитию той или иной дисциплины, если, конечно, термины ясно и чётко артикулируются в новой для себя среде и не увеличивают неопределённости в и без того весьма уязвимом в этом отношении языке гуманитарных наук.

Разумеется, проведённая здесь критика вовсе не подразумевает полного отсутствия продуктивности в использовании концепций синергетики в историческом познании на современном этапе развития междисциплинарных подходов. Плодотворность таких подходов заключается, в перенесении историописания из естественной для него дискурсивной среды в иную среду, что позволяет снять автоматизм восприятия изучаемых фактов, дистанцироваться от предмета исследования, усилить эвристичность, по новому увидев привычные явления.

⁴¹¹ Чешков М. А. Синергетика: за и против хаоса (заметки о науке эпохи глобальной смуты) // Общественные науки и современность. 1999. № 6. С. 138.

1.7.6. Математические подходы.

Французский методолог Даниель Мило в своей статье «За экспериментальную или весёлую историю» писал по поводу количественной истории, что это, прежде всего, экспериментальная история. Он напоминал, что результативность эксперимента требует чёткого установления правил игры, а игра подразумевает не только «выигрыш», но и «проигрыш». Этим экспериментальная история отличается от реконструктивной, при написании которой историк более или менее обречён на удачу, ибо из всякого похода в прошлое он неизбежно возвращается к восстановленным фрагментам. Экспериментальная история не даёт таких гарантий.⁴¹² Эта привычная «обречённость на удачу» иногда мешает клиометристам осознать или признать, что полученные ими числовые зависимости некорректны или не соответствуют цели исследования.

Поясню этот тезис на примере конкретного эмпирического исследования С. Ф. Гребениченко «Технология обнаружения ситуаций альтернативности в процессах исторической эволюции».⁴¹³ С. Ф. Гребениченко использует лексический контент-анализ нормативных актов регулирующих промышленную сферу в Советской России 1920-х годов. В самом начале данного эксперимента были произведены недопустимые преобразования над данными: факторный анализ, основанный на вычислении корреляций и предназначенный только количественных значений шкал в матрице данных, применён к номинальным значениям, показывающим не величину свойства у изучаемого объекта, а лишь наличие или отсутствие свойства (в рассматриваемом случае объект – это документ или его часть, свойство – наличие слова или словосочетания). Автор обнаруживает 42 ситуации альтернативности в эволюции властного регулирования аграрно-промышленной сферы в 1920-е годы. Увеличение ширины спектра выбора из альтернатив управления ставится в зависимость от

⁴¹² Мило Д. За экспериментальную или весёлую историю // THESIS. 1994. №5. С. 191.

уменьшения жёсткости принадлежности документа к одному из кластеров, вычисленных по факторным нагрузкам для каждого документа и отождествлённых автором с тенденциями властного макрорегулирования.

Впрочем, указанных методических просчётов можно было легко избежать. Для этого можно было использовать методы перевода спектра дискретных значений в непрерывные значения (так называемое дуальное шкалирование)⁴¹⁴ или по иному сформировать исходную матрицу данных (например, указывать отношение количества слов в словосочетаниях на определённую тему к общему количеству слов в документе).

Альтернативные ситуации связывались автором с датой издания документа, а не с периодом его функционирования в качестве правовой нормы. В связи с этим главным явился методологический просчёт, который привёл к тому, что предмет исследования не соответствовал его цели. Дело в том, что не были учтены сами акты выбора, которые и составляют суть нормотворчества. С. Ф. Гребениченко отрицает значимость роли субъективных факторов в альтернативных исторических ситуациях, и утверждает, что предлагаемые им методы способны выявить объективные факторы формирования альтернативных ситуаций. Он пишет: «...субъекты любого социального процесса взаимодействуют и, стало быть, противостоят друг другу в той или иной форме, с той или иной интенсивностью – постоянно. Действительно, они могут снять альтернативную ситуацию, сделав определённый выбор, но являться её первопричиной, они попросту не могут».⁴¹⁵ Отрицание субъективного фактора альтернативности развития нам представляется ошибочным. Поэтому более релевантным для выявления альтернатив властного регулирования было бы изучение протоколов законодательных собраний, если бы они сохранились, так как принятый и выпущенный

⁴¹³ Гребениченко С. Ф. Технология обнаружения ситуаций альтернативности в процессах исторической эволюции. М., 1995.

⁴¹⁴ Айвазян С. А., Енюков И. С. Мешалкин Л. Д. Прикладная статистика: исследование зависимостей. М., 1985. С. 131-141.

⁴¹⁵ С. Ф. Гребениченко. Указ. соч. С. 37.

документ – это уже осуществлённый выбор. Если исходить из свойств обработанных С. Ф. Гребениченко данных, то размытость принадлежности документа к тому или иному кластеру означало всего лишь разнообразие тем, которым посвящён документ. Допустимо ли отождествлять это разнообразие с альтернативностью выбора – вопрос, по меньшей мере, очень спорный. Хотя допустимо рассматривать принятые документы как объективную основу для последующего выбора способов властного регулирования.

Существуют подходы к математическому моделированию альтернативных ситуаций, которые не всегда позволяют заполнить переменные в формулах точными числовыми значениями конкретно-исторического содержания. Речь идёт об изучении альтернатив в развитии политических систем, основанном на модификациях уравнений немецкого учёного Вольфганга Вайдлиха (Weidlich). Основная идея этих уравнений – сравнение соотношений так называемых активных и пассивных переменных. Активной переменной может выступать, например, государственная власть, а пассивной – народ.⁴¹⁶ В этих уравнениях предполагается использование таких макро-переменных, которые не могут быть заполнены числовым описанием конкретно-исторической ситуации. Как однозначно подсчитать, к примеру, степень подавления общественного мнения? Поэтому данные уравнения часто используются не для вычислений, а в качестве метафор политических процессов. Однако такая метафоризация не нуждается в алгебре, для неё достаточно логики и литературного языка. В российской исторической науке идеи В. Вайдлиха также использовали

⁴¹⁶ См. Левандовский М. И. Модели синергетики в исследованиях по социальной истории России конца XIX – начала XX вв.: Дисс. канд. ист. наук: 07.00.09. М., 1999. С. 69.

несколько авторов.⁴¹⁷ На русский язык работы В. Вайдлиха, посвящённые социальному моделированию были впервые переведены в 2004г.⁴¹⁸

Новым направлением стало использование историками теории динамического хаоса. Согласно этой теории, понятие хаоса характеризует структуру систем, где элементы динамичны, но их поведение ни в малейшей степени не согласуется друг с другом.⁴¹⁹

Л. И. Бородкин утверждает, что для историка изучение хаотической компоненты в исследуемом динамическом ряду может иметь принципиальное значение – в этом случае можно говорить о внутренней неустойчивости процесса, когда небольшие воздействия или случайные флуктуации способны привести к резкому изменению характера изучаемого процесса.⁴²⁰ Согласно открытиям, которые сделал в сер. 1960-х годов киевский математик Шарковский, хаос выступает как сверхсложная упорядоченность.⁴²¹

Ещё одна ответвление синергетики – теория хаоса – также привлекается к изучению альтернативности в истории. Польский историк Е. Топольский критиковал с дискурсивных позиций перенос терминов из теории хаоса в историческую науку, как не дающее ничего нового для понимания исторического прошлого.⁴²² Критику использования языка теории хаоса в историческом исследовании. В отечественной науке исторические

⁴¹⁷ Бородкин Л. И., Волков А. Д., Короткевич А. О., Плуготаренко С. А., Прокофьев А. О., Сенченко С. Л. Моделирование динамики взаимодействия в системе «народ-правительство»: модификация модели Вайдлиха // Математическое моделирование исторических процессов. М., 1996; Короткевич А. О., Плуготаренко С. А. К моделированию динамики политического взаимодействия с учётом информационного фактора: расширение модели Вайдлиха // Круг идей: макро- и микроподходы в исторической информатике. Минск, 1998; Плуготаренко С. А. Алгоритмы изменения, идентификации и изменения состояния и динамики развития политической системы в модифицированной модели Вайдлиха // Тезисы VI конференции Ассоциации «История и компьютер». М., 1998.

⁴¹⁸ Вайдлих В. Социодинамика: системный подход к математическому моделированию в социальных науках: Пер. с англ. / Под ред. Ю. С. Попкова, А. Е. Семечкина. М.: Едиториал УРСС, 2004. — 480 с.

⁴¹⁹ Сачков Ю. В. Вероятностная революция в науке (Вероятность, случайность, независимость, иерархия) М., 1999. С. 25-26.

⁴²⁰ Бородкин Л. И. История, альтернативность и теория хаоса. Материалы "Круглого стола" «История в сослагательном наклонении?» // Одиссей. Человек в истории. 2000. М., 2000. С. 24.

⁴²¹ Левкович-Маслюк Л. На кромке хаоса и хаоса // Компьютерра. 1998. №47.

⁴²² Топольский Е. Дискуссии о применении теории хаоса к истории // Исторические записки. 2 (120). М., 1999.

исследования с использованием теории хаоса проводила группа учёных под руководством Л. И. Бородкина. Анализируя критику Е. Топольского, Л. И. Бородкин противопоставляет его аргументам прикладной аспект теории хаоса, алгоритмы выявления наличия хаотических режимов в эмпирических рядах.⁴²³

Группа учёных А. Ю. Андреев, Л. И. Бородкин, М. И. Левандовский провела исследование динамики стачечного движения в России 1895-1913 гг. В динамический ряд включались помесечные данные о количестве стачек в России. Для этого ряда вычислялся так называемый показатель Ляпунова: если он принимает положительное значение, значит, система вошла в состояние хаоса. В частности было обнаружено, что система вошла в состояние хаоса ещё до событий «кровавого воскресенья» 1905 года.⁴²⁴

Показатель Ляпунова – характеризует горизонт предсказуемости – время, на которое можно дать прогноз поведения системы. «Горизонт предсказуемости» даёт временной масштаб, определяющий, на каких временах будут сказываться изменения начальных данных на определённой величине. Он показывает, насколько быстро будут «забыты» системой последствия воздействий на состояние системы на величину ε .⁴²⁵ Вряд ли любая модель, применимая для физических процессов, применима и для социальных. Любой числовой ряд можно подвергнуть преобразованиям с помощью бесконечного количества математических моделей, поэтому каждый раз нужны особые аргументы, что используемая модель может иметь отношение не только к числовому ряду, но и к реальным процессам, которые описывает данный числовой ряд. Если таких аргументов не приведено, то результаты исследования представляются весьма сомнительными.

⁴²³ Бородкин Л. И. История и хаос: модели синергетики в дискуссиях историков // Историческое знание и интеллектуальная культура. Ч. 1. Материалы научной конференции. Москва, 4-6 декабря 2001г. М., 2001. С. 28.

⁴²⁴ Andreev A., Borodkin L., Levandovski M. Using Methods of Non-linear Dynamics in Historical Social Research: Application of the Analysis of the Worker's Movement in Pre-Revolutionary Russia // Historical Social Research, 1997. Vol. 22. №3/4.

Впрочем, по поводу адекватности математических моделей в историческом исследовании имеется иное, весьма авторитетное мнение академика Н. Н. Моисеева. Он писал: «Очень часто специалисты-гуманитарии говорят об адекватности математического аппарата реальному явлению. Такая трактовка приводит к недоразумениям. Можно говорить лишь об адекватности модели, и если мы уверены, что она часто правильно описывает основные зависимости, то исследование само «навязывает» определённые требования к математическому аппарату. Математическая модель – своеобразный способ кодирования информации. Если модель построена правильно, т. е. Она адекватна реальности, другими словами, достаточно точно отражает изучаемый фрагмент реальности, то модель содержит с той или иной степенью точности все сведения об изучаемом процессе. Раскодирование модели, т. е. её изучение средствами математики, это уже проблема чисто математического характера».⁴²⁶ Даже если допустить, что данные методологические положения верны для всех случаев, в том числе и для использования показателя Ляпунова в исследовании стачечного движения, то, следует отметить, что невозможно проверить действительно ли описываемые исторические процессы поддаются воздействию флуктуаций, а значит и нельзя доказать, что модель содержит сведения об изучаемом процессе (в данном случае о стачках в России). Более того, возникает вопрос: если не указывать конкретно-событийное содержание флуктуаций, то стоит ли вообще говорить о том, могут повлиять флуктуации, или нет?

У тех, кто сталкивается с прикладным использованием математики, иногда возникает иллюзия, что любые преобразования над числами обязательно будут иметь интерпретируемый в контексте предмета исследования смысл. Между тем, этот смысл вполне может отсутствовать.

⁴²⁵ Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. 2-е изд. М., 2001. С. 87.

⁴²⁶ Моисеев Н. Н. Предисловие к книге: Гусейнова А. С., Павловский Ю. Н., Устинов В. А. Опыт имитационного моделирования исторического процесса. М., 1984. С. 18.

1.7.7. Идея альтернативности исторического развития в контексте феномена «фольк-истори»

В 90-х годах идея альтернативности широко распространяется в сфере популяризации истории. Здесь даже наблюдается некоторое злоупотребление этой идеей. Это связано, в частности, с появлением феномена так называемой «фольк-истори». Представители «фольк-истори» – это псевдоисторики, навязывающие реконструкции исторической действительности, не имеющие ни малейшего научного обоснования.⁴²⁷ Фольк-истори имеет коммерческую направленность, связанную с массовостью и эффективностью товара. По мнению Д. М. Володихина, классический, центральный жанр фольк-истори вырос из экспансии представителей «точных» наук в гуманитарную сферу – исторические знания формируются для социума специалистами из совершенно других научных областей.⁴²⁸ Представители фольк-истори не осознают или не хотят признавать, что как для математического исследования необходимо знать хотя бы элементарные теоремы, так и для исторического исследования необходимо полноценное владение историографией.

Едва ли стоит обстоятельно рассматривать «исследования» подобного рода, но игнорировать их всё же не стоит, так как они отражают масштабные трансформации исторического сознания, в немалой степени связанные и с таким его феноменом, как альтернативность истории. Противостояние научного сообщества представителям сообщества фольк-истори начинается с 1998 года, когда появляется значительно количество критических статей. Стоит всё же отметить, что феномен фольк-истори так или иначе отражает в искаженном виде основные тенденции в современном развитии исторической науки и в принципе способен эвристически повлиять на методологическую рефлексию профессиональных историков.

⁴²⁷ Володихин Д. М. Новая хронология как авангард фольк-истори // Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 50-51.

⁴²⁸ Там же.

Один из активных представителей фольк-истории, затрагивающий проблему альтернативности исторического развития, – физик Г. Г. Малинецкий. Свой взгляд на использование синергетики в историческом познании он изложил в двух статьях⁴²⁹, которые затем вошли в книгу «Синергетика и прогнозы будущего».⁴³⁰

Признаком принадлежности Г. Г. Малинецкого к «цеху» фольк-истории служит уважительная ссылка на «глубокие исследования по глобальной хронологии, которые ведутся научной школой А. Т. Фоменко».⁴³¹ Этот признак хоть и внешний, но надёжный, так как А. Т. Фоменко, как известно, является «патриархом» фольк-истории.

Одной из основных идей Г. Г. Малинецкого является использование так называемых бифуркационных диаграмм. По горизонтальной оси диаграммы – время, по вертикальной – какой-либо социально-экономический параметр. График представляет собой ветвящиеся линии. Точки ответвления обозначают исторические бифуркации («вызовы» истории или альтернативные ситуации) – состояния системы, в котором величина параметра по вертикальной оси может привести к непредсказуемому изменению поведения системы. Ответвления обозначают альтернативные пути развития. Бифуркационные диаграммы не заполняются автором каким-либо конкретно-историческим содержанием. Не представлены также и методы построения графиков. График выступает только как метафорическая визуализация путей развития. Математикообразный антураж может создать ощущение наличия точной методики, отсутствующей в действительности.

Так, например, автор представляет «бифуркационную интерпретацию определённого периода греческой истории»⁴³². Точнее будет назвать этот

⁴²⁹ Малинецкий Г. Г. Нелинейная динамика – ключ к теоретической истории? // Общественные науки и современность. 1996. №4; Малинецкий Г. Г. Нелинейная динамика и историческая механика // общественные науки и современность. 1997. №2.

⁴³⁰ Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. 2-е изд. М., 2001. [1-е изд. 1997]

⁴³¹ Там же. С. 94.

⁴³² Там же. С. 69.

период неопределённым, так как параметр времени обозначен не датами, а символом λ . Можно только догадываться, что это за период «ухудшения снабжения продовольствием» или «период безопасной колонизации заморских земель». Зависимый параметр по вертикальной оси – доход на душу населения. Вертикальная ось также не имеет числового заполнения, а только символическое. И трудно даже догадаться, что это за величины A_1 и A_2 дохода на душу населения, при которых возникают точки бифуркации.

Недостатки бифуркационных диаграмм в полной мере относятся и к предложению Г. Г. Малинецкого использовать в исторической науке так называемые аттракторы – фигуры, показывающие в геометрическом пространстве притяжения и расхождения траекторий поведения простейших механических, физических и химических систем, чувствительных к начальным данным.

Использование моделей несостоявшейся альтернативной истории автор обосновывает тем, что, если для решения некоторых математических уравнений используется вымышленный параметр, то создание «виртуальных миров» окажется полезной и при решении некоторых исторических проблем.⁴³³

Непредсказуемость и случайность Г. Г. Малинецкий обозначает термином из карточной игры – «джокер». Создаёт типологию этих «джокеров» иллюстрируя их исторически и математически не конкретизируемыми примерами типа «южные соседи некоего князя» или «с вероятностью p_1 принимается решение о военном походе».⁴³⁴

Впрочем, Г. Г. Малинецкий, в отличие от «Фоменко и К°» не берётся за псевдофальсификацию академической исторической науки. Поэтому у него встречаются вполне корректные и перспективные суждения. Так, например, интересной и продуктивной представляется мысль автора о том, что создание стратегических компьютерных игр типа «Цивилизация», позволяет по-новому

⁴³³ Там же. С. 81.

⁴³⁴ Там же. С. 108-109.

осмысливать исторические закономерности по принципу: «понимаю, следовательно, могу сформулировать в виде алгоритма».⁴³⁵

Ещё один физик, касавшийся проблеме альтернативности – С. Б. Переслегин. Хотя С. Б. Переслегин физик по образованию, он также ещё специалист по научной фантастике и критик военно-исторической литературы в жанре альтернативистики. Как литературный критик и специалист по военной истории С. Б. Переслегин выступает в качестве профессионала, но когда он пытается внедрить методы и теории физики в историю – он уже представитель фольк-хистори. В его работах можно встретить, например, такие суждения: «Принцип Гейзенберга – базовый принцип построения нашей вселенной – гласит, что частицы, из которых состоит Вселенная, принципиально непредсказуемы. А поскольку в физических уравнениях у значка, обозначающего время (t), можно чисто математически поменять знак плюс на минус, это значит, что принципиально не предсказуемо не только будущее, но и прошлое... Получается, что любое событие в прошлом, например Вторая мировая война, может быть происходило, а может быть, и нет. Как должен поступить в этой ситуации честный историк-исследователь? Очень просто – заменить привычную концепцию единственной истории и однозначного прошлого моделью, в которой рассматривается совокупность альтернативных историй, а затем перейти к совместному описанию всех таких историй. И не надо бояться, что в каких-то из них не было монголо-татарского ига, а в других день 25 октября 1917 года будет значится днем начала атомной войны».⁴³⁶

В приведённом отрывке очень показательно проявились главные пороки безответственного внедрения естественно-математических концепций в социальные науки: буквальный перенос формально-математических конвенциональных правил на действительность, отождествление физических

⁴³⁵ Там же. С. 91.

закономерностей и социальных, отказ от каких бы то ни было доказательств. Почему, собственно, поведение частиц и поведение людей должно описываться одинаковыми формулами? Аксиоматика моделей должна отражать свойства моделируемых явлений, а не наоборот! Именно непонимание или забвение этого правила не позволяет иногда удержаться на тонкой грани между научным поиском и псевдонаучным мифотворчеством людям, увлечённым приданием истории наукоёмкости по образцу естественных наук.

⁴³⁶ Переслегин С. Б. Мы попали не в ту историю. Огонек. № 27. 1999; См. также: Переслегин С. Б. Альтернативная история как истинная система. Приложение 2. к книге: Макси К. Вторжение, которого не было. М., СПб., 2001. С. 508-527.

1.8. Современная историографическая ситуация по проблеме альтернативности исторического развития в российской исторической науке.

Количество и содержание авторских публикаций по определённой теме в исторической науке зависит от взаимодействия трёх факторов: 1. Историографическая ситуация – все предшествующие работы по данной теме; 2. Методологическая ситуация – актуальные общетеоретические приоритеты текущего состояния науки; 3. Общественная ситуация – актуальные проблемы текущей социально-экономической, культурной и политической ситуации, связанные с данной темой. Чтобы выявить динамику интенсивности влияния первого фактора, был построен график, показывающий изменение количества отечественных авторских публикаций по теме альтернативности в 1960-е – 2000-е годы (Рисунок 1.).

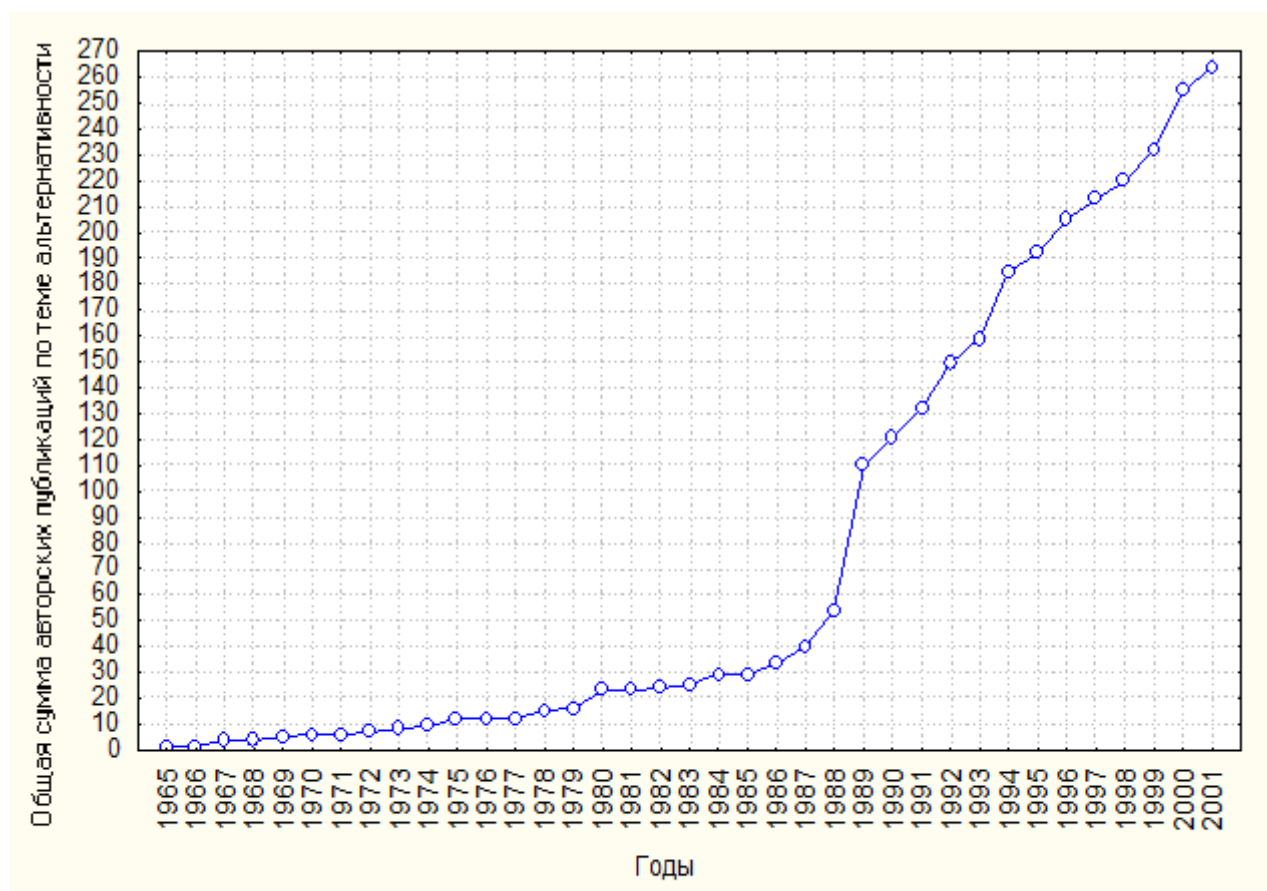

Рисунок 1.

Конкретной целью визуализации роста публикаций было установление периодов всплесков, падений и стабилизации актуальности и популярности темы альтернативности исторического развития. Если бы было показано только количество публикаций для каждого года, то небольшие колебания частоты не несли бы интересующей нас информации. Ведь то, что вышло из печати в одном году, могло писаться в предыдущие годы, а быть прочитанным только в последующие годы. Поэтому на графике показано изменение общей суммы публикаций по теме альтернативности для каждого года. Общая сумма означает сложение количества всех публикаций за предыдущие годы и всех публикаций за текущий год. Разность между значениями двух рядом стоящих годов отражает количество публикаций за год (прирост общей суммы).

Для построения динамического ряда пришлось ограничить выборку из всего историографического комплекса по нашей теме чёткими и однозначными рамками. Учитывались публикации только отечественных авторов, только в отечественных научных, научно-публицистических или научно-популярных изданиях. В случае «круглых столов» учитывалось количество участников. Не учитывались: электронные интернет-публикации; школьные учебники; мемуары исторических деятелей; работы авторов русского происхождения, но зарубежного гражданства; работы отечественных авторов в зарубежных изданиях; публикация статей одного и того же автора, если содержание статей идентично (независимо от изменения названия статьи) и не произведено существенных изменений и дополнений; отдельные главы коллективных монографий, если авторы этих глав не указаны специально (если указаны, то глава считалась отдельной авторской публикацией).

Такое ограничение выборки понадобилось для полноты охвата, потому что, если учтённый процент определённого комплекса публикаций не будет близок к 100 % данного комплекса, то график не будет отвечать нашим целям, так как может абсолютно неадекватно отразить динамику. Конечно, ещё более

адекватным был бы учёт количества печатных страниц по теме, но эта задача из-за её трудоёмкости была сочтена нами нецелесообразной.

На графике видно, что с середины 80-х годов наблюдается медленный рост количества авторских публикаций, по сравнению с предыдущими годами, когда в год выходило 1-3 публикаций по теме альтернативности, а то и вовсе ничего. Пиковый всплеск приходится на 1989 год, когда вышло около 40 публикаций. Затем, наблюдается стабилизация, прироста общей суммы – каждый год выходит от 10 до 25 авторских публикаций по теме альтернативности. Всего, начиная с 1965 года, к 2001 году общая сумма составляет около 260 авторских публикаций (см. Список использованных источников).

Конечно, эти работы не равнозначны по своему содержанию. В одних случаях понятие «альтернативности» служит всего лишь «сменой вывески» для тех же самых текстов, которые предприимчивые авторы могут оформить под любым названием и связать с любой проблематикой. Подобных работ в прилагаемом к диссертации библиографическом списке незначительный процент. Приблизительно четвертую часть составляют работы полностью посвящённые теоретическим аспектам проблемы альтернативности. В остальных работах тема альтернативности исторического развития не является основной, либо является целью эмпирического конкретно-исторического исследования, но теоретически никак не разрабатывается.

В настоящее время большая часть сообщества историков признала феномен альтернативности, но разделилась на разные иногда дополняющие друг друга, иногда противостоящие направления, в рамках которых по-разному понимаются теоретические и методические аспекты изучения феномена альтернативности. Наблюдается также рост интереса к теоретическим аспектам проблемы альтернативности в истории со стороны специалистов в смежных с историей областях (философии, социологии, культурологии и т.д.), и некоторое

угасание этого интереса со стороны профессиональных историков. В 90-е годы, по сравнению с советским периодом, увеличилось, количество эмпирических исследований связанных с проблемой альтернативности. В то же время, многие исследователи либо вообще равнодушны к проблеме альтернативности в истории, либо считают её постановку ошибочной и непродуктивной.

Пик популярности темы, приходившийся на конец 1980-х прошёл, тема альтернативности в какой-то степени стала тривиальной. Так, в конце 1990-х годов некоторые авторы могут уже почти пренебрежительно отмечать «...несостоятельность очень популярного лет десять назад «альтернативного» подхода к истории, который выражает социальные, политические, моральные и т. п. взгляды использующих его авторов, но бесплоден в качестве инструмента познания... когда существеннейшие исторические явления оцениваются в свете каких либо «альтернатив»... сопоставляются, сравниваются не сами явления истории, а сугубо «оценочные» (отрицательные или положительные), пристрастные представления о них «альтернативно» мыслящего автора».⁴³⁷

Приведённое мнение очень спорно и неправомерно. Многие работы отечественных историков, рассмотренные в данном диссертационном исследовании, доказывают научную продуктивность идеи альтернативности исторического развития. Не убывающее количество работ, связанных с проблематикой альтернативности, показывает, что она прочно вошла в дискурс и практику исторической науки.

В то же время, в области теории и методологии проблемы к концу 90-х годов принципиально новых разработок, особенно со стороны историков (а не философов) уже не наблюдается. Между тем, учитывая сложность и важность проблемы, её методологическая разработка далеко не исчерпана. Более того, наблюдается некоторая «пробуксовка» в методологическом изучении проблематики альтернативности. Нет творческого развития уже разработанных концепций. Нет попыток идти по пути синтеза и согласования различных

⁴³⁷ Кожин В. Уточнение позиции // Новый мир. 1999. №10. С. 232.

подходов, а, значит, нет и осознания единства проблематики. Нет попыток увидеть принципиально новые ракурсы и аспекты проблемы альтернативности. Не разрабатывается междисциплинарный методический инструментарий изучения альтернативных исторических ситуаций, адаптированный к специфике исторического познания. Этот список незаполненных ниш можно расширять и далее. Вторая глава монографии является опытом систематизированного восполнения пробелов в изучении некоторых наиболее важных аспектов проблемы альтернативности исторического развития.

ГЛАВА II.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

2.1. Теоретические основания использования категории «свобода воли» в историческом познании.

Решение проблемы свободы воли имеет первостепенное значение для рассмотрения смысла истории вообще и для понимания альтернативности исторического развития, в частности. Если свобода воли – фикция и иллюзия, то ни о какой альтернативности развития вообще не может быть и речи. Среди историков всё ещё распространено мнение, что каждый сделанный шаг предопределяет все предшествующие шаги, что существует лишь иллюзия выбора в рабстве у неотвратимых предпосылок, что могло быть только то, что и произошло. Правда, в современной историографической ситуации открыто такие рассуждения историки не склонны публиковать. Так, например, в «круглом столе» «История в сослагательном наклонении», проведённом Институтом всеобщей истории РАН в 2000 году, по свидетельству П. Ю. Уварова, отказались принять участие те из приглашённых, которые были убеждены, что «история не знает сослагательного наклонения».⁴³⁸ Впрочем суждения, подразумевающие отрицание свободы воли и зависимости от неё альтернативности исторического развития, были высказаны и некоторыми участниками «круглого стола».⁴³⁹ Кроме того, иногда историк может отрицать свободу воли, мыслить в категориях жёсткого детерминизма и абсолютной исторической неизбежности не осознавая этого и даже повторяя модные фразы об альтернативности и бифуркациях. Невысказанная, непроговоренная мысль наиболее влиятельна, так как она «гипнотизирует» сознание на уровне

⁴³⁸ Уваров П. Ю. Развилки и игральные кости // Одиссей. Человек в истории. 2000. М., 2000. С. 85.

⁴³⁹ См. в качестве примера: Данилевский И. Н. Соблазн альтернативы // Одиссей. Человек в истории. 2000. М., 2000. С. 38.

интуиции. Поэтому доказательство существования свободы воли (не как иллюзии, а как явления) предстаёт как логическое основание понятия «историческая альтернатива».

2.1.1. Разделение свободы действия, свободы выбора и свободы воли.

Выдающийся русский философ-эмигрант, ученик Н. О. Лосского С. А. Левицкий выделил три слоя в проблеме свободы воли. Первым слоем является проблема *свободы действия*, где вопрос ставится о границах практических возможностей проявления свободы. Границы эти поставлены, прежде всего, строением тела, законами физиологии, не говоря уже о законах материального мира.⁴⁴⁰

С точки зрения альтернативности исторического развития, границы свободы действия установлены всеми факторами, не зависящими от сознания субъекта исторического действия. Однако здесь не столь легко поставить точные границы: человеческий организм не может летать, но человеческий гений может использовать силы материальной природы по своей воле, не нарушая этих законов (авиация). Да и границы физиологических законов также весьма растяжимы. Известно, например, что в ситуации крайней опасности человеческий организм способен переносить условия, нормально невыносимые. То же самое можно сказать и об альтернативной исторической ситуации: зависимость экономики от какого-либо вида ресурсов может быть снята с помощью перехода на принципиально иные технологии, объективно сильнейший противник может быть побеждён с помощью отчаянного напряжения всех сил и т.д. Таким образом, можно констатировать наличие относительной свободы действия в рамках законов физики и физиологии и в рамках определённой исторической ситуации.

По мнению С. А. Левицкого, проблема свободы действия отнюдь не затрагивает существа проблемы свободы воли. Так, несмотря на наличие относительной свободы действия, вполне возможно защищать взгляд, согласно

которому и победа человека над силами материальной природы, и даже победа духа над телом, фатально предопределены ходом мирового процесса. И, наоборот, если бы свобода действия была всецело ограничена железными законами природы, это отнюдь не обязательно означало бы рабство воли. Ибо теоретически вполне возможен взгляд, согласно которому человек является полным хозяином в мире своего сознания, и только внешняя его свобода (свобода действия) может быть ограничена. Итак, свобода действия есть практическая, «техническая» проблема.⁴⁴¹ Об этой проблеме стоило упомянуть, так как она часто смешивалась с собственно проблемой свободы.

Проблема *свободы выбора* много сложнее проблемы *свободы действия*. Способна ли человеческая воля выбирать между мотивами, или она (воля) является лишь регистратором, приводителем в действие наиболее сильного мотива? Как известно, детерминисты утверждают последнее, то есть, что волевая жизнь человека сводится к борьбе мотивов, в которой автоматически побеждает мотив сильнейший. Проблема заключается в критериях силы или слабости мотивов. С. А. Левицкий замечает, что сторонники абсолютного детерминизма были бы правы, если бы они знали такой критерий и были бы в состоянии с математической точностью предсказывать, какой мотив должен обязательно победить. Некоторые психологи полагали, что они нашли такой мотив. Так, в XIX веке модно было объяснять поведение человека «инстинктом самосохранения», хотя даже до Достоевского можно было видеть, что человек иногда шел против этого «сильнейшего» мотива. Некоторые фрейдисты считали таким «всеобъясняющим» мотивом сексуальность. Однако при этом они настолько незаконно расширяют понятие сексуальности, что в человеческой душе просто не находится места для мотивов иного рода, а тогда пропадает смысл объяснения всего поведения сильнейшим мотивом. Кажущаяся убедительность довода сторонников абсолютного детерминизма оказывается порочным кругом мысли: сначала за причины победы мотива

⁴⁴⁰ Левицкий С. А. Трагедия свободы. ПОСЕВ., 1984 [фототипическое издание 1958 года]. С. 10.

выдается сила мотива, а затем за критерий силы – победа мотива. Ибо мы лишь из практики узнаем, какой мотив оказался сильнейшим.⁴⁴²

Непосредственный опыт говорит нам, что мы способны выбирать между мотивами в случае их приблизительно равной силы. В случае явного неравенства силы мотивов выбор совершается автоматически, фактически, тогда нет даже выбора, а есть прямое следование мотиву. Непосредственный опыт говорит нам, что мы способны выбирать между мотивами только в случае их приблизительно равной силы. Но при этом победа достигается через прибавление нового, третьего, мотива (иногда специально выдуманного, например, – жребия), так как наше «Я» не может оставаться пассивным зрителем мотивов, и должно вмешаться в грозящую «ничью» мотивов, или отказаться временно от решения. Психологически неверно, что выбор сопровождается ощущением свободы. Чем больше предметов выбора, тем интенсивнее психологическое ощущение несвободы. Нередко мы выбираем далеко не лучшее, чтобы только покончить, наконец, с необходимостью выбирать, освободиться от «свободы выбора». Бесконечный выбор мучителен. С. Кьеркегор писал об этом: «выбор является решающим для содержания личности, с выбором она погружается в выбранное. Если личность не выбирает, то она увядает в истощении».⁴⁴³

Выбор всегда свободен, так как несвобода выбора уничтожает понятие выбора. Но вопрос заключается в том, соответствует ли ощущению свободы выбора действительная свобода выбора. Мы можем быть субъективно убеждены в нашей свободе и все-таки быть на самом деле рабами. Значит, проблема не в том, существует ли свобода выбора, а в том, существует ли свобода хотения, определяющего выбор.⁴⁴⁴ В проблеме свободы воли ставится вопрос об отношении нашей воли к истинно-сущему и ставится под сомнение истинно-сущность нашей воли. Конечно, если за истинно-сущее полагается бездушная материя, наша же психика – только за эпифеномен, то, значит, мы

⁴⁴¹ Левицкий С. А. Указ. Соч. С.12.

⁴⁴² Там же. С. 12-13.

⁴⁴³ Кьеркегор С. Наслаждение и долг. Киев, 1994. С. 234.

несвободны в наших действиях, даже если бы мы обладали субъективным ощущением свободы.⁴⁴⁵

В свете отождествления «Я» и свободы воли становится понятным, почему так трудно доказать свободу, подвести её под рациональные объективные категории. Мы хотим осознать свободу как объект, в то время как она необъективируема. Субъект, являясь носителем свободы, не может отделить её от себя. «Глаз не видит тебя, ибо ты зрачок моих глаз» – поётся в Упанишадах⁴⁴⁶. Эти слова вполне можно отнести к пониманию свободы воли.

Традиционно этот вопрос ставится так: или моя воля есть одно из звеньев в сложной цепи мировой причинности, и тогда воля моя несвободна. Или же моя воля обладает способностью к самопроизвольным актам, способна нарушать цепь причинности, внося в нее прерывистость и принципиальную непредвиденность.

Индетерминисты утверждают, что при наличии абсолютно равных мотивов человек был бы обречен на пассивность, и приводят в связи с этим знаменитый пример Буриданова осла, поставленного между двумя равными стогами сена, который, не имея повода предпочесть один стог другому (в силу их равности), умрет с голоду, – если только не наделить его способностью к самопроизвольному выбору. Сторонники жёсткого детерминизма обычно возражают, что невозможно подыскать в природе двух абсолютных равностей, в частности абсолютно равных стогов сена, и привести при этом осла в такое положение, чтобы он стоял абсолютно посередине этих стогов, не говоря уже о дуновениях ветра, большем или меньшем свете с правой или левой стороны, каковые факторы, несмотря на их маловесомость, могут оказаться решающими.

Фактически детерминисты правы: абсолютная равность в мире конкретностей не существует. Точнее, она исчезающе маловероятна. Но, возводя этот вопрос на принципиальную, чисто теоретическую высоту,

⁴⁴⁴ Левицкий С. А. Указ. Соч. С. 15.

⁴⁴⁵ Там же. С.16.

⁴⁴⁶ Цит. по: Левицкий С. А. Указ. Соч. С. 97.

детерминисты должны были бы признать, что пресловутый осёл, действительно, умер бы с голоду, так как у него не нашлось бы мотива предпочесть один стог другому. С. А. Левицкий иронизирует по этому поводу: «Осёл умер бы с голоду, если бы детерминисты оказались правыми. Другой вопрос: захотел ли бы осел пожертвовать собой, чтобы доказать правоту детерминизма. Но, может быть, он просто сбежит со своего места, чтобы найти третий стог».⁴⁴⁷

Подводя итог анализу соотношения категорий «свобода действия», «свобода выбора» и «свобода воли», можно констатировать следующее:

1) Свобода действия является чисто технической проблемой и её не нужно смешивать с метафизической и психологической свободой.

2) Выбор всегда свободен с логической точки зрения, несвобода уничтожает понятие выбора. Свобода выбора занимает подчинённое положение по отношению к свободе хотения, то есть к свободе воли.

3) Проблема свободы воли – это вопрос о способности человеческого «Я» к самопроизвольным актам и вопрос об истинно-сущности «Я»: являются ли воля и душа самостоятельным явлением или же только жёстко детерминированной системой мотивов.

2.1.2. Диалектический и антиномистский подходы к проблеме свободы воли.

Согласно формуле Г. Гегеля «свобода есть осознанная необходимость»: чем более мы осознаём собственную детерминированность, тем более мы свободны. Однако человек зависит от своего знания также как и от своего незнания. Осознав детерминированность свойствами своего характера, человек может ограничить влияние этих свойств, в то же время, сама способность к такому ограничению становится свойством характера. Открыв какие-либо законы природы или получив информацию о своей зависимости от других людей, человек становится свободен от некоторых явлений природы и

⁴⁴⁷ Там же. С.17.

общества, но он становится зависим от тех средств, которые позволяют сохранять эту свободу.

А. Бергсон по-иному взглянул на эти противоречия. Он считал, что «мы свободны, когда наши действия истекают из всей нашей личности, когда между ними и нашей личностью существует то непреодолимое сходство, которое встречается между творением и творцом. Напрасно тогда ссылаются на то, что мы в таких случаях уступаем всемогущему влиянию характера. Ведь наш характер не отделим от нас самих».⁴⁴⁸

Н. О. Лосский, развивавший идеи интуитивизма А. Бергсона, утверждал, что свобода воли понятна лишь в случае, если «Я» не находится во власти прошлого и является сверхвременной субстанцией.⁴⁴⁹ А. Бергсон не признавал существования сверхвременного «Я» как субстанции: он допускал только временное бытие. Прошрое, совершившиеся десять лет тому назад, имеет значение для настоящего. Н. О. Лосский замечает по этому поводу, что совершенно непонятно, как прошлое могло бы перескочить пропасть времени и сойтись с настоящим, если бы не было сверхвременного Я, которое способно пережить настоящее и вместе с тем направлять акт видения (воспоминания) на прошлое, снимая таким образом разобщённость между ними.⁴⁵⁰ Согласно Н. О. Лосскому, человеческое «Я» благодаря своей сверхвременности может господствовать над событиями, текущими во времени.

Доказывая свой тезис о сверхвременности «Я», Н. О. Лосскому утверждал, что в наибольшей степени господство «Я» над временным процессом обнаруживается в акте раскаяния, прожигающего душу до дна и отсекающего прошлое так, что не только пережитые события, но и владевшие душой страсти внезапно отпадают в бездну времени и становятся холодным предметом наблюдения, не содержащим в себе больше никакого соблазна. Здесь

⁴⁴⁸ Бергсон А. Непосредственные данные сознания (Время и свобода воли). Собр.Соч. Т.2. СПб., 1914. С. 124-125.

⁴⁴⁹ Лосский Н. О. Избранное. М., 1991. С. 550.

⁴⁵⁰ Там же. С. 551.

получается разрыв между прошлым и настоящим, нарушение сплошности в той или другой из нитей временного процесса.⁴⁵¹

Существует антиномистский подход к пониманию свободы воли, принципиально отличающийся от диалектического подхода Г. Гегеля и фундирующий интуитивистский подходы А. Бергсона и Н. О. Лосского. Классическая разработка антиномистского подхода представлена в философии И. Канта. Хотя гегелевскую диалектику часто представляют как преодоление недостатков кантовского антиномизма,⁴⁵² нам наиболее последовательным и непротиворечивым представляется именно антиномизм.

Антиномия – это противоречие между двумя законами, суждениями, умозаключениями, одинаково логически доказуемыми. По Канту, человеческий разум необходимо впадает в противоречие с самим собой, когда пытается познать мир в его сущности как безусловно целое, так как он при этом выходит за пределы чувственного опыта.

Антиномисты отмежевались от диалектической логики и не желают прятаться за уверениями, будто ими понята и постигнута суть бесконечного взаимоперехода полюсов единого целого. При антиномистском подходе отбираются равнореальные контрадикторные утверждения о целом и признаётся, что конъюнкция последних правомерна при условии их опосредования неким содержанием, пока не доступным нашему разуму, но пределы которого можно оговорить.⁴⁵³

Здесь представляется принципиально важным кратко представить третью антиномию чистого разума (трансцендентальных идей) по Канту. *Тезис антиномии*: Причинность согласно законам природы есть не единственная причинность, из которой могут быть выведены все явления в мире. Для объяснения явлений необходимо еще допустить свободную причинность

⁴⁵¹ Там же. С. 551-552.

⁴⁵² Калинин Л.А. Проблемы философии истории в системе Канта. Л., 1978. С. 113-114.

⁴⁵³ Современный философский словарь. Международное изд. «Панпринт», 1998. Статья «Антиномизм».

(Kausalität durch Freiheit).⁴⁵⁴ *Доказательство тезиса*: Если все случается только согласно законам природы, то существует, всегда лишь относительное, а не абсолютное начало и потому вообще нет никакой полноты ряда со стороны происходящих друг от друга причин (здесь имеется в виду абсолютно первое начало не в отношении времени, а в отношении причинности). Между тем закон природы состоит именно в том, что ничто не случается без достаточно определенной а priori причины. Следовательно, утверждение, будто всякая причинность возможна только согласно законам природы, взятое в своей неограниченной всеобщности, противоречит само себе, и потому нельзя допустить, что причинность согласно законам природы есть единственная причинность. Ввиду этого необходимо допустить причинность, благодаря которой нечто происходит так, что причина не определяется в свою очередь никакой другой предшествующей причиной согласно необходимым законам, иными словами, необходимо допустить абсолютную самопроизвольность (Spontaneität) причин, т.е. способность самостоятельно (von selbst) начинать ряд явлений, развивающийся далее согласно законам природы, или трансцендентальную свободу.⁴⁵⁵

Антитезис антиномии: Не существует никакой свободы, но все совершается в мире только согласно законам природы. *Доказательство антитезиса*: Допустим, что существует свобода в трансцендентальном смысле как способность безусловно начинать некоторое состояние, а следовательно, и ряд следствий его, то в таком случае мы не сможем определить и выявить это состояние, так как оно, не находится ни в какой причинной связи с предшествующим состоянием. Следовательно, трансцендентальная свобода представляет собой такое соединение последовательных состояний действующих причин, при котором невозможно никакое единство опыта и которое поэтому не может быть встречено в опыте, следовательно, она есть пустая фикция (Gedankending). Приписывать такую способность свободы

⁴⁵⁴ Кант И. Критика чистого разума. М., 1998. С. 380.

субстанциям, находящимся в самом мире (а не вне мира) непозволительно, так как при этом исчезла бы связь между необходимо определяющими друг друга по общим законам явлениями, называемая природой, и вместе с нею исчез бы критерий (*das Merkmal*) эмпирической истины, отличающий опыт от сновидения.⁴⁵⁶

По Канту, сколько бы ни было естественных оснований, побуждающих человека к хотению, сколько бы ни было чувственных возбуждений, они не могут быть источником долженствования, они могут произвести только вовсе еще не необходимое, а всегда условное хотение, тогда как долженствование, провозглашаемое разумом, ставит этим хотениям меру и цель, даже запрещает их или придает им авторитет. Имеет ли разум дело с предметом одной лишь чувственности (приятное) или также с предметом чистого разума (добро), он не подчиняется эмпирически данному основанию и не следует порядку вещей, как он выражается в явлении, а создает совершенно самостоятельно свой собственный порядок согласно идеям, приспособляя к ним эмпирические условия и объявляя соответственно им необходимыми даже такие действия, которые все же не случились и, быть может, не случатся, хотя разум предполагает о них, что может иметь причинность в отношении к ним, так как в противном случае он не ожидал бы от своих идей действий в опыте.⁴⁵⁷

Кант доказал, что свобода может иметь отношение к совершенно иному роду условий, чем естественная необходимость, и потому закон последней не влияет на первую, следовательно, свобода и естественная необходимость могут существовать независимо друг от друга и без ущерба (*ungestort*) друг для друга.⁴⁵⁸ В контексте данного вывода Кант решает проблему соотношения свободы воли и нравственной ответственности человека за свои поступки. Если мы говорим, что виновник лжи, несмотря на весь свой прошедший образ

⁴⁵⁵ Там же.

⁴⁵⁶ Там же. С. 379, 383.

⁴⁵⁷ Там же. С. 440.

жизни, все же мог бы не солгать, то это означает только, что его поступок непосредственно находится во власти разума, и разум не подчинен в своей причинности никаким условиям временного порядка (Zeitlaufs).⁴⁵⁹

Наиболее чёткую и логически последовательную разработку концепция абсолютного детерминизма получила в трудах французского математика и астронома П. С. Лапласа: «Мы должны рассматривать настоящее состояние вселенной как следствие её предыдущего состояния и причину последующего. Ум, которому были бы известны для какого-либо данного момента все силы, одушевляющие природу, и относительное положение всех её составных частей, если бы вдобавок он оказался достаточно обширным, чтобы подчинить эти данные анализу, обнял бы в одной формуле движения величайших тел вселенной наравне с движениями мельчайших атомов: не осталось бы ничего, что было бы для него недостоверно, и будущее, так же как и прошедшее, предстало бы перед его взором».⁴⁶⁰ Поскольку человек не обладает тем всемогущим и всезнающим умом, о котором пишет П. С. Лаплас, а учёные не имеют контактов с таким разумом, если бы он существовал, то абсолютный детерминизм, свобода воли и самопроизвольные флуктуации остаются *равноправными гипотезами*, которые нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Если И. Кант показал нам *равнодоказуемость* тезиса и антитезиса антиномии свободы и необходимости, то последовательно понятый позитивистский абсолютный детерминизм показывает *равнонедоказуемость* этих тезисов.

2.1.3. Экзистенциальный подход к пониманию свободы воли.

На новом уровне идея свободы воли переосмыслена в экзистенциальной философии, которая разделяет конкретное специфически-человеческое существование от бытия вещей и существ, не способных к самосознанию и

⁴⁵⁸ Там же. С. 445.

⁴⁵⁹ Там же. С. 444-445.

свободе. Основной постулат М. Хайдеггера в его труде «Бытие и время» гласит: существование предшествует сущности.⁴⁶¹ В переводе на более понятный язык, это означает, что человек свободен и сам творит своё бытие, что нет никакой, заранее данной «сущности», которая определяла бы его волю и судьбу («существование»). Ж. П. Сартр, последователь М. Хайдеггера, называл существование человека «для себя бытие» и отличал его от вещей и фактов «в себе бытие».⁴⁶² Он выразил понимание свободы воли в экзистенциализме в знаменитом афоризме: «человек приговорён к своей свободе». Разделение свободного «для себя бытия» и жёстко детерминированного «в себе бытия» сближает в метафизических и логических основаниях экзистенциализм и антиномизм.

И. Кант использовал анализ категории человеческого существования (экзистенции) в специфических для каждого человека ситуациях как связующее звено между метафизикой и повседневностью. И. Кант открыл проблематику альтернатив не в истории, но исключительно в нравственном жизненном пространстве индивидуума. Всё же, исходя из сделанных выше выводов, закономерности индивидуального выбора можно взять за отправную точку рассуждений о выборе историческом.

О необходимости использования идей И. Канта в изучении исторических альтернатив упоминала венгерско исследователь Ева Анксель в своей книге «История и альтернативы. Действие на распутье».

Кантовский человек из «Критики чистого разума» был поставлен первый раз перед альтернативами: «удовлетворение непреодолимой сладострастной склонности и смерть» или «отказ от похоти и жизнь». Кант считал безусловным, что человек преодолел бы свою похоть и выбрал бы альтернативу, сохраняющую жизнь. Второй раз кантовский человек поставлен перед альтернативами: «несправедливо погубить честного человека и потерять

⁴⁶⁰ Лаплас П.С. Опыт философии теории вероятностей. М., 1908.

⁴⁶¹ Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.

⁴⁶² Сартр Ж. П. Бытие и ничто Опыт феноменологической онтологии. М. 2000.

собственную честь» или «спасти честного человека, сохранить свою честь и совесть, но лишиться жизни».⁴⁶³ По И. Канту, во втором случае выбор человека не был бы безусловен, он мог бы выбрать и смерть, следуя законам морали. Кантовский человек в момент выбора осознаёт в себе свободу, которую не мог бы осознать без морального закона.

Е. Анксель, находясь на марксистских позициях, обнаруживает в аргументах И. Канта и в положении кантовского человека «классовую ограниченность». Она считает, что кантовский человек мог бы вообще отказаться от предложенных ему альтернатив и восстать против князя.⁴⁶⁴ Однако Е. Анксель не учла, что пример, используемый И. Кантом, в принципе не несёт в себе никаких социальных составляющих. Этот пример всего лишь иллюстрация идеальных метафизических идей.

Ситуацию, в которую был поставлен кантовский человек, можно проанализировать с помощью экзистенциально-ситуационного подхода. Может ли ещё что-то, кроме морального закона привести к проявлению свободы воли? Рассмотрим два кантовских примера подробнее. Когда человек выбирает между жизнью и похотью, колебаний при выборе не будет (если, конечно, это нормальный человек), так как жизнь важнее похоти (опять же для психически здоровых людей). Выбор в данном случае будет предрешён, а значит не было и альтернатив поведения. Когда человек выбирает между жизнью и честью, честь может оказаться не менее важна, чем жизнь (опять же — если в человеке сохранилось хоть немного совести), а значит будут колебания при выборе. Как видим, колебания при выборе обусловлены равноценностью в восприятии человека альтернатив собственного поведения. Кантовский человек осознал свободу своей воли благодаря моральному закону, но у нас есть основания утверждать, что люди могут колебаться и в тех случаях, когда моральные законы не задействованы или не играют решающую

⁴⁶³ Кант И. Указ. Соч. С. 408.

⁴⁶⁴ Ancsel E. Geschichte und Alternativen. Scheidewege des Handelns. Academiai Kiado / Budapest, 1984. S. 11-13.

роль при выборе. Не важно, например, чем вызваны колебания людей, решающих начать или нет восстание, продолжить его или сдаться врагам, сразиться или отступить. Будь то душевная борьба страха за жизнь с ненавистью и отчаянием, осторожности с надеждой на удачу, веры в справедливость с личной выгодой, – везде индикатором свободы воли служит равноценность альтернатив в восприятии субъектов выбора, а индикатором равноценности служат колебания субъекта выбора. Именно в этом заключается наша гипотеза о роли свободы воли в альтернативной исторической ситуации.

Если человек, стоящий перед выбором альтернатив действия, познал и осознал, что одна из альтернатив заведомо и наверняка выгоднее и лучше других, то он уже не свободен в выборе, его действия предрешены, ведь он не станет выбирать то, что ему не нужно или недоступно. Но если он ещё находится в процессе познания преимуществ и недостатков разных путей, то есть он колеблется, то его действия ещё не предрешены и выбор свободен. Тогда, быть может, точнее было бы считать, что свобода воли – это познающаяся, но ещё непознанная необходимость. Аргумент в пользу этого тезиса можно найти у Л. Витгенштейна: «Свобода воли состоит в том, что поступки, которые будут совершены впоследствии, не могут быть познаны сейчас».⁴⁶⁵

Колебания при выборе в экзистенциальной философии осмыслены через понятие «страх». Понятие страха (перед необратимостью выбранного, перед неизвестностью последствий выбора и ответственностью за него) занимает важнейшее положение в понимании свободы воли у С. Киркьегора. Он писал: «В логической системе очень удобно сказать, что возможность переходит в действительность. На самом деле всё не так легко, и здесь нужно некоторое промежуточное определение. Такое промежуточное определение есть страх ... Страх – это не необходимость, но он также и не определение

⁴⁶⁵ Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М., 1994. [Логико-философский трактат. 5.1362]

свободы, страх есть скованная свобода, когда свобода не свободна в самой себе».⁴⁶⁶

Что же становится решающим фактором в выборе из равноценных альтернатив? Выбирая между равноценными альтернативами, человек находит доводы в пользу то одной, то другой – равновесие колеблется. Всё зависит от того, что перевесит в сознании в тот момент, когда уже пора действовать и нет возможности не действовать и продолжать выбор. Таким образом на свободу воли влияет скорость развития событий. В сознании субъекта в момент необходимости действия может перевесить ценность той альтернативы, которая в действительности оказывается невыгодной и вредной для этого субъекта. Но невыгодность и вредность часто можно оценить только после того, как альтернатива реализовалась. Именно такие закономерности порождают понятие «исторической ошибки» и мотивы «суда над прошлым» в историческом исследовании.

Ролью скорости развития событий в механизме выбора можно объяснить, почему исторические альтернативы связывают чаще всего с переломными периодами истории. Во время кризиса, перелома в развитии события развиваются быстрее, по сравнению с предыдущим их течением. Кризис, катастрофа затрагивают все слои общества, никто не может остаться в стороне и уйти от выбора. Всем приходится как-то менять свою жизнь. Времени на сомнения и колебания мало или вовсе нет, так как события происходят стремительно и неожиданно.

Причины колебаний между различными альтернативами действия могут проявляться на двух уровнях. Первый уровень ситуационный: выбор наиболее удобного и выгодного образа действий. Второй уровень экзистенциальный: поиск идентичности между различными желаемыми и реальными самовосприятиями личности с целью восстановления непрерывности самопереживания. Желание преодолеть несоответствие между этими

⁴⁶⁶ Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993. С. 240.

самовосприятиями интерпретируется в современной психологии как кризис идентичности (это понятие ввёл Э. Эриксон). В переломной исторической ситуации кризис идентичности проявляется в утрате социальных ролей различными социальными группами, поколениями и историческими деятелями.

В экзистенциальной философии в рамках категории свободы воли трактуется также и категория "возможность". По М. Хайдеггеру человек, «бросая» себя на определённую возможность своего бытия, экзистирова как та или иная возможность, всегда живёт из будущего той возможности, которую он осуществляет. Как экзистенция человек никогда не "здесь" и "теперь", но всегда живёт, и соответственно понимает из будущего, он есть "вперёд-себя" бытие. Однако в нашем исследовании важно рассмотреть методологию раскрытия конкретно исторического содержания так называемого "вперёд-себя" бытия, а не его метафизический смысл. Поэтому понятие "историческая возможность", являющееся синонимом понятия "историческая альтернатива", также требует особого анализа.

Подведём итоги сделанного анализа проблемы свободы воли:

1. Аргумент, что «всё в истории могло быть только так, как и было», не имеет сколько-либо веских оснований и чаще всего является заблуждением или непониманием существа проблемы. 2. Свобода воли принципиальна для содержания выбора, выбор принципиален для содержания личности, совокупность личностей составляет общество, постоянное развитие личности, заключающееся в актах выбора, порождает развитие общества, заключающееся в выборе путей общественного развития. Эти пути могут быть как выбраны из уже существующих в обществе тенденций, так и порождены творческой мыслью. 3. Альтернативность развития событий появляется там, где задействована свобода воли. Так как индикатором свободы воли могут служить колебания субъектов выбора, то исследование исторических альтернатив необходимо начинать с изучения сомнений при принятии решений субъектами

исторического действия, со споров между людьми, преследующими одинаковые цели, их сожалений о сделанном.

2.2. Методологические аспекты использования понятия «случайность» в изучении исторических альтернатив.

По-видимому, исторические случайности чаще всего побуждают историков задавать вопрос в сослагательном наклонении. В непредвиденных и непредсказуемых случайностях иногда видят причину постоянного существования возможности иного хода событий, альтернативного произошедшему или ожидаемому. Рассматривая взаимосвязь случайности и альтернативности, следует исходить, прежде всего, из определения смысла понятия «случайность».

Методологическая задача при этом будет не в доказательстве наличия или отсутствия случайностей в историческом прошлом, не в доказательстве их большой роли в историческом развитии, и не в установлении ценности изучения исторических случайностей. Задача заключается в поиске корректного определения понятия «историческая случайность». Под корректностью определения понятия здесь подразумевается логическая непротиворечивость и отсутствие избыточности по отношению к другим понятиям. Корректное определение позволит историку не называть случайностями сущностно различные, и даже противоположные явления. Представляется важным не только для теории, но и для конкретно-исторических исследований и для практики историописания найти такое определение термина «историческая случайность», которое будет действительно обозначать особый специфический класс событий и фактов. Кроме того, корректное определение позволит понимать, когда термин «случайность» используется в историческом исследовании только для создания иллюзии объяснения или, напротив, для демонстративного ухода от объяснения, или же в качестве политико-риторического ярлыка, негативной метафоры с целью принизить значение каких-либо исторических событий, явлений или личностей.

В 1-й главе монографии уже раскрывались взгляды российских историков 2-й половины XX века на определение понятия «историческая случайность». Прежде, чем будет представлено авторское понимание корректного использования этого понятия «случайность» в историческом познании, необходимо для полноты картины учесть также теоретическое осмысление исторической случайности в западной историографии того же периода.

2.2.1. Понимание исторической случайности в историософии Р. Арона.

Одним из первых мыслителей XX века, изложивших с методологической точки зрения нетривиальную концепцию исторической случайности, был французский философ Реймон Арон (1905–1983). Его понимание истории представлено в книге «Введение в философию истории», написанной в 1938 году. Логические и методологические конструкты, сформулированные Р. Ароном относительно понимания случайности, позднее, в течение XX века, были воспроизведены или переоткрыты во многих историко-теоретических исследованиях.

Р. Арон определяет случайность как «одновременно возможность постичь другое событие и невозможность дедуцировать событие из всей предыдущей ситуации».⁴⁶⁷ При этом в зависимости от угла зрения одно и то же событие может показаться случайным или нет. Под «углом зрения» Р. Арон подразумевает не столько субъективизм изменяющихся интерпретаций, сколько системный уровень, на котором рассматриваются исторические процессы. Одно и то же событие может быть неожиданным как причина одного ряда событий и целесообразным на более высоком макроисторическом уровне, когда это событие входит в упорядоченную совокупность исторических процессов.⁴⁶⁸

Исторические случайности с их непредсказуемыми близкими и далёкими последствиями и исторические альтернативы, которые в историческом

⁴⁶⁷ Арон Р. Избранное: Введение в философию истории: Пер. с фр. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга. 2000. С. 408.

сознании разных социальных групп будут связываться с этими последствиями, не могут быть желанными или нежеланными, худшими или оптимально лучшими. Р. Арон так говорит об этом: «Сотворенная всеми людьми история ни для кого не желательна: являясь слепым результатом бесчисленных конфликтов, она будет иметь хаотический характер, так как подчинится противоречивым волям».⁴⁶⁹

В концепции Р. Арона отвергаются попытки доказательств особой роли исторических случайностей, противопоставленных закономерностям. Детерминизм как раз напоминает, что нельзя вольно изменять тот или иной элемент исторического прошлого чтобы доказать эффективность случайности. Все факты связаны друг с другом, поэтому незначительная деталь, которая ведёт к неожиданным масштабным последствиям, может быть, отражает длительно существующую общую тенденцию, например объективную неподготовленность к каким-то изменениям или просто недостаточно благоприятный момент в жизни представителей правящей элиты, реализующей социальные трансформации.

Несмотря на уважение к детерминизму, Р. Арон признаёт, что иллюзию фатальности в истории создаёт исключительно ретроспективный взгляд историков, которые всегда открывают отдаленные и законные решающие причины, придающие постфактум мнимую необходимость эффективному исходу. Историки забывают при этом, что противоположный исход, может быть, содержал бы тоже удовлетворительное объяснение. Р. Арон критикует иллюзию фатальности, которая противоречит действительно научному представлению об исторической случайности. Ни полный детерминизм, ни преувеличение роли случайностей не являются ни ложью, ни истиной, потому что будущее часто меняет мнения участников событий.⁴⁷⁰ По мнению Р. Арона, в научном историческом познании нельзя отвечать на вопрос «что было бы,

⁴⁶⁸ Там же. С. 366.

⁴⁶⁹ Там же. С. 368.

⁴⁷⁰ Там же. С. 371.

если бы случайность изменила ход истории?». Научным будет только вопрос о том, получим ли мы другое событие, если изменить данные об определенном моменте прошлого. Учёному достаточно доказать, что «кое-что изменилось бы». Но проследить последствия своей гипотезы историк не в состоянии, поскольку переkreщивание каузальных серий в реальности превосходит силу нашего ума⁴⁷¹.

2.2.2. Понимание исторической случайности в историософии

М. А. Алданова

Русский писатель и историк М. А. Алданов (1886–1957) эмигрировал из России после октябрьской революции 1917 года. Он суммировал свои историософские взгляды в книге «Ульмская ночь. Философия случая» (1953г.). Этот труд написан в форме полемических диалогов двух неопределённых лиц (внутренний диалог самого автора). К сожалению, эта книга пока практически недоступна российским читателям в печатном виде, но её электронный вариант размещён в Интернете⁴⁷².

М. А. Алданов отвергает детерминистский подход, согласно которому «случайность» – понятие временное и случайность - это только «псевдоним незнания». При таком подходе понятие случая становится ненужным и бессмысленным. М. А. Алданов, считает что «историческая случайность» – понятие самодостаточное и устойчивое.

Из многих определений случайности в теории вероятности М. А. Алданов лучшим считает определение французского математика и физика С. Д. Пуассона: «Под случаем (hasard) надо разуметь совокупность причин, способствующих осуществлению события и не оказывающих влияния на размер его вероятности, то есть на отношение числа случаев (cas),

⁴⁷¹ Там же.

⁴⁷² Алданов М.А. Ульмская ночь. Философия случая. Нью-Йорк, 1953.
http://vwww.geocities.com/plt_2000plt_us/aldrv

благоприятных его осуществлению, к общему числу возможных случаев»⁴⁷³. При таком определении понятие исторической случайности предполагает невозможность и недопустимость суждений о влиянии исторических случайностей на вероятность других исторических событий. По вопросу использования теории вероятностей в изучении исторических случайностей М. А. Алданов придерживается мнения, что измерять историческую вероятность не имеет смысла для поисков исторической истины, но имеет смысл только для поисков более удобных способов систематизации исторической информации.

В историческом выборе, согласно М. А. Алданову, решения зависят не столько от расчёта, сколько от глупости и страстей участников событий. Поэтому для историка подсчёт, взвешивание и сравнение мотивов полезно для систематизации многообразной и хаотичной исторической информации, но ничего не даст для приближения к истинной исторической действительности. Особенно ярко это проявляется при анализе истории войн и революций. М. А. Алданов в Главе III. «Диалог о случае в истории» анализирует множество случайностей в ходе Великой Французской революции, войны 1812 года, Октябрьской революции 1917 года. Он приходит к выводу, что «Война и есть истинное торжество случая».

Так, в главе, посвящённой войне 1812 года, М. А. Алданов пишет: «... для изучения и систематизирования фактов могут пригодиться разные общие предположения, — точно так же, как в точных науках для самой постановки опыта, предварительно нужно иметь то или иное предположение о связи явлений». Автор утверждает, что закон больших чисел, используемых для случайных событий в теории вероятности, не может быть использован в причинно-следственном историческом анализе. Невозможно, например, как по значению, так и по последствиям сравнивать цепи причинности каждого из солдат Наполеона во время Бородинского сражения с его собственной цепью

⁴⁷³ Poisson S. D. Recherches sur la Probabilit des jugements en mat re criminelle et en matiere civile. Paris,

причинности, сказавшейся хотя бы в его минутном колебании: «Ввести в дело гвардию или не вводить?». Субъективизм при отборе и оценке фактов также делает очень сомнительным, по мнению М. А. Алданова, попытки приложить теорию вероятностей к историческим событиям. Историки берут у теории вероятности лишь начала ее языка и первый постулат: «Вероятность – это отношение числа благоприятных случаев к числу всех случаев возможных». Однако на практике знаменатель этого отношения приближается к бесконечности, исторических возможностей бесконечное множество. Числитель же имеет характер неопределенный: то, что историческому деятелю или историку кажется «благоприятным случаем», затем при дальнейшей переоценке событий оказывается неблагоприятным.

М. А. Алданов считает, что если историческая случайность – понятие постоянное, то понятие исторической закономерности, напротив, – временное. Упрощая и систематизируя факты, историк формулирует «законы истории», но следующие поколения историков отменяют их и создают новые законы истории в соответствии с новыми идеологическими, методологическими и эстетическими предпочтениями. Формулировки исторических законов полезны для науки только в качестве рабочих плодотворных гипотез. Невозможность адекватного вероятностного описания связана и с тем, что сведения о ходе сражений часто между собой расходятся. М. А. Алданов приводит пример сводки нескольких десятков иностранных работ об Отечественной войне 1812 г.: двадцать восемь авторов говорили, что численное превосходство в день Бородина было на стороне французов, тринадцать держались противоположного мнения, а одиннадцать утверждали, что армии были равны.⁴⁷⁴

На вопрос о том, считать ли причины, ход и результат таких масштабных событий, как война 1812 года, случайностями, М. А. Алданов отвечает, что

1837. pp. 79-80.

⁴⁷⁴ Липранди И. П. Пятидесятилетие Бородинской битвы: Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. 1886. С. 23.

однозначных ответов на такие вопросы давать нельзя, так как здесь ничего невозможно проверить и неопровержимо доказать. Нужно приводить разные версии и каждую ставить под сомнение. Но при этом не стоит также и игнорировать то, как оценивали сами участники исторических событий случайность и закономерность принятых ими решений и совершённых поступков. Так, Наполеон не сомневался, что война 1812 года была, как и его поражение, делом случайным. «Наполеон, который, казалось бы, должен был знать причины войн лучше, находил, что может быть и война без всяких интересов, личных, экономических и каких бы то ни было других; может быть даже и война вопреки интересам сторон».

В то же время М. А. Алданов допускает принципиальные аналогии между математической и исторической вероятностью, но не в смысле методов вычисления, а в смысле логики связей между известными данными. В связи с этим он приводит книгу французского историка П. Вандриеса, который исследовал с точки зрения вероятностного подхода к историческим случайностям египетские экспедиции Бонапарта. Этот автор вводит в новое понятие «историческая надежда» по образцу «математического ожидания».⁴⁷⁵

М. А. Алданов считает, что всю историю человечества можно представить как сознательную или бессознательную, героическую или повседневную, борьбу со случаем. Под борьбой со случаем М. А. Алданов подразумевает противостояние «несчастливым случаям». В Главе IV «Диалог о “красоте-добре” и о борьбе со случаем» он писал: «Жизнь становится осмысленной именно ввиду возможности борьбы со случаем, с его несчастными формами. О знаке же его, конечно, почти всегда можно спорить, тут вы правы: он совершенно ясен сравнительно редко. С точки зрения лютеранина, реформация была благом, с точки зрения католика — злом». Причём борьба с несчастными случайностями может быть основана также только на случайностях, только счастливых. Здесь в его историософии действует нечто вроде закона Ньютона —

⁴⁷⁵ Vendryfes P. De la probabilit en histoire. L'exemple de l'exp dition d'Egypte. Paris, 1952. pp. 63-66.

действие равно противодействию. Прогресс при этом заключается в увеличении судьбы отвратимой за счет уменьшения судьбы неотвратимой. В той же Главе IV М. А. Алданов приводит в связи с этим следующий пример: «Появление проказы на земле, когда бы оно ни произошло ... было результатом несчастного случая. Но то, что сульфотрон теперь излечивает эту болезнь, то, что в больнице в Пондоланде в 1952 году было излечено 74 процента прокаженных, это результат счастливого случая, образец его блестящего и самоотверженного использования учеными врачами».

2.2.3. Типология определений исторической случайности.

Обобщая все вышеприведённые историко-методологические подходы, можно выделить три основных типа понимания исторической случайности. Первый тип, который можно назвать «детерминированными тенденциями», выделяет узловые точки неизбежности, к которым обязательно приведут любые исторические случайности, при этом случайности подчиняются историческим закономерностям. Второй тип, который можно назвать «детерминирующими флуктуациями», выделяет узловые точки непредсказуемой случайности, которая порождает тенденции развития, предсказуемые и объяснимые только до следующей «флуктуации», при этом закономерности подчиняются случайности (незначительному событию, имевшему значительные последствия). Третий тип можно назвать признанием научной ценности субъективного упорядочивания хаотичных событий.

Можно выделить также три вида ассоциирования или отождествления случайности с другими понятиями и категориями: 1) отождествление с индивидуальной свободой воли человека; 2) отождествление с уникальными индивидуальными особенностями людей; 3) отождествление с маловероятным событием; 4) противопоставление случайности и закономерности и отождествление случайности с пересечением независимых разнородных закономерностей.

Отождествление исторической случайности и проявления свободы воли человека имеет давние корни. В философской традиции осмысление понятия «случайность» нацелено главным образом на историческую случайность, случайность в жизни человека, а не на случайность в неодушевленном физическом мире. Это можно увидеть, обратившись к работе В. А. Шукова и Г. Н. Хона с симптоматичным названием «Оправдание случайности».⁴⁷⁶ Авторы прослеживают взгляды европейских мыслителей на место и роль случайности в мире, начиная с Античности. Стремление исключить случайность из познания действительности в европейской мысли восходит ещё к Демокриту. Предварительно стоит заметить, что рассматривать исторические случайности в отрыве от проявлений свободы воли неверно, так как история складывается из действий, поступков, мыслей и чувств людей. Однако считать, что любое проявление уникальной человеческой индивидуальности и свободы воли есть историческая случайность, также неверно, так как при таком понимании, все события и все поступки становятся случайностями.

Если принять, что случайность – понятие противоположное закономерности, то определить случайность можно с помощью отрицания характеристик, определяющих закономерность. Закономерность – это устойчивая, повторяющаяся, внутренне присущая связь между явлениями. Исходя из отрицания этих основных характеристик, можно выделить несколько типов определения исторической случайности. Одни определения основаны на неустойчивости и неповторяемости случайных связей между явлениями, другие – на внешнем характере этих связей по отношению к внутренним существенным свойствам явлений.

Повторяемость событий и связей между ними изучается в теории вероятности. В теории вероятности случайным называют любое событие, которое нельзя однозначно предсказать, которое при одинаковых условиях

⁴⁷⁶ Шуков В. А., Хон Г. Н. Оправдание случайности. М., 1990.

может либо произойти, либо не произойти. В обыденном смысле под случайностью часто подразумевают маловероятные события.

Если мы откажемся от противопоставления случайности и закономерности и от вероятностно-статистической интерпретации случайности, возникнет проблема поиска иных подходов к определению случайности. Эти новые подходы, в отличие рассмотренных выше, должны учитывать, прежде всего, специфику исторического процесса в ряду всех иных процессов в мире и специфику исторического познания в ряду остальных наук.

2.2.4. Определение исторической случайности как пересечения независимых причинных цепей.

В своё время в советской методологии упрочилась традиция определять случайность как «пересечение разных каузальных цепей», «столкновение независимых закономерностей», «вмешательство событий из иной системы».

Подобное понимание исторической случайности обсуждалось в отечественной историографии и методологии ещё в начале XX века. Так в 1913 году доцент Харьковского университета В. И. Веретенников использовал идеи французского математика А. Курно о множественности каузальных рядов во вселенной для обоснования возможности исторических случайностей при их пересечении.⁴⁷⁷ В рецензии на статью Веретенникова Н. И. Кареев писал о распространённости таких взглядов на случайность ещё в 70-х гг. XIX в.⁴⁷⁸, предостерегая при этом от слепого к ним доверия. Теория Курно, по Карееву, вовсе не реабилитирует случайность, но лишь констатирует существование разнотерминированных процессов.⁴⁷⁹ Гораздо важнее для историка, считает рецензент, рассматриваемые автором идеи французского математика и философа Пуанкаре, в которых случайным признаётся не явление – результат пересечения каузальных рядов, но выбор «каждого исходного пункта нашего

⁴⁷⁷ Веретенников В.И. Случайность в историческом процессе и статистический метод // Журнал Министерства народного просвещения. 1913. Т. 48, № 11. С. 19-44.

⁴⁷⁸ См., например: Лавров П.Л. Опыт истории мысли. СПб., 1874. С. 14 и след.

изучения прошлого», после которого «случайностями будут для нас и моменты скрещивания и совпадения отделённых нашим познающим сознанием рядов явлений»⁴⁸⁰

Исходя из определений случайности как столкновения независимых причинных цепей, принадлежащих независимым системам и управляемых разными закономерностями, историческими случайностями называют стихийные природные явления, изменившие ход истории: бури, ведущие к крушению военного флота; извержения вулканов и землетрясения, разрушающие города и даже целые цивилизации; неурожаи и засухи, ускоряющие экономические и социальные кризисы; морозы, способствующие победе менее сильной армии и т. д. Случайностями называют также физические и физиологические процессы, независимые от воли человека: траектории полёта пуль и снарядов, спасающих или отнимающих жизнь исторических деятелей; распространение болезнетворных микробов, ставшее причиной болезни или смерти исторических личностей; внешность или глубинные подсознательные импульсы поведения исторических личностей и т. д.

Все эти явления не обусловлены ходом истории, и потому случайны по отношению к нему. Однако, что тогда мешает считать, что отсутствие всех этих природных, физических и физиологических явлений в какой-либо момент истории также было случайностью? Спокойное море и недра планеты, нормальные осадки и температура также влияют на ход истории и не зависят от него, следовательно, по определению, имеют по отношению к истории случайный характер. Исходя из этой же логики рассуждений, мы должны считать случайностью не только неожиданную болезнь, но и здоровье человека. Таким образом, согласно определению случайности как пересечения разных причинных рядов, любое историческое событие становится

⁴⁷⁹ Кареев Н. И. Новая статья о случайности в истории // Научный исторический журнал / Ред. Н.И.Кареев. 1913. № 2 (1914. Т. 1, вып. 2). С. 153.

⁴⁸⁰ Там же. С. 154-155.

случайностью. Тогда исчезает смысл использования понятия «случайность» – оно становится полностью избыточным.

Кажется, очевидно абсурдным строить, например, модель несостоявшейся, но возможной истории «что было бы, если бы Тунгусский метеорит упал на Москву или Петербург». Хотя не исключено, что вследствие влияния на метеорит в его долгом полёте в космосе каких-то гравитационных сил, он вполне мог упасть в другое место. Настолько же абсурдны (хотя эта абсурдность очевидна не сразу) допущения, касающиеся возможности альтернативного хода истории, «если бы человек не заболел и не умер», «если бы ствол пистолета чуть сдвинулся», «если бы испортилась погода» и т. д.

Что касается природных, физических и физиологических явлений, то остаётся только принять их как неизбежную по отношению к ходу истории данность. Также как неизбежно единственно дано то, что на Земле сейчас пять материков, а не один, а у человека две руки, а не двадцать две.

С этих позиций некорректными становятся рассуждения в рамках исторического поппублицизма о том как форма носа Клеопатры повлияла на история Рима, а форма носа мадам де Помпадур – на судьбу Франции, и что было бы если бы эти носы оказались менее изящными.⁴⁸¹

Сомнительной отправной точкой для изучения исторических альтернатив кажутся и случаи спасения исторических деятелей во время несчастных происшествий, или, напротив, преждевременная гибель по той же причине. Одним из часто упоминаемых героев подобных безусловно занимательных изысканий является Гитлер. Так американский историк Г. Тернер напоминал об эпизоде, когда автомобиль Гитлера летом 1930 г. столкнулся с железнодорожным составом, но Гитлер «чудом» уцелел, отделавшись царапинами. Между тем в сентябре предстояли выборы в рейхстаг. Без Гитлера, считает Тернер, не произошёл бы тот «большой обвал», каким

⁴⁸¹ См. Савельева И. М., Полетаев А. В. Указ. соч. С. 651.

завершились выборы 30 января 1933 г.: 107 «коричневых» депутатов вместо 12 в предыдущем рейхстаге.⁴⁸²

Если принять за причину возникновения исторических альтернатив не социальные, а природные, физические или физиологические явления, то утратится субъективный фактор альтернативности. Хотя точнее, на наш взгляд, был бы термин «субъектный фактор», а не «субъективный», так как речь идёт о субъектах выбора, а не о субъективности оценок и восприятий. Впрочем, с более общей точки зрения одно от другого не отделимо. Далее мы будем использовать термин «субъективный фактор», поскольку он более привычен и традиционен.

Сделаем предварительный вывод: наличие исторических альтернатив допустимо устанавливать только в тех случаях, в которых имелось сознательное выбиранье человеком (или группой людей) своих действий. На этот выбор, конечно, влияют объективные, независимые от сознания факторы, но они не обязательно являются исторической случайностью и не отменяют свободы выбора.

Рассмотрим один показательный пример из книги Ю. М. Лотмана «Культура и вызов». Ю. М. Лотман напоминает, как в описании возможных вариантов будущего Ленского А. С. Пушкин ставит читателя перед целым пучком потенциальных траекторий дальнейшего развития событий в момент, когда Онегин и Ленский сближаются, поднимая пистолеты.⁴⁸³ По аналогии Ю. М. Лотман рассматривает дуэль Пушкина и Дантеса. Сначала автор анализирует тактику обоих опытных бретёров и приходит к выводу, что последовательность выстрелов могла быть только такой, какой и была.⁴⁸⁴ Затем Ю. М. Лотман предполагает, что нельзя исключить того, что Дантес мог, когда его палец нажимал спусковой крючок, поскользнуться на вытоптанном снегу, что вызвало бы незаметное дрожание руки. Пуля убийцы пролетела бы мимо. И

⁴⁸² Там же. С. 651-652.

⁴⁸³ Лотман М.Ю. Культура и взрыв. М., 1992. С.191.

⁴⁸⁴ Там же. С.192.

тогда другая пуля из пистолета прекрасно стрелявшего Пушкина оказалась бы убийственно меткой. Жизнь Пушкина пошла бы по другим, непредсказуемым путям.⁴⁸⁵

С позиции уже выше изложенного тезиса о том, что явления физического или физиологического характера некорректно считать причиной возникновения исторических альтернатив, предположение Ю. М. Лотмана также некорректно.

Существует попытка переосмыслить дуэль А. С. Пушкина с позиции, отрицающей случайность. Русский философ В. С. Соловьёв решительно отвергал предположение о возможности создания Пушкиным новых шедевров: «Какой внешний механический взгляд! Никаких новых художественных созданий Пушкин нам не мог дать и никакими сокровищами не мог больше обогатить нашу словесность».⁴⁸⁶ Дуэль Пушкина, по мнению Соловьёва не была внешней случайностью, поскольку к этому трагическому событию вела вся предшествующая история его душевной жизни. Выстрел Дантеса по заключению врачей не был необратимо смертельным, физической причиной смерти поэта стало его желание сделать ответный выстрел, и перенапряжение подорвало последние силы его организма. «Пушкин был убит не пулей Геккерна, а своим собственным выстрелом в Геккерна»⁴⁸⁷.

Наиболее исторически корректным представляется подход, согласно которому альтернативы исходу дуэли А. С. Пушкина и Дантеса следует искать в событиях, предшествующих вызову на дуэль, когда конфликт ещё развивался. Такой подход использован в книге С.Л. Абрамович «Предыстория последней дуэли Пушкина». В этой книге, помимо прочего, упоминается, что из-за усиливавшегося давления властей, депрессии и раздражительности доведенного до крайностей Пушкина, гибель поэта могла произойти и от иной

⁴⁸⁵ Лотман М. Ю. Указ. Соч. С.193-194.

⁴⁸⁶ Соловьёв В. С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С. 296.; См. также: Фараджев К. В. Несозданные шедевры и неизбежность дуэли: осмысление В. Соловьёвым гибели А. Пушкина // Вопросы философии. 1999. № 3.

⁴⁸⁷ Соловьёв В. С. Указ. Соч. С. 294.

руки. Так, только в феврале 1836 г. у поэта было несколько дуэльных инцидентов с разными людьми, но без серьёзных последствий.⁴⁸⁸ С. Л. Абрамович показывает также и содержание потенциала для варианта, если бы поэт не погиб. Рассматриваются неосуществившиеся планы романа о современности, его прототипы и сюжеты.

Диаметрально противоположные отношения к одному и тому же событию, как это видно из оценки разными авторами дуэли Пушкина, показывают относительность и субъективность понятия историческая случайность. Немецкий исследователь Р. Козеллек, рассуждая на эту тему, сравнивает две интерпретации одного и того же исторического события. Речь идёт о смерти императрицы Елизаветы в 1762 г. и последующих внешнеполитических действиях Петра III. Прусский историк Й. Архенгольц в 1791 г. назвал смерть Елизаветы и воцарение Петра III «величайшим благодеянием Фортуны», спасшим Фридриха и Пруссию от гибели. А в XIX веке Ранке указывал на то, что эта смерть лишь обнажила сколь незначительная «внутренняя необходимость» была присуща существовавшему до того «сочетанию обстоятельств».⁴⁸⁹

Происхождение понятие «случайность» Р. Козеллек выводит из эволюции образа богини Фортуны. По его мнению, «говорить о месте случайности в исторической науке трудно, поскольку у неё в историографии своя собственная, ещё не написанная история»⁴⁹⁰. Сам Р. Козеллек полагал, что частный факт вполне может стать структурообразующим для всей исторической ситуации в целом.⁴⁹¹

Под случайностью как пересечением двух разных причинных цепей иногда подразумевается столкновение двух развивавшихся независимо друг от друга обществ или цивилизаций. А. Я. Гуревич и Б. Г. Могильницкий приводят

⁴⁸⁸ Абрамович С. Л. Предыстория последней дуэли Пушкина. СПб., 1994. С.23-24.

⁴⁸⁹ Козеллек Р. Случайность как последнее прибежище историографии // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 180.

⁴⁹⁰ Козеллек Р. Указ. Соч. С. 171.

⁴⁹¹ Koselleck R. Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt a. M., 1979.

пример вторжения европейцев в Америку, Азию и Африку во время Великих географических открытий, что было случайностью для коренных жителей этих частей света.⁴⁹² К этому же типу явлений можно отнести и непредвиденные встречи двух людей, значительно изменившие ход истории.

Разделение социальных систем на части также конвенционально-субъективно и условно-относительно. Вернёмся к примеру с колонизацией. Расселение предшественников будущих цивилизаций из единых афро-азиатских корней шло так, что социально-экономическое, географическое и культурное развитие одной цивилизации толкнуло её к мореплаванию и военной и экономической экспансии. В свою очередь условия развития другой цивилизации не позволяли ей противостоять неожиданной экспансии. Такая ситуация с точки зрения всего комплекса географических и культурных условий вовсе не случайна для неподготовленных и пострадавших народов. Неожиданность появления захватчиков не является синонимом случайности. Далеко не всё неожиданное можно назвать случайным.

Если мы можем условно разделить человечество на независимо развившиеся сообщества, то мы также условно можем разделить и любую социальную систему, будь то страна, жители одного города или одного дома, на отдельные части, которые какой-то период времени развивались независимо друг от друга. Тогда любые взаимодействия между людьми, по определению, становятся тождественны случайности, и понятие «случайность» вновь становится избыточным.

2.2.5. Определение «исторической случайности» как незначительного события, имевшего значительные последствия.

Часто под исторической случайностью подразумевают незначительное событие, имевшее значительные последствия. В дискурсивной практике советской историографии принято было различать «повод» исторических

⁴⁹² Гуревич А. Я. Общий закон и конкретная закономерность истории // Вопросы истории. 1965. № 8. С. 26.; Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. М., 1989. С. 49.

событий и причины или условия, которые могут «созреть» или «не созреть». Чаще всего приводились примеры поводов к войнам и восстаниям. При этом отмечалось, что если условия созрели, какой либо повод обязательно найдётся, если же повод не возник спонтанно, то его создадут искусственно. В свою очередь, никакой повод не может спровоцировать события, для которых ещё не созрели условия. Такой подход связан не столько с детерминизмом, сколько с рационализмом. Ещё Монтескье считал, что все случайности находятся в подчинении у общих причин. В своём труде о величии и падении римлян он писал: «Если случайно проигранная битва, то есть частная причина, погубила государство, то это значит, что была общая причина, приведшая к тому, что данное государство должно было погибнуть вследствие одной проигранной битвы. Одним словом, все частные причины зависят от некоторого общего начала».⁴⁹³

Исторические штудии, в которых рассматриваются малые воздействия с большими последствиями, то есть причины, не являющиеся внутренне присущими устойчивыми характеристиками явлений, часто вызывают дискуссии о роли «гвоздя из лошадиной подковы». Это фраза известного детского стихотворения, ставшего популярным эпиграфом в книгах и статьях по альтернативистике.⁴⁹⁴ Таких как, например, книга американского автора Э. Дуршмида «Победы, которых могло не быть», где он рассматривая великие битвы от античности до новейшего времени, доказывает, что их исход зависел от незамеченных мелочей.⁴⁹⁵ Такой подход также имеет давние традиции. В XVIII веке целое историческое направление опиралось на подобные доказательства. В качестве примера можно привести написанный Рише [Richer] в 1758 году «Очерк великих событий, вызванных незначительными причинами». Вольтер, признавая роль случая, писал о злоупотреблении этим

⁴⁹³ Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. М., 1955. С. 128-129.

⁴⁹⁴ Не было гвоздя – / Подкова пропала. / Не было подковы – / Лошадь захромала. / Лошадь захромала – / Командир убит. / Конница разбита – / Армия бежит. / Враг вступает в город, / Пленных не щадя, / Оттого, что в кузнице / Не было гвоздя. Перевод с английского С. Я. Маршака.

⁴⁹⁵ Дуршмид Э. «Победы, которых могло не быть» СПб., 2000.

принципом: «...современные явления не являются детьми всех происшедших явлений: они имеют свои прямые линии, но небольшие боковые линии не служат им ни к чему. Ещё один раз: всякое существо имеет отца, но не всякое существо имеет детей».⁴⁹⁶ Гольбах в своей «Системе природы» понимал случай как незначительную причину, имеющую значительные последствия. Он отмечал, что судьба человека и человечества зависит от множества незаметных и мимолётных обстоятельств, разглядеть которые вовремя у человека часто не хватает ни добросовестности, ни проницательности, он всё приписывает случаю: «Достаточно было иногда надлежащей диеты, стакана воды, кровопускания, чтобы спасти от гибели царства».⁴⁹⁷

В новейшее время также продолжались дискуссии вокруг роли «гвоздя из подковы». «Случайность или псевдослучайность?» – так могла бы быть сформулирована основная тема полемики о случайностях в ходе Гражданской войны в США, между Д. МакКлоски и М. Шермером. Битва при Геттисберге: неожиданно успешная атака северян, вдохновленных красноречием своего полковника, пуля, сразившая С. Джексона, сердечная болезнь генерала Ли, неспособность Лонгстрита ни заставить Ли взять левее, ни сместить его...Все эти не столь значительные сами по себе факты – тот самый гвоздь для подковы, которые ассоциируются у Д. МакКлоски с хаотическими проявлениями в истории.⁴⁹⁸ Михаэль Шермер, возражает Д. МакКлоски: «Королевство было потеряно из-за отсутствия 100000 гвоздей для лошадиных подков, всадников, винтовок, амуниции» По мнению Шермера, «гвоздь для лошадиной подковы» может вызвать потерю королевства, только если все условия будут способствовать этому.⁴⁹⁹

Подходу «существенно всё» М. Блок призывал противопоставить рациональную иерархизацию причинно-следственных связей. Принципы этой иерархизации М. Блок поясняет на классическом примере с падением человека

⁴⁹⁶ Вольтер. Статьи и материалы // Под ред. В. П. Волгина. М.; Л., 1948. С. 212.

⁴⁹⁷ Гольбах П. Система природы, или о законах мира физического и мира духовного. М., 1940. С.147.

⁴⁹⁸ Цит. по. Левандовский М. И. Указ. Соч. С. 136.

в пропасть в результате неосторожного шага. Конкретная причина падения – это последний неосторожный шаг. И не потому, что он более необходим или достаточен для события, чем остальные предшествующие падению события. Все они могут быть в равной степени необходимыми. Но среди всех других он выделяется чёткими чертами: он был последним, наименее постоянным, наиболее исключительным, в общем ходе событий, наконец, в силу именно наименьшей всеобщности, его вмешательства легче всего было избежать.⁵⁰⁰

Недостаточность «незначительных поводов» самих по себе для масштабных исторических процессов и достаточность для этих процессов «созревших условий» убедительно доказывают, что незначительные события не могут быть причиной возникновения альтернатив масштабным историческим процессам. Иногда, впрочем, эту, верную по сути логику, используют для неверных доказательств безальтернативности истории. При этом «зрелость условий» для каких-либо событий отождествляется с неизбежностью этих событий, когда никакие «случайности» не в силах ничего изменить.

2.2.6. Опыт корректного определения понятия «историческая случайность».

Случайность допустимо определить как событие, чьи причины в принципе невозможно установить, так как этих причин громадное множество, все они незначительны и действуют одновременно и быстротечно. Например, когда говорится, что некто «случайно обратил внимание на что-то», имеется ввиду не беспричинность этого внимания, а то, что мелких нефиксируемых внутренних и внешних причин так много, что их невозможно отследить. Под данное определение случайности подходят также многие климатические, физические и физиологические явления. Однако в историческом исследовании данное определение не применимо практически. Каждое мгновение человеческой

⁴⁹⁹ Там же. С. 138.

⁵⁰⁰ Блок М. Апология истории. М., 1973. С. 108.

жизни переполнено такими «случайными» событиями. Как выделить наиболее важное? По значимости последней? Как измерить значимость явления, о казуальных связях которого, по определению, ничего не известно?

Корректным представляется следующее определение исторической случайности: *случайным будет такое влияние одного события на другое, которое, во-первых, являлось результатом акта свободной воли какого-либо субъекта, но не являлось её целью, во-вторых, не являлось устойчивой, повторяющейся связью.* При данном определении в объём понятия историческая случайность не будут входить физические и физиологический явления. Для разъяснения того, что означает «являться результатом деятельности свободной воли какого-либо субъекта, но не быть его целью», рассмотрим пример из обыденной жизни. Если два человека неожиданно и непредвиденно друг для друга столкнулись в одно время в одном месте, то эта встреча будет случайностью, если она не являлась целью и следствием деятельности и желания другого человека. В противном случае неожиданная встреча уже не была случайностью. Рассмотрим далее возможное развитие данной гипотетической ситуации. Допустим, упомянутая выше встреча привела к значительным последствиям в жизни многих людей. Эти значительные последствия будут случайными, только если они не являлись целью тех же самых третьих лиц организовавших «неожиданную встречу». Впрочем, поскольку каждое событие неисчерпаемо, можно до бесконечности углубляться в то, какие ещё события повлияли на упомянутые выше «значительные последствия», и какие из этих повлиявших событий были случайными. Такое углубление не будет противоречить предложенному здесь определению случайности. Другой вопрос – допустимо ли вообще масштабное, значительное историческое событие, состоящее из множества других «микрособытий», считать случайным. Масштабное историческое событие или историческая ситуация является системой из цепи множества как устойчивых и повторяющихся, так и случайных связей между незначительными событиями.

То, что свойства данной системы не выводятся и не зависят непосредственно от свойств составляющих её «микрособытий» является сущностной характеристикой системы как таковой и системности вообще,⁵⁰¹ а вовсе не аргументом в пользу того, что данная историческая ситуация есть случайность. Как систему событий можно рассматривать, в том числе, и судьбу исторической личности.

В качестве примера исторических событий, которые соответствуют предложенному определению исторической случайности, проанализируем один эпизод из истории России XIX века, описанный Н. Я. Эйдельманом. Странствуя летом 1796 г. по южным губерниям Иван Матвеевич Муравьёв, отец будущего декабриста С.Муравьёва-Апостола, вспоминает, что близ Полтавы в имении Хомутец обитает его двоюродный брат Михаил Данилович Апостол. Иван Матвеевич решает навестить брата. Н. Я. Эйдельман пишет по этому поводу следующее: «Не окажись Михайлы Даниловича Апостола дома, находишь он в подпитии или не в духе (как часто бывало), и проехал бы кузен Муравьёв мимо, не стал бы в будущем владельцем Хомутца, и его сына Сергея, вероятно, не послали бы на Украину, потому что офицеров Семёновцев рассылали в 1820-м по тем губерниям, где находилась их родня. А не попав на юг, не стал бы Сергей Муравьёв во главе Южного тайного общества, и ...».⁵⁰² Автор не пошёл далее за пределы состоявшейся истории. Причиной же оставления Михаилом Даниловичем имения в наследство кузену, было то, что кузен подсказал ему, что того не будут судить за двоежёнство, так как прогнанная им первая жена ушла в монастырь. Ополчившейся против него родне Апостол ничего не хотел оставлять в наследство. Связь судьбы будущего декабриста и деятельности Южного общества с описанной встречей кузенов есть историческая случайность. Во-первых, потому что будущие исторические последствия этой встречи не были целью кузенов, во-вторых, потому что связь

⁵⁰¹

Костюк В. Н. Изменяющиеся системы. М., 1993. С. 11 -13.;

Перегудов Ф. И., Тарасенко Ф. П. Указ. Соч. С. 302.

⁵⁰² Эйдельман Н. Я. Апостол Сергей. Повесть о Муравьёве-Апостоле. М., 1975. С. 20.

между наследством, оставленным историческим деятелям, или интимной жизнью родственников исторических деятелей и их ролью в истории не является устойчивой и повторяющейся связью.

Повторяемость событий и связей между ними изучается в теории вероятности. В теории вероятности случайным называют любое событие, которое нельзя однозначно предсказать, которое при одинаковых условиях может либо произойти, либо не произойти. В обыденном смысле под случайностью часто подразумевают маловероятные события, подобное мнение существует и у некоторых отечественных исследователей. Так К. В. Хвостова приходит к выводу, что «детальный количественный анализ локально-тенденций..., привел бы к более основательной постановке проблемы альтернатив исторического развития. Анализ, в том числе и количественный, роли факторов, вызвавших смену тенденций, приблизил бы к ответу на вопрос о вероятности дальнейшего функционирования, которой обладала прерванная социально-экономическая или политическая тенденция, и тем самым о случайном или закономерном характере факторов, вызвавших прекращение ее развития».⁵⁰³ При обращении к такому определению случайности встаёт проблема измерения вероятности в истории. Эта особая проблема, далее она будет рассмотрена подробно.

Что касается соотношения случайности и закономерности в формировании тенденций исторического развития, то случайности могут как «гасить» друг друга, то есть иметь нейтральное отношение к закономерности, так и усиливать друг друга, то есть составлять содержание закономерности. И то и другое может проявляться в разных исторических ситуациях или на разных этапах развития одной ситуации.

⁵⁰³ Хвостова К. В. Гносеологические предпосылки современной количественной истории // Россия и США на рубеже XIX-XX столетия (Математические методы и моделирование в исторических исследованиях) . М., 1992. С. 8.

2.3. Теоретические аспекты использования категории «возможность» в историческом познании.

Какой бы теоретико-концептуальной и дискурсивно-риторической модели объяснения и описания исторического прошлого ни придерживался историк, ему редко удастся избежать в своих рассуждениях вероятностных общих утверждений, включающих характеристики типа «обычно», «в большинстве случаев», «наиболее возможно», «потенциально склонны», «стало невозможно» и т.д. Возможность и вероятность (мера возможности) являются важной характеристикой любого события. Для исторических событий данные характеристики важны, во-первых, в аспекте объяснения причинно-следственных связей и понимания логики этого объяснения, во-вторых, в аспекте постижения исторического опыта и использования его в современной социальной практике.

Существует традиционное понимание возможности, ведущее начало от Аристотеля. «...Поскольку нечто может существовать в возможности, постольку оно допустимо и в действительности»⁵⁰⁴ Возможность, таким образом, есть предпосылка действительного существования объекта.

Часто возможность определяют через потенциальность. Потенциальность, будучи возможностью, означает не только предпосылку действительного существования объекта. Она означает также наличие различных альтернативных возможностей, каждая из которых может быть реализована не при всех, а только при некоторых условиях. В качестве системной характеристики потенциальность есть «скрытая» реальность сложной системы, определяющая, чем данная система может быть при тех или иных условиях, и чем она быть не может ни при каких условиях.⁵⁰⁵ Именно альтернативность потенциального существования препятствует тому, чтобы оно было актуализовано всё целиком. Альтернативность можно считать исходным

⁵⁰⁴ Аристотель, Физика, 7, 207, 15.

⁵⁰⁵ Костюк В. Н. Изменяющиеся системы. М., 1993. С. 75.

характеристическим свойством потенциального существования, отличающим потенциальное существование от актуального.⁵⁰⁶ На это обратил внимание ещё Аристотель: «В возможности одно и то же может быть вместе (обеими) противоположностями, но в действительности нет».⁵⁰⁷ В новое время эту проблему рассматривал Лейбниц: «Всё возможное требует существования, а потому (любое возможное) и существовало бы, если бы не препятствовало другое (возможное), которое также требует существования и несовместимо с первым».⁵⁰⁸

Представляется важным найти такое определение возможности, которое было бы достаточно функциональным при использовании его в эмпирическом конкретно-историческом исследовании. Таким установкам соответствует следующее определение: *возможность – это такое состояние (или такая ситуация), когда имеется одна часть детерминирующих факторов, но отсутствует другая их часть.* Имеющуюся часть детерминирующих факторов можно определить как условия, благоприятствующие реализации возможности, а отсутствующую часть опосредованно установить через реально существующие условия, которые не благоприятствуют или препятствуют реализации возможности. Факторы реализации исторической возможности, согласно И. Д. Ковальченко, Б. Г. Могильницкому и другим отечественным авторам, разделяются на субъективные (интересы, мотивы, цели людей) и объективные (условия не зависящие от воли людей).

Возможность и действительность соотносятся как становящаяся и ставшая реальность. Причём возможности можно разделить на формальные, реальные, абстрактные, конкретные, обратимые и необратимые.⁵⁰⁹ Данную дифференциацию необходимо учитывать при установлении наличия/отсутствия и появления/исчезновения исторической возможности

⁵⁰⁶ Там же. С.82.

⁵⁰⁷ Аристотель. Метафизика, Г, 1009а, 35.

⁵⁰⁸ Лейбниц Г. В. Соч. М.: Мысль, 1984. Т. 3. С. 123.

⁵⁰⁹ Новейший философский словарь. Минск. 1999. С. 125.

Формальная возможность – всё то, что не исключено сущностными законами развития предмета (в нашем случае – исторической ситуации) и может быть помыслено в непротиворечивой форме в качестве версии его развития, независимо от того, имеются ли в действительности факторы актуализации данной версии. Зарубежные авторы, также как и отечественные, разделяют формальные и реальные исторические возможности. Американский философ и логик Э. Нагель писал по поводу формальных исторических возможностей: «Хотя у людей, принимающих участие в текущих событиях, и имеется значительный диапазон свободного выбора действий, их действительный выбор и действительные поступки находятся в довольно чётко определённых границах. Из всего этого с очевидностью следует, что в некоторый данный период и в некотором данном обществе не всё логически возможное оказывается вместе с тем и исторически возможным».⁵¹⁰ Немецкий антиковед А. Деманд вводит логическую дифференциацию категорий «вообще возможное» и «исторически возможное». Если первое полностью принадлежит сфере воображения и может быть описано в соответствии с формулой Л. Витгенштейна «Was denkbar ist, ist auch möglich», «исторически возможное» может быть определено лишь на основе реального исторического опыта. А. Деманд считает, что определение спектра и степени вероятности исторических возможностей допустимо только на основе трезвого анализа фактической реальности.⁵¹¹

В отличие от формальной, реальная возможность – это возможность, которая не только не может быть помыслена без нарушений законов формальной логики, но и сохраняет факторы актуализации при её сопоставлении с другими возможностями. В этом контексте конструируется понятие вероятности как меры возможности: максимальная вероятность означает акт превращения возможности в действительность.

⁵¹⁰ Нагель Э. Детерминизм в истории // Философия и методология истории. М., 1977. С.102.

⁵¹¹ Цит. по Парамонова М. Ю. Указ. соч. С. 345.

Реальные возможности разделяются на абстрактные и конкретные. Абстрактная возможность – такая, условия реализации которой выступают в качестве возможных. Конкретная возможность – такая, превращение которой в действительность может быть осуществлено на наличном уровне развития предмета при имеющихся реально условиях.

Так, например, с тех пор как появляются деньги, появляется и формальная возможность произвести больше товаров, чем на них предъявляется платёжеспособный спрос. Однако реальной данная возможность стала лишь тогда и там, когда и где товарное производство становится основой экономической системы. В Западной Европе при простом товарном производстве разрыв цепи ДЕНЬГИ-ТОВАР-ДЕНЬГИ в течение ряда столетий являлся лишь абстрактной возможностью кризиса этого производства. Лишь после 1825 года, когда произошёл первый циклический кризис перепроизводства в Англии, такое нарушение естественного процесса товарооборота, более чем на столетие определило уже конкретную возможность экономических кризисов.

Пример из отечественной истории: формальная возможность свержения самодержавия в России появляется вместе с возникновением самодержавия. Реальной данная возможность становится вместе с появлением общественных движений и деятелей, ставящих цели установления в России республиканского строя или конституционной монархии, то есть – в начале XIX века. Из абстрактной в конкретную рассматриваемая возможность превращается во время революции 1905 года (по другим версиям, во время восстания декабристов).

И реальные и формальные возможности разделяются также на обратимые и необратимые возможности. Обратимая возможность – это возможность, превращение которой в действительность симметрично трансформирует статус прежней действительности в возможный. Необратимая возможность – это возможность, превращение которой в действительность придаёт прежней

действительности статус невозможной. В теории систем понятие обратимости означает, что система не может вернуться (за характерное для неё время) в исходное (первоначальное) состояние.⁵¹²

Обратимость и необратимость – две диалектически неразрывно связанные характеристики для каждой конкретной исторической возможности. Обратимость победы одних социальных сил и тенденций одновременно может означать необратимость сохранения преимуществ и превосходства противостоящих социальных сил и тенденций. К примеру, обратимость «контрреформ» Александра III, вытекала из необратимости ускорения развития капитализма в России и необратимости усиления влияния либералов.

При установлении обратимости или необратимости исторической возможности важно учитывать, прежде всего, два аспекта:

Во-первых, следует определиться, рассматриваем ли мы историческое событие с точки зрения его конкретно-исторической уникальности, или с точки зрения его типологических свойств как социального (экономического, культурного и т.д.) явления. Обратимость также может быть формальной, абстрактной и конкретной. Так, свержение монархической власти как историческое явление – обратимое событие, чему можно найти подтверждения в прошлом многих стран, но свержение монархической власти в России как конкретно-историческое уникальное явление, по-видимому, необратимое событие. Возможность циклического кризиса перепроизводства в капиталистической экономической системе обратимая возможность не только в принципе – как экономическое явление, но и во всех известных в прошлом конкретных кризисах. Необратимый перманентный разрыв цепи ДЕНЬГИ-ТОВАР-ДЕНЬГИ невозможен даже формально. Существование харизмы политического лидера как социально-психологическое явление – обратимое событие в течение жизни лидера, но влияние харизмы Фиделя Кастро на кубинцев – уже необратимо.

⁵¹² Костюк В. Н. Указ. соч. С. 51.

Во-вторых, каждое событие имеет как обратимые, так и необратимые следствия, и поэтому не всегда можно говорить об обратимости или необратимости всех процессов составляющих то или иное историческое событие. Так, уже упоминавшийся экономический кризис перепроизводства хоть и обратимое событие, но влияние кризиса на судьбы поколений имеет необратимый характер. Возврат Наполеона к власти после первой ссылки был обратимой возможностью, однако, он продемонстрировал, что вера в Наполеона, влияние его авторитета, его харизма были необратимы для многих французов. Свержение самодержавия в России – необратимое событие, но запрет вследствие свержения самодержавия официального почитания царя в Советском Союзе – обратимое событие.

Одна из распространённых ошибок при изучении исторической альтернативы – неоговариваемое расширение альтернативной ситуации; когда несколько разных альтернативных ситуаций объединены в одну. Это может проявляться, в том числе, в отождествлении обратимости с безальтернативностью. Например, Ю. Каграманов из обратимости возможной победы Гитлера в СССР выводит безальтернативность исхода Великой отечественной войны, а из обратимости возможной «задержки» холодной войны – безальтернативные перестройки в СССР.⁵¹³ Между тем возможности исхода Великой отечественной войны в случае, если бы Гитлер захватил территорию до Урала, и в том случае, как всё совершилось в действительности прошлом – это две совершенно разные ситуации в разных условиях. Перестройка, начатая в 80-х годах, и перестройка, начатая в 90-х годах – это также были бы непохожие друг на друга процессы. Поэтому историческая обратимость порождает новую альтернативность новых событий, а не сохраняет изначальную безальтернативность прежних событий.

Дихотомической противоположностью категории «возможность» является не только «невозможность», но и «неизбежность». Невозможность и

⁵¹³ Каграманов Ю. А могло ли быть иначе? // Новый мир. 1999. № 4. С. 216-218.

неизбежность – это «две стороны одной медали». Неизбежность одного события одновременно означает невозможность событий, которые могут предотвратить неизбежное событие. В свою очередь, невозможность какого-либо события означает неизбежность того, что произойдут события, которые воспрепятствуют осуществлению невозможного события. Поэтому, доказывая неизбежность какого-либо события, следует найти связанные с ним невозможные события, и наоборот.

2.4. Соотношение выбора историка и выбора субъектов исторической деятельности.

В философском осмыслении категории "возможность" существует мнение, что только понятая как экзистенция эта категория приобретает своё адекватное и полновесное значение, поскольку человек всегда не завершён, может стать иным в своём бытии.⁵¹⁴ Эту мысль поясняет Э. Ю. Соловьёв: «Ему одному [человеку] свойственно быть озабоченным своими нереализованными задатками, спрашивать, что он такое в возможности, страдать от того, что он "не сбылся", "не состоялся", "не осуществился"... Говорят, правда, и о невыявленных возможностях материала; о растении или о животном, которое развилось "не в меру своих сил", о скрытых потенциях экономического уклада и т.д. Но все эти выражения правомерны, по мнению Хайдеггера, лишь постольку, поскольку известные виды сущего сами становятся объектом человеческой заботы, используются людьми, или по крайней мере осмысляются им по схеме использования и культивирования... Независимо от человека возможностями обладает только сам человек»⁵¹⁵ Из этих положений допустимо вывести, что историческая возможность не существует вне исторического сознания. В связи с этим при изучении исторических альтернатив прошлого первостепенное значение приобретает анализ соотношения выбора историка и выбора субъектов исторической деятельности.

Желания, планы и мечты людей прошлого – это также факты истории, и историк может отойти от предмета исторической науки и даже от научности вообще, если будет подменять эти факты истории своими собственными желаниями и мечтами. Ведь люди прошлого могли действовать только в соответствии со своими целями, мотивами и знаниями, и историк должен с этим считаться.

⁵¹⁴ Комоедов Ю. В. Проблема выбора возможностей в историческом процессе (историко-философский аспект). Дисс. филос. Наук: 09.00.03. Краснодар, 1999. С. 113.

2.4.1. Оценка историком роли исторического деятеля в альтернативности исторического развития.

В качестве исторических альтернатив должны рассматриваться не наши модели «переделанного» прошлого, а варианты действия, которые моделировали в своих намерениях и желаниях исторические деятели или люди, составлявшие социальные группы. Исследовательское поле при изучении исторических альтернатив будет представлять собой пересечение этих вариантов действий, то есть то, как планировали действовать одни индивиды, при условии определённых действий, планируемых другими индивидами или их группами

Если мы не в состоянии установить из-за недостатка источников, что представляла собой вышеуказанное пересечение вариантов планируемых действий, то допустимо исходить из правдоподобности гипотез относительно желаний и поведения субъектов исторической деятельности.

Каковы критерии правдоподобности в данном случае? Прежде всего, важно учитывать время, когда о возможности и вероятности событий, рассматриваемых в качестве альтернатив, преждевременно выносить суждения. Преждевременность связана с тем, что не существует субъектов выбора изучаемой альтернативы, либо эти субъекты ещё не рассматривали анализируемые историком исторические возможности в качестве альтернатив своих действий. Например, М. Ю. Лотман пишет о том, что «исход сражения при Ватерлоо не мог быть однозначно предсказан, как нельзя было предсказать в момент рождения Наполеона, выживет этот ребёнок или нет».⁵¹⁶ Безусловно, если бы Наполеон не родился, битвы при Ватерлоо вообще бы не было (был бы деятель, подобный Наполеону, и битва, подобная Ватерлоо, это уже другой вопрос). Однако до того, как принимались решения, связанные с битвой при Ватерлоо, бессмысленно рассуждать о её возможности. Будучи младенцем,

⁵¹⁵ Соловьёв Э. Ю. Прошлое толкует нас. М., 1991. С. 379-380.

⁵¹⁶ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 97.

Наполеон ещё не помышлял ни о каких битвах, и даже во время завоеваний в Европе в планах Наполеона не было именно битвы при Ватерлоо.

Распространённые рассуждения о том, что не будь одного исторического деятеля, его роль сыграл бы кто-то другой, некорректны в том случае, если не рассматриваются конкретные достоверно существовавшие претенденты на «вакантную историческую роль», оказывавшиеся перед альтернативой – «сыграть» или «не сыграть» данную историческую роль. Если известных претендентов не было, значит отсутствовал и субъект исторического выбора, точнее нет оснований полагать, что он был.

Классическим примером такого понимания роли личности в истории является статья Г. В. Плеханова «К вопросу о роли личности в истории». Впрочем, в этой статье автор, как правило, корректен в рассуждениях о заменимости исторического деятеля и приводит имена потенциальных «претендентов» на «историческую роль». Так, рассуждая о Наполеоне, Плеханов пишет: «Директория не могла восстановить порядок, которого больше всего жаждала теперь буржуазия, избавившаяся от господства сословий. Для восстановления порядка нужна была «хорошая шпага», как выражался Сийэс. Сначала думали, что роль благодетельной шпаги сыграет генерал Жубер, а когда он был убит при Нови, стали говорить о Моро, о Макдональде, о Бернадоте. О Бонапарте заговорили уже после; а если бы он был убит, подобно Жуберу, то о нём и совсем не вспомнили бы, выдвинув вперёд какую-нибудь другую «шпагу»».⁵¹⁷

По поводу некорректного понимания роли личности в истории иронизировал австрийский мыслитель Людвиг фон Мизес (1957): «Что бы случилось, если лейтенант Наполеон Бонапарт был бы убит в битве при Тулоне? Фридрих Энгельс знает ответ: «Его место занял бы кто-то другой». Ибо «человек всегда находится, как только возникает необходимость»'. Необходимость для кого и для какой цели? Очевидно, для материальных

⁵¹⁷ Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Том II. М., 1956. С. 325-326.

производительных сил, чтобы впоследствии привести к социализму. Похоже, материальные производительные силы всегда имеют в запасе замену, точь-в-точь как предусмотрительный оперный антрепренер имеет дублера, готового исполнить партию тенора, если звезда вдруг подхватит простуду. Если бы Шекспир умер в младенческом возрасте, то «Гамлета» и «Сонеты» написал бы другой человек. Но возникает вопрос, а чем реально занимался этот заместитель, так как хорошее здоровье Шекспира освободило его от этой поденщины?»⁵¹⁸

При этом Л. Мизес различает использование сослагательных аргументов о роли личности в истории в сфере политики и в сфере культуры. «Государственный деятель может добиться успеха только в той мере, насколько его планы соответствуют общему настроению его времени, т.е. идеям, которые владеют умами его сограждан. Он может стать лидером только в том случае, если готов вести людей по тому пути, по которому они хотят идти, и к цели, которую они хотят достичь. ...Совсем другое дело пионеры новых течений мысли и новых направлений искусства и литературы. Первооткрыватель, пренебрегающий аплодисментами, которые он мог бы получить от широких масс своих современников, не зависит от идей своей эпохи. Он волен сказать вместе с шиллеровским маркизом Позой: «Мое столетие для этих идеалов не созрело. Я — гражданин грядущих поколений.»⁵¹⁹

Тем не менее, Л. Мизес отрицает принципиальную зависимости «степени заменимости» исторических лиц от сферы их деятельности. «Историк может показать, как новая идея вписалась в идеи, разработанные прежними поколениями, и в каком смысле она может рассматриваться в качестве продолжения этих идей и их логического следствия. Новые идеи не возникают из идеологического вакуума. Они порождаются существующей идеологической

⁵¹⁸ Л. фон Мизес. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. М., 2001. С. 134-135.

⁵¹⁹ Там же. С. 135.

структурой; они являются реакцией разума человека на идеи, разработанные его предшественниками. Однако безосновательно предполагать, что они обязаны появиться и что если бы их не породил *A*, то это сделали бы *B* или *C*. В этом смысле то, что ограниченность нашего знания заставляет нас называть случайностью, играет свою роль в истории. Если бы Аристотель умер в детском возрасте, то интеллектуальной истории был бы нанесен ущерб. Если бы Бисмарк умер в 1860 г., то мировые события развивались бы в ином направлении. В какой степени и с какими последствиями, никто не знает»⁵²⁰.

Подобного мнения, уже относительно оценки роли Гитлера в истории, придерживается немецкий исследователь Голо Манн. На вопрос, изменилось бы что-то в случае убийства Гитлера во время «пивного путча» 1923 г., Г. Манн ответил, что «изменилось бы всё ... как и в каком смысле, этого мы не знаем. Но не было бы Третьего рейха в том виде, в каком он возник под руководством Гитлера».⁵²¹

Есть ещё один важный аспект удобства использования концепция “заменяемости” исторического деятеля. Бывают ситуации, когда созрели все условия для осуществления какой-либо исторической цели. Эта цель является насущной потребностью для каких-либо социальных групп или слоёв. Но при этом не появляется деятель, который приведёт к достижению этой цели. Конечно, претенденты, пытающиеся сделать это, будут, но они так и не смогут добиться своего. Проще всего для историка сослаться на “несозревшие условия”, но такой аргумент будет уходом от ответа на вопрос: почему не появился тот Человек, которого все ждали, и который Единственный мог бы помочь? Отсюда многие упущенные возможности и потерянные пути истории, трагедии нереализовавшихся поколений, неоправдавшихся надежд и разочарований в тех, кому верил. Этот желанный Человек мог просто не оказаться в нужном месте в нужное время или вообще не родиться. Загадка истории в том, почему в одних ситуациях этот Человек появляется, а в других –

⁵²⁰ Там же.

нет. Разгадать эту загадку не всегда возможно. Концепция “заменяемости” – это просто непризнание проблемы как таковой. Попытки разгадать эту загадку до сих пор приводили лишь к появлению экзотических и сомнительных гипотез, как, например, теория Л. Н. Гумилёва о влиянии космических воздействия на пассионарность этносов, либо, чаще всего, к ничего не объясняющим ссылкам на историческую случайность.

2.4.2. Навязывание историком своего понимания рациональности субъектам исторического выбора.

В правдоподобных гипотезах историк не рассчитывает на то, что участники исторических событий станут принимать только оптимально верные решения, так как людям всегда свойственно в чём-то ошибаться из-за недостатка информации и из-за иррациональных мотивов их поведения. Лейбниц сказал по этому поводу: «Если Бог делает выбор, то это происходит на основании лучшего, а когда человек делает выбор, то он склоняется на ту сторону, которая произвела на него сильнейшее впечатление»⁵²².

В качестве примера нарушения данного критерия правдоподобности можно рассмотреть эссе А. Дж. Тойнби «Если бы Филипп и Артаксеркс уцелели...».⁵²³ Это эссе, так же как и подобное эссе «Если бы Александр не умер тогда...», сочетает в себе эрудицию автора с добротным чувством юмора. Тойнби не претендует на правдоподобность, но именно поэтому в контексте рассмотрения критериев правдоподобности интересна гипотеза о том, как пошла бы история, если бы в 336 году не удались покушения на македонского царя Филиппа и на персидского царя Артаксеркса, и на исторической сцене уже не играли бы ведущих ролей Александр Македонский и Дарий Кодоман. Соперничество уцелевших Филиппа и Артаксеркса в модели Тойнби представляет собой цепь исключительно рациональных и предельно оптимальных политических решений и действий с обеих сторон. Так,

⁵²¹ Цит по. Савельева И. М., Полетаев А. В. Указ. соч. С. 652.

⁵²² Лейбниц Сочинения. М., 1982. Т.1. С. 380.

Артаксеркс решает не совершать похода в Средиземноморье, чтобы не истощать казну и не провоцировать сепаратизм на окраинах, а встретить Филиппа во всеоружии ресурсов у Евфрата и подкупить персидским золотом греческих союзников македонцев. Получив такую отсрочку от Персии, Филипп смог избавиться одновременно от двух зол – от галльских набегов и от римского натиска. Для этого он вернул этрускам и италикам земли, ранее захваченные Римом, а римлян переселил на север Италии для борьбы с варварами. После этого Филипп угадывает план Артаксеркса, и беспрепятственно взяв под контроль Сирию и Финикию, он не стал переходить Евфрат, тем самым отрезав Персию от Средиземноморья. В ответ на это Артаксеркс идет на переговоры и признает независимость Египта, Финикии и южной Сирии в обмен на неприкосновенность Месопотамии. После этого Филипп избавляется от своих итальянских противников – осков, бруттиев, самнитов – предложив их персидскому царю в качестве переселенцев для охраны оазисов Бактрии и Согдианы, и даже дарит полководца для новой армии, им станет недовольный Антигон. Цепь оптимально верных действий продолжается и после того, как Филипп выигрывает мирное состязание с царем царей и сравнивает средиземноморскую экономику с ближневосточной. Однако самые неправдоподобные события начинаются, когда Артаксеркс перенимает греческий опыт и превращает все города и оазисы своей империи в автономные полисы на основе древней вавилонской традиции городского самоуправления. В ответ на этот шаг Филипп делает то же самое в своих владениях. Таким образом, главные субъекты исторических решений у Тойнби не совершают ошибочных (с точки зрения Тойнби) действий, а все свои просчеты обращают себе на пользу. По сути, в подобного рода моделировании несостоявшейся истории мы имеем дело не с тем, что бы делали исторические деятели в альтернативной свершившемся ситуации, а с тем, как бы хотел действовать историк, окажись он на месте этих исторических деятелей. При

⁵²³ Тойнби А.Дж. Если бы Филипп и Артаксеркс уцелели...// Знание-Сила. 1994. № 8.

такой формулировке полная фантастичность и ненаучность (если бы автор модели претендовал на научность) таких гипотез становится очевидной. Фантасты уже давно эксплуатируют такие сюжеты, помещая своих героев в прошлое и даже внедряя их сознание в сознание исторических деятелей.

В правдоподобных гипотезах историк не пытается судить о мотивах поведения людей исторического прошлого, беря за основу мотивы поведения современных людей, а пытается по мере возможности восстановить ментальность эпохи, в которой развёртывалась та или иная историческая альтернатива. В связи с данным положением сравним толкование двумя разными историками одной и той же исторической ситуации.

В. Б. Кобрин в своей книге «Иван Грозный» рассуждает о том, наиболее ли удачный путь централизации, ликвидации удельного сепаратизма в русском государстве был избран в XVI веке. Автор утверждает, что существовала реальная альтернатива тому пути, по которому пошел царь Иван, вводя опричнину. По мнению В. Б. Кобрина, существование этой альтернативы показала деятельность Избранной рады, при правлении которой были начаты глубокие структурные реформы, направленные на достижение централизации. Этот путь не только был не таким мучительным и кровавым, как опричный, он и обещал результаты более прочные и исключал становление снабжённой государственным аппаратом деспотической монархии. Но этот путь не обещал результатов немедленных.

В. Б. Кобрин, характеризуя опричнину, противостоит распространённой версии о том, что посредством опричнины Иван Грозный боролся с враждебным его власти боярством. Он не согласен с тем, что боярство выступало против государственной централизации, а дворянство являлось своего рода опорой царской власти. Как и падение Избранной рады, введение опричнины он объясняет стремлением царя любым путём, включая террор, укрепить единоличную власть.

В. Б. Кобрин замечает, что «властолюбивый подданный не может надеяться на победу в конфликте с властолюбивым монархом», то есть падение Избранной рады было неизбежным. Здесь возникает риторический вопрос: являлась ли реально осуществимой альтернатива, если поражение данной альтернативы было неизбежным? Противоречие в данном случае очевидно. Однако не очевидно неявное навязывание субъектам исторического действия политических мотивов, рациональных с точки зрения современного историка, но не обязательно присущих самим историческим деятелям. Рациональные мотивы централизации и укрепления личной власти преломлялись через иррациональные мотивы неуравновешенной личности Ивана IV, более того, трудно установить существовали ли вообще эти рациональные мотивы, или они представляют собой только попытку историков рационально объяснить нерациональное (с точки зрения современного здравого смысла) поведение царя.⁵²⁴

Ю. М. Лотман, рассматривая тот же исторический эпизод, что и В. Б. Кобрин, считает что альтернативы для политической ситуации России того времени следует рассматривать только как альтернативы внутри иррациональной логики царя Ивана в контексте русской средневековой ментальности. В связи с этим Ю. М. Лотман анализирует как сферу непредсказуемости такое специфическое явление русской культуры, как самодурство. Поведение самодура может реализоваться как обесмысленное и безграничное новаторство, нарушение стабильности ради самого нарушения. Поступок непредсказуем, как поведение романтического безумца, между действиями которого нет причинно-следственной связи.

Если рассматривать его поведение с точки зрения семиотики культуры, то оно представляется как сознательный эксперимент по преодолению любых запретов. Автор обращал внимание, прежде всего, на этические запреты и бытовое поведение. Эта та область, в которой эксцессы поведения царя не

⁵²⁴ Кобрин В. Б. Иван Грозный. М., 1989. С. 36-59.

могут быть мотивированны никакими государственными соображениями, но в то же время они влияли на политику.⁵²⁵

Ю. М. Лотман выделил следующие альтернативные мотивы поведения Ивана Грозного: вопрос о том, во Христе или во дьяволе дарована власть, приводил к резким переломам поведения от святости к греху; желание избавиться от противоречий между святостью и грехом приводили к совмещению их в юродствовании; чередование ролей безграничного властителя и беззащитного изгнанника (сама опричнина включает в себя двойную психологию – поиск безопасного убежища и неограниченное самодержавие).⁵²⁶

Подводя итог по рассматриваемой проблеме, Ю. М. Лотман пишет: «В самой основе поведения Грозного лежало возведённое в государственную норму «самодурство»: поведение не складывалось в последовательную, внутренне мотивированную политику, а представляло собой ряд непредсказуемых взрывов. «Непредсказуемость» в данном случае следует понимать как отсутствие внутренней политической логики, однако в области личного поведения смена взрывов жестокости и эксцессов покаяния позволяет говорить об упорядоченности, которая представляет область психопатологии. Выход за пределы структуры, может реализоваться как предсказуемое, перемещённое в другую структуру».⁵²⁷

Таким образом, если принять предлагаемый нами критерий правдоподобности моделирования исторического выбора, то выводы Ю. М. Лотмана более правдоподобны, чем выводы В. Б. Кобрин.

В методологическом плане следует отметить несколько попыток теоретического обоснования и алгоритмизации рационалистических подходов к объяснению выбора субъекта исторической деятельности. В начале 70-х годов финский логик и философ Г. Х. фон Вригт ввёл в оборот схему, которую

⁵²⁵ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 128-130.

⁵²⁶ Там же. С.132-134.

⁵²⁷ Там же. С.135.

он назвал «практическим силлогизмом», и которая, по его мнению, обеспечивает общественные и исторические науки объяснительной моделью (в альтернативу подведению фактов под общие законы): *A* намеривается осуществить (вызвать) *p*; *A* считает, что он не сможет осуществить *p*, если он не совершит *a*; следовательно *A* совершит *a*.⁵²⁸ Нетрудно рассмотреть родство данного силлогизма и понятия целерационального действия, лежащего в основе «идеального типа» М. Вебера: во-первых, целерациональное действие предполагает осознание действующим индивидом цели */P/*; во-вторых, использование признаваемых действующим индивидом как адекватных средств */a/*.⁵²⁹ Модель «идеального типа» М. Вебера строится как выявление целерационального действия с последующим выяснением искажений и реальных влияний, оказанных на это целерациональное действие, которое «в чистом» виде нигде и никогда не встречается.

К. Гемпель предложил следующую модель объяснения рационально мотивированного поведения исторических деятелей:

- 1) Деятель *A* находится в ситуации *C*.
- 2) В то время он являлся рационально действующим лицом.
- 3) Любое рационально действующее лицо в ситуации типа *C* обязательно (или с высокой вероятностью) делает *X*.
- 4) *A* сделает (или сделал) *X*.⁵³⁰

Учитывая неоднозначность и историческую обусловленность понятия «рациональности», представляется допустимым внести коррективы в приведённую здесь схему К. Гемпеля при использовании её в изучении выбора альтернатив субъектом исторической деятельности. В втором пункте допустимо использовать понятие «не рационально (иррационально) действующее лицо». В третьем пункте не допустимо использовать понятие

⁵²⁸ Вригт Г. Х. Логико-философские исследования: Избр.тр. М., 1986. С. 127-128.

⁵²⁹ Гайденок П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М., 1991. С. 56.

⁵³⁰ Гемпель К. Мотивы и «охватывающие» законы в историческом объяснении // Философия и методология истории. М., 1977. С. 86.

«любое рационально (или не рационально) действующее лицо», так как следует учитывать культурно-исторический контекст действий, поэтому корректнее не «любое лицо», а «данное лицо в данной культурно-исторической среде», то есть «конкретный деятель *А*».

2.4.3. Проблема адекватности математического контрфактического моделирования истории.

Одним из методов, претендующих на увеличение правдоподобия моделей несостоявшейся истории, является использование математических вычислений. Наиболее показательным представляется анализ уже упоминавшейся классической работы Р. Фогеля «Железные дороги и экономический рост» (1964) о развитии Америки XIX века при отсутствии железных дорог. Для сравнения с отечественными исследованиями, где использовались математические методы в контрфактическом моделировании истории можно выделить работу Ю. П. Бокарева, изучавшего модель возможной безденежной экономики в 20-х годах в СССР. Ю. П. Бокарёв использовал сходные с Р. Фогелем методические установки (исключение из экономической системы какого-либо фактора и построение контрфактической модели развития экономики в отсутствие этого фактора). Однако, при этом Ю. П. Бокарёв не пользовался парадоксальной логикой Р. Фогеля, согласно которой значительные воздействия на систему хозяйства могли не привести к столь же значительным последствиям. Кроме того, в исследовании Ю. П. Бокарёва контрфактическое моделирование является всего лишь вспомогательным и не единственным методом, в отличие от исследования Р. Фогеля.

При оценке адекватности модели Р. У. Фогеля, не надо, конечно, забывать, что ошибки выдающегося ума так же поучительны, как и открытые им истины. Один из первых критиков «эконометрического направления» американский исследователь М. Десай выдвинул идею так называемого «недоопределения моделей». При моделировании какой-либо связи между какими-то переменными очень важно не потерять другие связи, оказывающие

влияние на изучаемую связь. Если же такие потери произойдут, то это приведёт к неправильной, «недоопределённой» модели, а значит, и к неверным выводам. По мнению М Десая, для историка преграда «недоопределения» непреодолима. Первоначального количества информации, которой обладает историк, не всегда достаточно даже для построения достоверного уравнения зависимостей. Так, например, наиболее часто критиковалось оппонентами Фогеля предположение о том, что цены на перевозки по водному транспорту в «контрфактической ситуации» остались бы равными действительным ценам 1890 г. Аргументы Р. Фогеля таковы: 1) нет причин полагать, что цена постройки и эксплуатации дополнительного количества грузовых судов возросла бы; 2) увеличение цены по эксплуатации каналов и шлюзов было бы незначительно по сравнению с увеличением перевозимых грузов. М. Десай замечает, что цены на перевозки водным транспортом испытывали сильное влияние железнодорожных тарифов. Поэтому отсутствие в прошлом железных дорог означало бы не только увеличение количества грузов на воде, но и в первую очередь прекращение этого влияния. В связи с этим цены на перевозки по водному транспорту не могли остаться неизменными в «контрфактической ситуации». Теряя связь между ценами на перевозки по воде и железнодорожными тарифами, Р. Фогель допускает «недоопределение» своей модели и неверно оценивает из-за этого влияние железных дорог на экономику.⁵³¹

Возможно ли вообще построить адекватную контрфактическую модель истории? Поскольку в контрфактических моделях анализируется какая-то система событий прошлого, то в оценке адекватности этих моделей следует исходить из основных принципов системного анализа. В любой контрфактической модели истории из-за «недоопределения факторов» нарушается принцип целостности системы. Всякая система обладает целостностью, и недопустимо рассмотрение частей системы по отдельности

⁵³¹ Desai M Some Issues in Econometric History // The Economic History Review Second. Series. №2.

вне их взаимодействия с другими частями⁵³². На нарушения принципа целостности в модели Р. Фогеля указывала И. М. Промахина. Из всех воздействий железных дорог на экономику и общество рассмотрены только перевозки сельскохозяйственных грузов и производство чугуна.⁵³³ Можно добавить и другой пример. Основой выводов Р. Фогеля является так называемое «общественное сбережение» – величина, на которую действительная цена перевозки товаров в определённый год отличалась от альтернативной цены перевозки того же количества товаров между теми же пунктами, но в случае отсутствия железных дорог. «Общественное сбережение» вычислялось в предположении, что в случае отсутствия железных дорог в XIX в. модель перевозок осталась бы той же, которая была на самом деле. Однако естественно, что общество, использующее только водный и автодорожный транспорт, отказалось бы от такой модели, изменились бы маршруты перевозок, географическая структура перевозок и т.д.

Сущность нарушения принципа целостности систем в контрфактическом моделировании состоит в том, что изменения одних событий не предусматривают как следствия неизбежные изменения других. Явления, рассматриваемые в начале контрфактической модели, должны взаимодействовать только с уже изменёнными событиями, причём изменёнными не по логике исследователя, а по законам развития самой моделируемой системы. В вышеприведённом примере с вычислением цен на перевозки по воде, кроме нарушения целостности, можно заметить и то, что Фогель берётся сам решать, как поведёт себя транспортная система. Здесь дело не просто в субъективизме. Даже если бы были учтены все факторы поведения системы и проведены предельно точные вычисления, всё равно невозможно

April. 1968. P. 6-7.

⁵³² Перегудов Ф. И., Тарасенко Ф. П. Основы системного анализа. Томск, 1997. С. 19-20.

⁵³³ Промахина И. М. Количественные методы исследования в работах представителей «новой экономической истории» (США) // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975. С. 285.

было бы предсказать поведение системы при отсутствии одной из её частей, поскольку игнорируется ещё одно свойство всех систем – эмерджентность. Термин «эмерджентность» происходит от англ. emergent -- неожиданно появляющийся, внезапно всплывающий, непредвиденный. В системном анализе эмерджентность определяется как важнейшая особенность всех систем, состоящая в том, что свойства системы не сводятся к совокупности свойств её частей и не выводятся из них, что целое обладает качественно новыми свойствами.⁵³⁴ Применительно к прошлому это означает прежде всего то, что историю творит непредсказуемость сочетающихся обстоятельств. Мы не можем описать реализацию возможной, но не состоявшейся истории, исходя только из данных о состоявшейся истории.

Рассмотрим примеры нарушения принципа эмерджентности в работе Р. Фогеля. При вычислении спроса на пшеницу в 1890 г. используются данные о потреблении пшеницы на душу населения среди городских рабочих в 1909 г. Здесь данные из будущей по отношению к модели состоявшейся истории переносятся в прошлую несостоявшуюся историю, как будто в отдельно взятой интересующей историка сфере события будут развиваться именно так, как нужно для его математической формулы. То же самое нарушение допускается, когда о возможностях усовершенствования шоссейных дорог Р. Фогель судит по правительственному обследованию дорог в 1812 г. и делает выводы относительно «контрфактической» истории конца XIX в. Не имея возможности получить данные об альтернативной истории, из-за её непредсказуемости, историку не остаётся ничего другого, как выбирать подходящие ему факты из реализовавшейся истории и переносить их в свою модель.

В большинстве гипотетических допущений в контрфактической модели истории, как правило, будут нарушаться несколько взаимосвязанных принципов системного анализа. Так, например, очевидно, что в «контрфактической» ситуации Фогеля инженерная мысль была бы направлена

⁵³⁴ Перегудов Ф. И., Тарасенко Ф. П. Указ. Соч. С. 302.

на поиски других дешёвых видов транспорта. Предугадать развитие технического прогресса в случае отсутствия железных дорог невозможно. Фогель предлагает рассмотреть и учесть при вычислении «общественного сбережения», что для улучшения в технике не потребовалось бы никаких новых знаний. Здесь снова логика развития системы подменяется логикой исследователя и нарушается принцип эмерджентности. Более того, в данном случае нарушается также целостность событий всемирной истории и открытость системы американского хозяйства. Ведь если доводить до конца логику Фогеля, то ограничение на новые знания должно действовать для всего мира. Никто и нигде не должен изобретать парового двигателя и паровоза, так как если это произойдёт, то Америка неизбежно заимствует изобретение и вычисления Фогеля потеряют смысл. В исследуемый Фогелем период изобретения уже сделаны. Может быть, для соблюдения принципов целостности и открытости систем следовало начинать строить модель с Великобритании 1774 г., когда Дж. Уатт начал создавать паровую машину? Идея использования пара для получения механической работы существовала уже много столетий. Технические новшества, позволившие создать паровую машину, связаны с предшествующими новшествами, и цепочка этих взаимосвязей уходит в глубокое прошлое. Историк не может объективно установить точку, в которой он имел бы объективные основания для того, чтобы прервать эту цепочку. Таким образом, стремление к соблюдению основных принципов системного анализа не позволит корректно установить даже пространственно-временные координаты «контрфактической модели» истории.

Итак, на современном уровне развития науки построить адекватную модель несостоявшейся истории математическими методами очень трудно, почти невозможно. Как тогда восполнить неполноту понимания истории при изучении только инвариантного хода событий? Сущность потенциальности в истории — это существовавшие в действительности взаимосвязи, которые

могли повлиять, но не повлияли на ход событий. Исходя из такого предположения, допустимо сделать вывод: необходимо всё глубже изучать существовавший в событиях прошлого потенциал, но реализация этого потенциала будет пределом глубины изучения. Пересечение этого предела для историка может означать выход за пределы науки в область мифотворчества, к которому не применимы основополагающие для науки принципы верификации и фальсификации. Математические формулы, играют в этом случае роль своеобразных магических "заклинаний", понятных только узкому кругу посвящённых. Хотя в научном сообществе очень трудно иногда отличить действительное понимание от уловок, прикрывающих страх показаться некомпетентным. Эти "математические заклинания" не отражают связей действительности и нарушают законы логики и постулаты теории систем. Всё же имеется и научная ценность у подобных исследований. Она заключается в поиске новых методов познания прошлого, а в таком аспекте отрицательный результат – тоже результат, как и в любом эксперименте. Но если отрицательный результат уже доказан, то повторять такой эксперимент нет надобности. Математические модели альтернативного хода исторических событий применимы к созданию искусственных виртуальных миров, не претендующих на достоверное объяснение исторического прошлого. Как метод исторического исследования контрфактическое математическое моделирование весьма уязвимо.

2.4.4. Проблема адекватности документально-художественного моделирования несостоявшейся истории.

Сюжеты контрфактического мифотворчества историка могут раскрываться в художественной литературной форме, в которой роль "математических заклинаний" заменяется авторской интуицией и воображением. Этот «игровой жанр» вырос отчасти из литературно-философских аксиом постмодернизма. Как пишет И. П. Ильин, «...литература служит для всех текстов моделью, обеспечивающей их понимание читателем...

Оказывается, что только литературный дискурс или литературность любого дискурса и делают возможным наделение смыслом мира и нашего его восприятия. Подобное олитературивание мира знания имело своим следствием несомненную иррационализацию результатов исследовательского анализа».⁵³⁵

Из отечественных авторов, использующих «научно-художественное моделирование» несостоявшейся истории, кроме уже упоминавшихся Н. Я. Эйдельмана и С. А. Экштута можно назвать С. Б. Переслегина и В. Л. Гончарова, занимающихся военной историей.⁵³⁶

В англоязычной историографии существует уже в каком-то смысле традиция выпуска сборников работ по описанию «виртуальной», то есть несостоявшейся, но возможной истории. Одним из первых таких сборников была выпущенная в 1931 году под редакцией Дж. К. Сквайра книга «Если или Переписанная история»⁵³⁷. Авторы рассуждают о том, что могло бы произойти, если бы в Испании победили мавры; Наполеон бежал в Америку; дон Хуан Австрийский сочетался браком с Марией Шотландской; лорд Байрон стал королём Греции; Людовику XVI удалось уехать из революционного Парижа; голландцы продолжали владеть Новым Амстердамом; генерал Ли одержал победу при Геттисберге. Любопытно, что автор последнего очерка – Уинстон Черчилль.

Среди последних работ сборник: статей «Виртуальная история: Альтернативы и Контрфакты» под редакцией ныне популярного шотландского историка Ниала Фергюсона (он же автор предисловия, двух статей сборника, а также соавтор еще одной).⁵³⁸ Содержание сборника говорит само за себе: Англия без Кромвеля: что бы случилось, если бы Карлу I удалось избежать гражданской войны?; Какой могла бы стать английская Америка, не случись

⁵³⁵ Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М., 1998. С.175-176.

⁵³⁶ См. Приложение к книге Макси К. Упущенные возможности Гитлера. М.; СПб., 2001.

⁵³⁷ См. Синди Хук. «Если бы» в истории // THESIS. 1994. № 5.

⁵³⁸ Virtual History: Alternatives and Counterfactuals. Ed. by N. Ferguson. 2-d ed. London, Papermac, 1998. Первое издание: Picador, 1997.; Критическую статью см.: Каграманов Ю. А могло быть иначе? // Новый мир. 1999. № 4. С. 216-218.

Американской революции?; Что если бы в 1912 году в Ирландии было введено самоуправление?; Как повернулась бы мировая история, если бы в 1914 году Великобритания объявила нейтралитет?; Что если бы немцы вторглись в Англию в 1940 году?; Как выглядел бы мир сегодня, если бы Сталин пытался избежать «холодной войны»?; Положим, президент Кеннеди остался в живых...; Что если бы коммунистическая система не рухнула в 1989 году?

Самой масштабной из предпринятых попыток литературно-документального моделирования несостоявшейся истории можно считать, пожалуй, книгу английского историка К. Макси «Вторжение» («Invasion»), в которой описано нападение Гитлера на Англию через пролив Ла-Манш (операция «Морской лев»)⁵³⁹.

Системные свойства исторической ситуации в литературно-художественном моделировании выступают как проявления литературных законов. Анализируя допустимость того или иного "альтернативного" события, историк интересуется не столько его правдоподобием или включённостью в общий контекст причинно-следственных связей, сколько необходимостью этого события для развития сюжета.⁵⁴⁰ Если обратиться в связи с этим к редакторским комментариям к переводам очерков в книге «Упущенные возможности Гитлера», то можно узнать, что авторы очерков в угоду своим сюжетным замыслам приписывают тем или иным армиям такое количество техники, которой они в действительном прошлом не обладали, или допускают такую переброску определённых военных сил, которая в реальности была невозможна из-за тактико-технических ограничений на скорость движения танков или кораблей. Если вспомнить контрфактический сюжет С. А. Экштута, то можно заметить, что отряд Панова не успел бы столкнуться с отрядом Николая I, если бы потратил время на арест Аракчеева.

⁵³⁹ Макси К. Вторжение, которого не было. М., СПб., 2001.

⁵⁴⁰ Приложение к книге Макси К. Упущенные возможности Гитлера. М., СПб., 2001. С. 483-484.

Недостатком альтернативной документально-художественно моделей истории может стать её «анти-сюжетность»: история изменяется в них таким образом, что это оказывается «неинтересно» – сотворённые авторами версии эстетически уступают действительно осуществившейся реальности. Именно в этом обвиняет С. Б. Переслегин английских авторов сборника «The Hitler Options» (1995) под редакцией К. Макси. Этот сборник объединяет идея активной эксплуатации богатейшего материала Второй Мировой войны: воплощение в реальность стратегических замыслов полководцев, от которых отказались Гитлер или Сталин с союзниками.

С. Б. Переслегин замечает, что помимо писательского таланта «альтернативщик» должен обладать известным тактом. «У «альтернативщика» – пишет С. Б. Переслегин, – должен быть свой аналог знаменитой формулы «Не навреди!». Иными словами, допустимы модели мира, в котором исторические деятели и ответственные командиры (неважно, с какой стороны периметра они находятся) будут умнее, честнее, умереннее, великодушнее, нежели в Текущей Реальности, но крайне нежелательно возвеличивать «себя любимого», заставляя Черчилля или Гитлера, Роммеля или Одзаву говорить банальности или делать глупости вперемешку с подлостями».⁵⁴¹

Сам С. Б. Переслегин предлагает в качестве эффективного метода представления и анализа динамических альтернативных сюжетов истории стратегическую ролевую игру, которую он определяет как «социально-экономическую модель, прожитую играющими под руководством или при участии создателей модели»⁵⁴² Безусловно, чтобы как можно более реально воссоздать образ исторического лица, необходимо попытаться взглянуть на события его глазами – воссоздать не только психологию этого человека, но и всю совокупность информации, которой он владел на данный момент, строго отделив от неё ту, которой он владеть не мог (либо владел, но не учитывал).

⁵⁴¹ Там же. С. 399.

⁵⁴² Там же. С. 485.

Как научно оценить адекватность «вживания»? Этот вопрос пока остаётся открытым.

Возможно ли вообще увидеть события прошлого глазами тех, кто в них участвовал. Безусловно, историк должен приближаться к этому идеалу понимания прошлого. Но как далеко историк может продвинуться на этом пути? По этому поводу обычно высказываются весьма скептические мнения. Английский учёный Стюарт Хьюз писал: «Описание исторического понимания как какого-то “переосмысливания” (rethinking), как “вторичного переживания” (reexperiencing) не даёт точного представления о возможностях историка. Он не может воспроизвести полностью смысл событий, который они имели, когда находились в процессе становления, потому что он знает результат. Никакой литературный приём или наигранная невинность не вернут ему историческую девственность. Историк поэтому не сможет представиться современником описываемых событий. Он постоянно находится на вершине той длинной цепи событий, которую пытается восстановить. Он может заглядывать глубоко вниз (назад), но он не сможет спуститься со своей вершины, так как не сможет забыть того, что уже знает».⁵⁴³

Контрфактическое моделирование несостоявшейся истории даёт дополнительные поводы и темы аналитического подхода к материалам, которые в ином случае могли оставаться чисто описательными. Например, тактико-технические характеристики вооружений, описание природных условий, разного рода статистические сводки. Интересен факт, что историография, посвящённая контрфактическим моделям, чаще всего сводится к «работе над ошибками» – к поиску недочётов и противоречивости в модели. При этом, комментарии с поиском недочётов подчас оказываются не менее содержательными и интересными, чем сама модель.

Ещё один аспект документально-литературного контрфактического моделирования – это перевод проблемы исторической альтернативности из

сферы макроистории в сферу микроистории. Художественное воображение предполагает пристальное внимание к отдельным людям и мелким подробностям исторических событий. Образцы такого микроисторического анализа содержатся в книге Н. З. Дэвис «Возвращение Мартена Герра». Н. З. Дэвис рассматривала несколько возможностей альтернативного развития событий по сравнению со совершившимся, согласно источникам, в которых участвовали герои книги.⁵⁴⁴

Все эти альтернативы, рассмотренные Н. З. Дэвис, стояли перед конкретными крестьянами. Эти альтернативы не определяли и не иллюстрировали тех альтернатив, которые могли стоять перед всем классом крестьян данной эпохи и региона. Автор и не ставила такой цели. Кроме того, те возможные пути, которые автор видит перед своими героями, взяты по аналогии с реальными путями, по которым шли в подобных ситуациях другие крестьяне, жившие в данном регионе в то время, на что неоднократно ссылается Дэвис. То есть, возможности одних были реальностью для других. Для Н. З. Дэвис моделирование альтернатив было только вспомогательным методом. Она не поддавалась литературному соблазну, и именно это позволило ей соединить сюжетную занимательность со строгой научностью.

Не отвергая возможность продуцировать с помощью контрфактического «моделирования» несостоявшейся истории новую информацию об историческом прошлом, историк, по-нашему мнению, должен осознавать наличие мифологической составляющей такого «моделирования» и его вторичную инструментально-прикладную функцию в исторической науке.

Автору модели несостоявшейся истории следует определиться, имеет его модель только развлекательные цели, или же претендует на научность. В последнем случае, он должен соблюдать все доступные в его ситуации критерии научности и использовать свою модель только в ряду и совместно со

⁵⁴³ Хьюз С. Что по мнению историка он знает // Современные тенденции в буржуазной философии и методологии истории. / Сборник статей под Ред. И. С. Кона. Часть 1. М., 1969. С. 81-82.

⁵⁴⁴ Дэвис Н. З. Возвращение Мартена Герра. М., 1990. Сс. 28, 40-41, 56, 74-79, 88-89, 91-93, 93-94.

всеми остальными методами исторического исследования, не считая модель самодостаточной.

Стоит ли обращаться к несостоявшейся истории, если ещё не в полной мере изучена состоявшаяся? В ответе на этот вопрос каждый может найти аргументы и за, и против. Это вопрос скорее о личностно-профессиональных предпочтениях, нежели об истине. В нашем методологическом исследовании мы будем придерживаться позиции, что обращаться к несостоявшейся истории преждевременно и нерационально, если не в полной мере изучена состоявшаяся история. Изучение альтернативности исторического развития в пределах состоявшейся истории подразумевает поиск ответов на вопрос, «могли ли события пойти иначе?», а не описание того, что могло бы быть, если бы события пошли иначе. Такой поиск означает изучение исторических вероятностей.

2.5. Методологические аспекты использования понятия «вероятность» в изучении исторических альтернатив.

Прежде, чем приступить к рассмотрению понятия исторической вероятности как меры исторической возможности, следует ответить на вопрос о правомерности и корректности измерения вероятности уже произошедших в прошлом событий. Марк Блок писал по этому поводу: «Оценить вероятность какого-либо события – значит установить, сколько у него есть шансов произойти. Приняв это положение, имеем ли мы право говорить о возможности какого-либо факта в прошлом? В абсолютном смысле – очевидно, не имеем. Гадать можно только о будущем. Прошлое есть данность, в которой уже нет места возможному. Прежде, чем выбросить кости, вероятность того, что выпадет то или иное число очков, равно одному к десяти. Но когда стаканчик пуст, проблемы уже нет. Возможно, позже мы будем сомневаться, выпало ли в тот день три очка или пять. Неуверенность тогда будет в нас, в нашей памяти или памяти очевидцев нашей игры. Но не в фактах реальности. Однако, если вдуматься, применение понятия вероятности в историческом исследовании не имеет в себе ничего противоречивого. Историк, спрашивающий себя о вероятности минувшего события, по существу лишь пытается смелым броском перенестись во время, предшествовавшее этому событию, чтобы оценить его шансы, какими они представлялись накануне его осуществления. Так что вероятность – всё равно в будущем. Но поскольку линия настоящего тут мысленно отодвинута назад, мы получим будущее в прошедшем, состоящее из части того, что для нас теперь является прошлым.⁵⁴⁵

Таким образом, если согласиться с М. Блоком, понятие «историческая вероятность» может использоваться не только в футуристических и социально-политических прогнозах, но и в историческом исследовании.

⁵⁴⁵ Блок М. Апология истории. М., 1973. 68-69.

Говоря о вероятности, нельзя не затронуть теорию вероятности, а значит и проблему использования математических методов в исторических исследованиях. Упоминание неоправдавшихся надежд, возлагавшихся в своё время на квантитативную историю или клиометрию, стало ныне уже общим местом. Обратимся здесь вновь к мнению М. Блока, он писал: «Мы не можем избавиться от наших трудностей, переложив их на плечи математиков. Но, так как их наука находится в некотором роде на пределе, не достижимом для нашей логики, мы можем хотя бы просить её, чтобы она со своих высот помогала нам точнее анализировать наши рассуждения и вернее их направлять».⁵⁴⁶

Заметим, что для математической теории вероятности вопрос о том, как именно были определены вероятности основных исходных событий, не играет роли, в то время как для историка это – решающий вопрос. Содержание теории вероятности составляет совокупность правил, позволяющих по основным вероятностям находить вероятности других событий, зависящих от основных, подобно тому, как предмет геометрии состоит ряда правил, позволяющих вычислять некоторые расстояния, углы, площади и т.д. по другим, исходным расстояниям или углам, предполагающимся известными. Поэтому здесь речь пойдёт об использовании концепций вероятностной логики, а не аксиом и методов математической теории вероятности. Основанием для такого обращения к иной дисциплине послужило следующее предположение: доказывая, что одно событие было более возможно, чем другое, или, что определённое событие стало невозможным или неизбежным, историк неявно и иногда неосознанно использует процедуры некоей вероятностной логики. Эти процедуры можно сделать явными с целью усовершенствовать их, либо доказать их неправомерность применительно к изучению истории.

⁵⁴⁶ Там же. С. 71.

2.5.1. Частотный подход к исторической вероятности.

Вкладывание того или иного содержания в каждое из понятий триады «количество – событие – неопределённость» порождает различные понимания вероятности.

По А. Н. Колмогорову, понятие математической вероятности является объективной характеристикой связи данного события с данными определенными условиями, поэтому не имеет смысла говорить о вероятности данного события вообще, а лишь о вероятности данного события в данных условиях.⁵⁴⁷ При этом далеко не всегда событие, связанное с некоторыми допускающими многократное воспроизведение условиями, имеет определенную вероятность; так, например, нельзя говорить о вероятности возникновения войны в определенном районе мира в течение одного (безразлично какого) года. Дело в том, что условия, делающие возможным возникновение рассматриваемого события, не должны быть слишком широкими — они должны обеспечивать определенную однородность опытов (испытаний, наблюдений), заключающихся в регистрации выполнения или невыполнения интересующего нас события. Такой однородностью, очевидно, не обладают данные многолетних наблюдений за взаимоотношениями некоторой группы стран, определяющих мирные или военные условия и в каком-либо регионе. При этом содержательным понятие вероятности является лишь в тех случаях, когда условия, о которых шла речь выше, не являются также и слишком узкими — такими, что наступление или ненаступление события определяется ими однозначно. Правда, чисто формально вероятность можно определить и тогда, когда фиксированные условия делают событие неизбежным или же полностью исключают его (в первом из этих случаев вероятность события следует считать равной единице, а во втором — равной нулю).

⁵⁴⁷ Колмогоров А. Н. Вероятность // Философская энциклопедия. М., 1977, Т. I. С.244-245.

Источник возникновения частотной или статистической вероятности – реальный (и только реальный) эксперимент, частоты исходов которого обладают статистической устойчивостью. Основным признаком существования статистической вероятности какого-либо события в тех или иных условиях является следующий факт: при многократном воспроизведении указанных условий частота осуществления данного события (то есть отношение числа случаев, в которых событие наступило, к общему числу всех наблюдений) обладает известной устойчивостью, то есть имеет тенденцию группироваться около некоторого определенного числа p , лишь в крайне редких случаях отклоняясь от него сколько-нибудь значительно. Это число p и принимают в таком случае за численное значение вероятности: оно характеризует «степень возможности» события.

По своим исходным посылкам концепция частотной вероятности может пересекаться с пониманием феномена повторяемости в истории. И. И. Минц писал по этому поводу: «В работах зарубежных историков часто повторяется такая мысль: историк не может, как, например, химик, воспроизвести, экспериментально повторить тот или иной изучаемый им процесс, а раз так, то он не в силах выявить и исследовать объективные закономерности. <...>Повторяемость в истории проявляется иначе, чем в естествознании<...>Повторяемость в истории проявляется, прежде всего, в том, что процессы, происходящие в одной стране, повторяют и подтверждают то, что происходит в другой стране».⁵⁴⁸

Использовать частоту повторяемости однотипных исторических событий в разных регионах и социальных системах при вычислении вероятности исторического события мы будем иметь основания, если примем постулат о том, что человечество – это единая система. В этом, и только в этом случае корректно будет рассматривать повторение в историческом прошлом как одинаковые «исходы» для разных «испытаний» с одним и тем же объектом.

⁵⁴⁸ Минц И. И. О методологических вопросах исторической науки. Вопросы истории. 1964. №3. С.34.

Если же мы примем положение, что каждая цивилизация или этнос — это независимые системы, имеющие свои особые закономерности развития, то о повторяемости в истории можно будет говорить только как о цикличности в пределах одной цивилизации, этноса или государства.

Если при вычислении вероятности исторического события брать в расчёт частоту повторяемости в прошлом событий данного типа в других странах (или в этой же стране), то первое событие из ряда должно иметь вероятность, равную единице (то есть событие будет неизбежным), так как количество всех «испытаний» и «исходов» равно единице (то есть этому же событию). Очевидно, что такой результат будет бессмысленным. Поэтому в расчёт следует брать все известные повторения какого-либо однотипного события, в том числе и те, которые произойдут в будущем по отношению к историческому событию, вероятность которого вычисляется. Таким образом, историческая вероятность, вычисленная на основе повторяемости, будет представлять собой отношение количества исторических ситуаций, в которых интересующее нас событие реализовалось к количеству всех известных подобных исторических ситуаций. Однако, здесь встаёт иная проблема — проблема принципиальной неповторимости и индивидуальности исторических событий.

Допустим, все буржуазные революции ещё можно, хоть и с оговорками о региональной и эпохальной специфике, рассмотреть как однотипные исторические ситуации, с однотипным набором альтернативных исходов революции. Но можно ли рассматривать такие события, как исходы всех многочисленных заговоров с целью свержения правителя, также как однотипные исторические ситуации? В этом случае диапазон региональных, эпохальных и культурных различий будет слишком велик для того, чтобы сопоставлять, например, заговоры сенаторов в Древнем Риме и военные перевороты XX века в Латинской Америке. Конечно, можно вывести типологию политических заговоров, сгруппировать подобные исторические ситуации и учитывать повторяемость уже внутри выявленных групп.

Представив принципы такой типологизации, можно увидеть, что, чем больше признаков культурных различий будет учитываться, чем объективнее будет классификация, тем больше станет уменьшаться схожесть между политическими заговорами в разных эпохах и странах. Не исключено, что выявится заговор, не имеющий близких исторических аналогий, и, в таком случае, мы ничего не сможем сказать о вероятности альтернативных исходов данного заговора, используя частотное понимание вероятности.

Вообще при рассмотрении повторяемости в истории следует учитывать, что в социальном познании практически невозможно использовать строгую аналогию, которая требует точного совпадения сравниваемых признаков и независимости признаков от специфики сравниваемых объектов. Поэтому историку в поиске аналогичных исторических альтернатив приходится ограничиваться нестрогой аналогией. Принципы нестрогой аналогии следующие: 1) нужно обнаружить как можно большее число общих признаков у сравниваемых предметов; 2) общие признаки должны быть существенными для сопоставляемых предметов; 3) общие признаки должны быть по возможности отличительными для этих предметов, т. е. должны принадлежать только сравниваемым предметам или, по крайней мере, сравниваемым и лишь некоторым другим предметам; 4) названные признаки должны быть как можно более разнородными, т. е. характеризовать сравниваемые предметы с разных сторон; 5) общие признаки должны быть тесно связаны с переносимым признаком. Выполнение перечисленных требований повышает степень правдоподобия заключения, но не намного.⁵⁴⁹

В качестве историографического примера использования логики частотного понимания вероятности в исследовании исторических альтернатив рассмотрим статью Е. А. Никифорова «К проблеме альтернативности в социальном развитии России». Автор поставил цель доказать, что у российского социума не было и не будет никаких альтернатив, что в нём

⁵⁴⁹ Ивлев Ю. В. Логика: Учебник. М., 1992. С. 132-133.

заложено нечто, жёстко детерминирующее его историческое существование.⁵⁵⁰

В качестве доказательств Е. А. Никифоров анализирует следующие альтернативные исторические ситуации: «Адашевско-Скуратовская» во второй половине 16 в.; «Голицинско-Петровская» в конце XVII – первой четверти XVIII вв.; «Сперанско-Аракчеевская» в первой половине XIX в.; «Реформы Александра II – контрреформы Александра III» во второй половине XIX в.; «Реформы Витте и Столыпина – революция и гражданская война 1917-20 гг.»; «Бухаринско-Сталинская» в 1920-е годы; «Реформы Хрущёва и Косыгина – неосталинизм Брежнева». Все эти ситуации заканчивались поражением более демократичных и эволюционных тенденций и реализацией агрессивно-авторитарных альтернатив, ведущих к созданию тоталитарных структур. Восьмая альтернативная ситуация начинается с реформ Горбачёва. Е. А. Никифоров экстраполирует завершение этой реформы по всем предыдущим семи выделенным точкам и прогнозирует ей аналогичное авторитарно-агрессивное завершение. Сегодня, в начале XXI века мы уже можем констатировать правильность прогноза, если вспомним авторитарные действия Б. Н. Ельцина (прежде всего в 1993 году). Таким образом, повторяемость сущностно одинаковых исходов в типически схожих политико-экономических альтернативных ситуациях в истории России дало основания сделать заключение об очень высокой вероятности (даже неизбежности) такого же исхода и в последней альтернативной ситуации в их ряду. Все ли аналогичные альтернативные ситуации учёл Е. А. Никифоров, и были ли исключения в ряду похожих исходов в данных исторических альтернативах – это уже конкретно-историческая проблема, выходящая за рамки настоящей работы.

Частотное понимание исторической вероятности связано с дилеммой «история учит»-«история не учит». Можно предположить, что увеличение количества повторений неудачных решений до определённого предела (у

⁵⁵⁰ Никифоров Е. А. К проблеме альтернативности в социальном развитии России // Историческое

каждого человека или группы этот предел свой) ведёт к осознанному отказу от их повторения. Без этого немыслимо развитие общества. Поэтому возможна нелинейность зависимости увеличения во времени количества одинаковых исходов аналогичных исторической ситуаций в прошлом и вероятности повторения такого же исхода в следующей аналогичной альтернативной исторической ситуации. Нам не всегда дано предвидеть, сколько повторений ошибок должно произойти, прежде чем удастся усвоить уроки истории. Зато такая постановка проблемы даёт историку дополнительный повод и стимул изучения того, как и почему те или иные субъекты исторического выбора учитывали опыт исторического прошлого.

Пример исследования извлечения уроков истории в альтернативной исторической ситуации можно найти в книге Теодора Шанина «Революция как момент истины. Россия 1905-1907 гг. – 1917-1922 гг.». ⁵⁵¹ В главе «Уроки истории и следующая революции: отличники и тугодумы» Т. Шанин пишет о том, что Россия в начале XX столетия оказалась первой «развивающейся» страной. И во время революции 1905 года это было впервые осознанно. Сначала, исходя из тезиса, что Россия, по всеобщему убеждению, – отсталая страна, решили, что 1905 год – это 1848 год Европы. И революционеры, и контрреволюционеры настроились на такую идею и ожидали революции в городах и консервативной контрреволюции в деревнях и на окраинах. Но оказалось, 1905 год в России не аналогичен 1848 году в Европе. Чрезвычайно революционными были крестьянство и окраины. Революция 1905 года в России типична для стран третьего мира, но нетипична для стран Европы. Революция в России – это отнюдь не повторение того, что происходило в западном мире. Тем, кто это понял удалось извлечь уроки истории. Их Т. Шанин назвал «отличниками» и относит к этим «отличникам» Ленина, Троцкого и Столыпина. Тех, кто не смог это сделать Т. Шанин назвал

значение НЭПа. М., 1990. С. 204.

⁵⁵¹ Шанин. Т. Революция как момент истины. Россия 1905-1907 гг. – 1917-1922 гг. М., 1997. С. 292-297.

«тугодумами» и отнёс к ним кадетов, меньшевиков, эсеров и радикальных консерваторов.

2.5.2. Индуктивный подход к исторической вероятности.

Англо-американские неопозитивисты в понимании исторического познания исходили из того, что логика исторического объяснения выводится из логики статистического понимания вероятности. У. Дрей систематизировал подходы англо-американских авторов к пониманию логики объяснения исторических событий. Он выделил шесть направлений.⁵⁵²

Наиболее скептическое направление обосновывали П. Гардинер и И. Бёрлин. Оба автора связывали затруднения, возникающие при дедуктивном построении объяснения, с тем фактом, что язык исторической науки не является техническим подобно специализированному языку современной физики или психологии, а представляет собой повествование обычным языком.⁵⁵³

К. Гемпель придерживался более оптимистичных воззрений. Он, отталкиваясь от концепций индуктивной вероятности Р. Карнапа, Дж. Кейнса обосновывал использование в историческом познании так называемых «охватывающих законов», указывая, что в сложных условиях F некоторое событие или «эффект» G будет иметь место со статистической вероятностью, то есть с относительной частотой g. Если вероятность близка к 1, то можно использовать «охватывающий закон», то есть объяснять и предсказывать возникновения G в случае реализации F. К. Гемпель, отмечает при этом, что с помощью «охватывающих законов» можно было бы объяснить лишь

⁵⁵² Дрей У. Ещё раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке // Философия и методология истории. М., 1977. С.37-71.

⁵⁵³ Дрей У. Указ. соч. С. 51.

некоторую характеристику исторического события, объединяющую это событие с типически подобными ему событиями.⁵⁵⁴

В чём различие статистической и индуктивной вероятности? Наиболее последовательно концепции статистической вероятности придерживался немецкий математик Р. Мизес. Он вероятность определял как предел, к которому стремится частота осуществления события при неограниченном увеличении длины серии проводимых наблюдений. Он отрицал вообще всякую возможность применения исчисления вероятностей к логике, считая, что единственным объектом теории вероятностей являются массовые случайные события.⁵⁵⁵ Однако существуют и иные подходы. К. Поппер, работавший совместно с Карнапом в 30-х годах называл индуктивную вероятность гипотез или степень их доказательности степенью подтверждаемости.⁵⁵⁶

Дж. Кейнс определяет вероятность как степень разумной уверенности, понимая её как субъективную категорию. Кейнс вводит понятие релевантности, которое заключается в следующем. Пусть мы имеем гипотезу h , имеющую некоторую вероятность относительно знания I . Тогда предложение i будет релевантно по отношению к I , если его конъюнктивное присоединение к I меняет вероятность h . Релевантность может быть положительной или отрицательной в зависимости от увеличения или уменьшения вероятности. В терминах релевантности оказывается возможным исследовать связь одних понятий с другими, определить равновероятность нескольких гипотез относительно некоторого знания.⁵⁵⁷

М. Скрайвен обосновал иной, нежели К. Гемпель, подход к использованию индуктивной вероятности в историческом объяснении. В своих рассуждениях он отталкивается от того, что статистический закон — это

⁵⁵⁴ Гемпель К. Мотивы и охватывающие законы в историческом объяснении // Философия и методология истории. М., 1977, С.73.

⁵⁵⁵ Пятницын Б. Н. Философские проблемы вероятностных и статистических методов. М., 1976. С. 307-309.

⁵⁵⁶ Поппер К. Мир предрасположенностей. Две точки зрения на причинность // Философия и человек. Ч. II. М., 1993. С. 140.

⁵⁵⁷ Пятницын Б. Н. Указ. соч. С. 314-316.

положение общего характера, утверждающее связь не всех случаев, но лишь некоторой их части. М. Скрайвен утверждал, что статистические законы, не показывая необходимости возникновения объясняемого события, не могут объяснить и того, почему произошло именно это событие, а не какое-либо иное. Он предлагает использовать в историческом объяснении «нормативные законы» или «трюизмы», которые позволяют дедуцировать с логической (а не статистической) необходимостью возникновение объясняемого явления при условии, что мы не сталкиваемся с какими-либо необычными обстоятельствами. Например, объясняя, почему Вильгельм Завоеватель не вторгся в Шотландию, тем, что ему не нужны были новые земли, мы осознанно или неосознанно, используем «нормативный закон»: «государи обычно не вторгаются на соседние земли, если они удовлетворены тем, что они имеют».⁵⁵⁸

К идеям концепции М. Скрайвена близки идеи английского структуралиста и сторонника сциентизма П. Мюнца. Он предложил ввести в историческую науку понятие «Singebild». В его определении «Singebild» – это «один факт плюс другой факт и плюс общий закон, объединяющий взаимодействие этих фактов. Общий закон систематизирует два изолированных факта в таком единстве, которое мы и можем постичь».⁵⁵⁹ Примером «общего закона» может служить суждение типа: «Победоносная война усиливает правительство и ослабляет оппозицию, тогда как поражение усиливает оппозицию и ослабляет правительство».

Главными недостатками разного рода «нормативных», «обобщающих» и «охватывающих» законов являются, во-первых, их априорность, во-вторых, то, что они конкретно-исторически не определены ни хронологически, ни территориально. Использование индуктивно-статистических закономерностей предполагает возможность неограниченного увеличения длины ряда повторяющихся исходов, в то время как повторяемость типически схожих

⁵⁵⁸ Дрей У. Указ. соч. С. 54-57.

⁵⁵⁹ Munz P. The Spares of Time: a New Look at the Philosophy of History. Middletown, Conn, 1977. p. 44.

исторических явлений и событий имеет ограниченные эпохальные рамки и хронологически фиксирована.

Американский математик Г. Рейхенбах предложил путь оценки достаточности длины ряда повторений. Распространение Рейхенбахом частотной концепции вероятности на логику и заключалось в том, что он попытался дать статистический метод вероятностной оценки гипотез. Этот метод состоит в следующем. Если мы делаем гипотезу о выпадении пятёрки, то примерно в $1/6$ всех случаев она оказывается истинной. Таким образом, наша гипотеза образует некоторую последовательность высказываний, каждый элемент которой – ложное или истинное высказывание. Относительная частота истинных высказываний и является вероятностью данной гипотезы. Таким образом, индуктивная вероятность возникает при рассмотрении суждений как количественная оценка правильности заключения при условии правильности посылок.⁵⁶⁰

Однако этот метод связан с серьёзными затруднениями. Из конечной частоты мы должны заключить о вероятности во всей бесконечной последовательности. Это заключение является некоторой гипотезой (по Рейхенбаху, ставкой), надёжность которой зависит от длины отрезка и также нуждается в оценке. Эта оценка будет уже ставкой второго порядка и т.д. Образуется сколь угодно длинная система ставок, оценка последней из которых всегда неизвестна. Такой метод слишком искусственный и громоздкий. Применение его в исследовании исторической вероятности потребовало бы сравнений частот повторяемости всех произошедших в историческом прошлом типически схожих событий, поскольку иначе невозможно оценить то, почему один ряд повторяемости более презентабелен, чем другой.

Попытку предоставить в наше распоряжение более достоверный тип объяснения исторических явлений предприняли профессора Н. Решер,

⁵⁶⁰ Пятницын Б. Н. Указ. Соч. С. 310-312.

Г. Джойт и О. Хельмер. Они утверждали, то в процессе исследования историк формулирует не общие законы, а ограниченные пространственно-временными пределами обобщения. Примером могли бы служить следующие утверждения: «офицеры флота в дореволюционной Франции назначались только из дворянского сословия». Принятие универсальных законов вынудило бы историка делать необоснованные утверждения относительно малоисследованных областей исторического пространства и времени, поэтому более корректны ограниченные обобщения в рамках определённого исторического периода.⁵⁶¹

Профессоры Райл и Страусон ещё более сужают сферу допустимости исторических обобщений на основе повторяемости событий. Согласно их подходу, историческое объяснение имеет лишь «законосообразную форму» и должно относиться к кругу действий некоторой конкретной личности, к предрасположенностям и мотивам поведения данной исторической личности или конкретной социальной группы в рамках одного поколения. «Историк должен знать своего героя, что весьма отличается от знания банальностей о человеке вообще».⁵⁶² Пример обобщения подобного рода: «Дизраэли был честолюбив, если Дизраэли увидит возможность получить власть, он воспользуется ею». Таким образом, согласно данной концепции наиболее адекватным обобщением будет такое, которое учитывает повторения только в поведении конкретных исторических деятелей. Впрочем, судьба и личность – это сложные открытые системы, и здесь также возможна непредсказуемость. Поэтому изолированное исследование повторяемости внутри одной судьбы и поведения одной конкретной исторической личности далеко не всегда способно дать однозначные объяснения и предсказания. Таким путём невозможно учесть «человеческий фактор» в военных конфликтах, в частности в руководстве войсками. Один и тот же командующий способен и на верные решения, и на ошибки. Весной 1942 г. генерал Манштейн выиграл сражение

⁵⁶¹ Дрей У. Указ. соч. С. 58-60.

под Керчью в практически безнадёжной для его 11-й армии обстановке. Но из этого вовсе не следует, что советские и германские дивизии надо пересчитать в соотношении четыре или пять к одному (как под Керчью). Ведь полгода спустя тот же Манштейн проявил себя под Сталинградом отнюдь не столь блестяще.

Заканчивая рассмотрение частотного и производного от него индуктивного подхода, нельзя не упомянуть, что в социальной практике прогнозирования или при оценке актуальных проблем современности использование только частотного понимания вероятности, основанного на исторической аналогии, чревато опасностями. Привыкая действовать и объяснять связь прошлого и будущего в соответствии с выработанными алгоритмами нахождения «правильного решения», мы чаще всего не замечаем, что актуальная ситуация при всей внешней схожести на аналогичные ситуации, иная (потому что развивается здесь и сейчас, а не там и тогда). Результат таких действий – расстройство социальной адаптивности. Казалось бы, накопленный опыт повторяющихся ситуаций позволяет делать прогнозы. Но точность прогнозов от этого не увеличивается, потому, что в споре между свободой и детерминированностью верх одерживает свобода. Поняв это, легче становится признать, что историк не призван заниматься пророчествами, он может лишь изучать возможности в чистом виде.

2.5.3. Использование классического определения математической вероятности в изучении исторической вероятности.

При частотном подходе, вероятность исторического события постоянна и зависит только от длины ряда повторяющихся событий, в который историк включил событие, чья вероятность его интересует. В частотном и индуктивном подходах к вероятности не предусматривается изменение величины вероятности одного и того же события во времени. Начиная с момента, когда историческое событие стало возможным, и до момента, когда событие

⁵⁶² Там же. С. 61-63.

произошло и стало действительным, вероятность его будет изменяться в зависимости от изменившихся исторических условий.

Особенностью изменения во времени вероятности исторической возможности часто является её нелинейный характер. Иногда, чем больше вероятность события в начале альтернативной ситуации, тем меньше она может быть в конце и наоборот. Этот парадокс заметил Г. В. Плеханов. В своей статье «К вопросу о роли личности в истории» он описывал социально-психологический эффект, при котором усиление одних общественных движений стимулирует активность и усиление противостоящих общественных движений, и даже осознание неизбежности поражения в борьбе может породить «энергию отчаяния» и отбросить неизбежность.⁵⁶³

Такое положение вещей обусловлено спецификой исторической вероятности. Субъекты исторического действия сами оценивают шансы достижения своих целей. С этой точки зрения начало и завершение альтернативной исторической ситуации, то есть период от появления возможного варианта развития событий до реализации или исчезновения варианта, допустимо сравнить с началом и исходом испытания, когда объект, над которым производится испытание, одновременно является «измерительным прибором», измеряющим вероятность альтернативных исходов собственных превращений.

В классической или элементарной вероятности неопределённость порождается экспериментом (в том числе мысленным), имеющим конечное число несовместимых равновозможных исходов, событие – в осуществлении какого-либо из определённой группы исходов (называемых благоприятствующими событию). Величина вероятности вычисляется как отношения благоприятствующих исходов ко всем равновозможным при одинаковых условиях исходам.

⁵⁶³ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. II. С. 309-310.

В историческом исследовании благоприятствующие исходы можно интерпретировать как факторы, способствующие какому-либо историческому событию. Равновозможные исходы допустимо интерпретировать как нейтральные события, которые могут и способствовать, и препятствовать реализации исторической возможности, в зависимости от взаимодействия с благоприятствующими и препятствующими субъективными и объективными факторами. Историк у стоит брать в расчёт, по-видимому, только благоприятствующие и препятствующие факторы, так как все нейтральные факторы учитывать невозможно. Тогда формулу определения исторической вероятности допустимо представить в виде отношения количества или силы влияния благоприятствующих факторов к сумме благоприятствующих и препятствующих факторов. При этом необходимо принять условие, что количество препятствующих факторов никогда не будет равным нулю. Данное условие соответствует требованиям и математической корректности и исторической достоверности.

Различные факторы, влияющие на одно и то же историческое событие неравнозначны по своему влиянию. Это нарушение корректности измерения вероятности частично можно уменьшить, используя принцип, который Лейбниц положил в основу своей вероятностной логики, а именно: «равно принимать в расчёт равноценные предложения». Этот принцип впоследствии получил название принцип индифферентности и долгое время был основным принципом вероятностной логики. В отношении исторической вероятности использование принципа индифферентности будет означать отдельный учёт событий с разным количеством участников (точнее с разнорядковым количеством — несколько человек, несколько десятков человек, несколько сотен и т.д.), деятелей с разной степенью активности или влияния, мотивов с разной степенью важности и т.д.

2.5.4. Использование определения субъективной вероятности в изучении исторической вероятности.

При установлении того, благоприятствуют или препятствуют одни исторические события осуществлению других, а также при установлении силы влияния одного события на другое, неизбежно встаёт проблема ценностного измерения событий.

По мнению таких мыслителей как Г. Риккерт, М. Вебер, А. Штерн, Т. Лессинг ценностная ориентация решающим образом сказывается в осуществлении исходного акта исторического познания – определении существенности и важности фактов. Так, Г. Риккерт считал, что события не обладают такими объективными свойствами, которые бы делали их существенными или несущественными. И только в процессе «выкраивания» явлений в соответствии с пунктирами их оценивания историком они обретают меру своей существенности и значимости.⁵⁶⁴ М. Вебер призывал очистить социальное знание от оценочных суждений, однако, при этом постулировал неизбежность оценок в отборе фактов. Всё, что остаётся исследователю, оказавшемуся перед дилеммами подобного рода – это сохранять мужество «гноссеологического оптимизма» даже в условиях отрефлексированной беспредпосылочности такого оптимизма.

Ценностное измерение исторических событий опосредуется полнотой информации о них, правдоподобностью и убедительностью объяснения влияния каких-либо условий на изучаемую историческую возможность. Степень уверенности субъекта в осуществлении события характеризует субъективная вероятность. Уже у Лейбница имеется достаточно чёткое определение вероятности или правдоподобности как меры нашего знания. Здесь вероятность выступает как мера субъективной уверенности, определяемой имеющейся в распоряжении данного человека информацией (или, наоборот, отсутствием сведений о каких-то обстоятельствах, существенно

влияющих на наступление или ненаступление данного события), а также психологическими особенностями человека, играющими важную роль при оценке им степени правдоподобия того или иного события.

Находя лакуны в описании прошлого, не позволяющие построить математическую модель процессов, можно создать своеобразную карту плотности известной информации для пространственно-временных точек и причинно-следственных цепочек исторического прошлого. Направлять усилия историков следовало бы туда, где информационная плотность минимальна. Такая стратегия приоритетов в исторических исследованиях актуальна в ситуации современного информационного кризиса, когда в гуманитарных науках нарастает неконтролируемый лавинообразный поток дублирующейся, компилятивной информации.

Если классическая и частотная вероятность представляет собой определённое число, то об индуктивных и субъективных вероятностях говорят только на уровне «больше – меньше». Здесь имеется аналогия с числовыми и порядковыми шкалами в теории измерений

Существуют различные мнения по ряду вопросов вероятностной логики, в частности, такому важнейшему вопросу, как возможность приписывать высказываниям точные числовые значения. Д. Пойа, например, считает, что такое приписывание принципиально невозможно. По его мнению, мы можем говорить лишь о большей или меньшей вероятности гипотезы в сравнении с другим, но не о точном числовом значении этой вероятности. С помощью исчисления вероятностей можно выяснить лишь направление вероятности вывода, то есть её уменьшение или увеличение.⁵⁶⁵

Американский математик азербайджанского происхождения Лотфи Заде в 60-е годы ввёл отличное от вероятности понятие для количественной характеристики неопределённости, а именно нечёткость (или размытость). Он использовал понятие лингвистической переменной. Лингвистической мы

⁵⁶⁴ Риккерт Г. Философия истории. Спб., 1908, С. 53-54.

называем переменную, значениями которой являются слова или предложения естественного или искусственного языка. Например, возраст – лингвистическая переменная, если она принимает лингвистические, а не числовые значения, то есть значения (молодой, не молодой, очень молодой, вполне молодой, старый, не очень старый, и т.п.), а не 20 лет, 21 год, 30 ... и т.д.⁵⁶⁶

Важная область приложения понятия лингвистической переменной – теория вероятностей. Если вероятность рассматривать как лингвистическую переменную, то её терм-множество могло бы иметь следующий вид: Т(Вероятность) = (невероятно + маловероятно + более или менее вероятно + весьма вероятно + очень вероятно...).⁵⁶⁷ Терм «вероятность» синонимичен, по Л. Заде, терму «правдоподобно».⁵⁶⁸ Допустив использование лингвистических значений вероятности, мы получаем возможность на вопрос: «какова вероятность того, что ровно через неделю будет тёплый день?» ответить следующим образом: «весьма высокая», вместо, например, «0,8». Лингвистический ответ более реалистичен, принимая во внимание, во-первых, тёплый день – нечёткое событие, и, во-вторых, что мы ещё недостаточно понимаем динамику погоды и не можем делать определённых выводов о значениях вероятностей подобных событий.⁵⁶⁹ Приближённые рассуждения неизбежны в неподдающихся количественному описанию ситуациях.

Данные положения применимы и к социальным явлениям, динамику, которых мы также недостаточно понимаем, и отражение которых нашим сознанием имеет также нечёткую или размытую природу. В теории вероятностей событие должно чётко и полностью описываться на формальном языке, между тем как конкретно-историческое событие может быть описано только как нечёткое размытое множество мелких событий.

⁵⁶⁵ Пойа Д. Математика и правдоподобные суждения. Т.1-2, М., 1957.

⁵⁶⁶ Заде Л. А. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближённых решений. М., 1976, С.7.

⁵⁶⁷ Там же – С.115.

⁵⁶⁸ Там же – С.18.

⁵⁶⁹ Там же – С.90.

Рассмотрим, например, такой гипотетический вопрос: «Какова вероятность того, что в течение определённого исторического периода в определённом государстве произойдёт экономический или политический кризис?». Во-первых, хронологические границы начала и конца кризиса имеют размытый характер, так как не имеет смысла определять точные хронологические границы (вплоть до дня и часа) такого масштабного события с множеством участников. Во-вторых, в понятия «экономический кризис» или «политический кризис» можно вкладывать различное содержание, и в зависимости от этого будет изменяться и содержание самого обозначаемого события, ведь в рассматриваемом гипотетическом историческом периоде происходило огромное множество самых разнообразных событий, однако отнюдь не все они являлись бы частью или индикатором интересующего нас кризиса.

Таким образом, попытка подсчитать количественное значение вероятности социального (или исторического) события была бы, по меньшей мере, некорректной. Устанавливать вероятность исторического события или вообще проводить какие-либо вычисления по данным об историческом прошлом не должно означать стремление писать историю на формальном языке математики. Математическая обработка исторической информации и результаты этой обработки могут и должны описываться на естественном литературном, но строго структурированном языке.

2.5.5. Использование логики марковских и немарковских процессов в изучении исторической вероятности.

Говоря о прикладном использовании теорий вероятности, нельзя не коснуться темы использования логики марковских и немарковских процессов. Марковский процесс – это случайный процесс, для которого при известном состоянии системы в настоящий момент её дальнейшая эволюция не зависит от состояния этой системы в прошлом. Другими словами, будущее и прошлое процесса не зависят друг от друга при фиксированном настоящем. Это

свойство, определяющее процесс, было названо марковским по имени сформулировавшего его в 1906 г. русского учёного А. А. Маркова. Его связь с основами случайных процессов была проанализирована А. Н. Колмогоровым. Конкретное развитие теории марковских процессов берёт начало с исследований дискретной последовательности событий – цепей Маркова. Для этих цепей вероятность осуществления события A_i в $(s+1)$ -м испытании зависит только от исхода s -го испытания и не зависит от предыдущих. При выводе уравнений, описывающих марковские процессы, используется также предположение об отсутствии скачков. Последнее означает, что траектории процесса непрерывны – нельзя попасть из точки x в точку x' , не побывав в промежуточных точках.

Существует мнение, согласно которому в социальном познании необходимо использовать логику немарковских процессов.⁵⁷⁰ Это мнение основывается на том, что марковские процессы заложены в нашем подсознании. При создании картины внешнего мира мы абстрагируемся от структур, где информация о прошлом может быть записана, но в биологических и социальных явлениях никак нельзя пренебрегать предысторией. Здесь роль памяти весьма велика, она непосредственно влияет на выбор пути развития. Процессы, происходившие в прошлом, отображаются в изменении структур. Поэтому некоторые авторы, полагают, что описание таких явлений не может быть адекватно проведено на базе марковских процессов. Марковские процессы локальны во времени: зная состояние системы в какой-либо момент времени t_0 можно в принципе определить вероятностную картину поведения системы в будущем; эта картина не меняется от добавочных сведений о событиях при $t < t_0$. Немарковские процессы учитывают эти добавочные сведения, память о прошлом; и по своей природе нелокальны во времени. Поэтому в отличие от марковских процессов они описываются не дифференциальными уравнениями, а

интегродифференциальными (именно интегрирование по времени позволяет учитывать прошлое.⁵⁷¹

Историческая память – это тоже одно из «начальных условий», и она подвержена текущим в настоящем времени влияниям. Если память о каких либо событиях прошлого повлияла на выбор в альтернативной ситуации, то вероятность выбора той или иной альтернативы зависит не от вероятности в прошлом события, о котором сохранилась память, а об оценке данной вероятности субъектом выбора. Эта оценка может меняться, в то время как вероятности, относящиеся к оставшемуся в памяти событию уже не изменятся, так как время необратимо. Таким образом, память об историческом прошлом не может выступать аналогом немарковских цепей, поскольку представления о вероятностях осуществления уже произошедших событий непостоянны.

Рассмотрим исторический пример. В протоколах следствия по делу о декабристах упоминается, что члены южного общества часто ссылались на пример Рафаэля Риго, который прошёл через всю Испанию с тремя сотнями человек и восстановил конституцию. Этот пример вдохновлял восставших офицеров Черниговского полка.⁵⁷² Очевидно, что успех Риго не мог повлиять на неудачу русских офицеров. Конечно, вера русских офицеров в успех обусловлена вероятностью победы Риго, но колебания этой веры никак не могли зависеть от уже произошедших несколько лет назад событий в Испании.

Историк может неосознанно руководствоваться немарковской логикой, если будет рассуждать о прямой причинной связи между событиями, далеко отстоящими друг по времени. Например, ссылаться на монголо-татарское иго и некую «генетическую память народа» в объяснении тоталитаризма в Советском Союзе. В марковском процессе, каковым следует признать исторический процесс, нет подобных скачков.

Использование логики немарковских процессов в историческом познании

⁵⁷⁰ Э. А. Азроянц, А. С. Харитонов, Л. А. Шелепин. Немарковские процессы как новая парадигма // Вопросы философии. 1999. №7.

⁵⁷¹ Там же.

бесперспективно ещё и потому, что даже методически оно не даст ничего принципиально нового (здесь имеются в виду исторические методы, а не математические). Немарковские процессы сам А. А. Марков назвал сложными цепями. В настоящее время математический аппарат для таких цепей слабо разработан. Он представляет собой так называемое укрупнение состояний путём преобразования предшествующих вероятностей в одно состояние с одной вероятностью. То есть, в любом случае мы имеем дело с влиянием непосредственно предшествующего события, только хронологические рамки этого события произвольно расширены.

Из проведённого анализа проблемы изучения исторической вероятности можно сделать следующие выводы:

Цель построения формулы исторической вероятности для каждого конкретного исторического события (процесса или явления) состоит в том, чтобы построить такие структуры нарратива и найти такие основания для систематизации исторических фактов, которые приблизились бы к наиболее адекватному отражению динамики и взаимосвязей исторических событий. Вероятностный подход к историческому прошлому является не только методом познания, но методом организации изложения материала.

Нарратив, сконструированный в процессе поиска формулы вероятности для каждого конкретно-исторического события, может состоять из следующих компонентов: а) установление доли исключений из ряда повторяющихся реализаций типически похожих исторических возможностей; б) описание соотношения достоверно известной и неизвестной или невозстановимой информации об условиях и факторах, определивших историческую возможность; с) описание соотношения благоприятствующих и неблагоприятствующих осуществлению возможности факторов различного вида и масштаба.

⁵⁷² Эйдельман Н. Я. Апостол Сергей. Повесть о Сергее Муравьёве-Апостоле. М., 1975. С. 255-256.

Для изучения одной и той же альтернативной ситуации следует использовать и частотное понимание вероятности, и логику классического понимания вероятности и логику индуктивной вероятности. Частотную, индуктивную и субъективную вероятности можно интерпретировать как информацию о неких неизвестных и невыявляемых факторах, влияющих на осуществление исторической возможности.

Уменьшение доли исключений из ряда повторяющихся исходов похожих альтернативных ситуаций, уменьшение доли неизвестной и невозстановимой информации, увеличение доли благоприятствующих факторов увеличивает вероятность реализации исторической возможности.

2.5.6. Опыт разработки эмпирического метода измерения исторической вероятности

Выводы, сделанные при поиске синтеза концепций вероятности в историческом исследовании, ценны тем, что их можно использовать для разработки эмпирического метода измерения исторической вероятности.

Допущения, принятые в предлагаемой ниже методике базируются не на математической логике, а на обыденной логике (здравом смысле): чем больше благоприятствующих факторов, и меньше препятствующих, тем вероятнее событие. Этой логикой осознанно или неосознанно руководствуется каждый историк. Принципы предлагаемой методики состоят во включении элементов математической логики в обыденную логику. Такое включение продиктовано следующими соображениями. Если в повседневной жизни мы имеем дело с непрерывно меняющимся потоком информации о событиях и с возможностью влиять на события, то от исторического прошлого сохранилась уже неизменяемая статичная информацию о событиях, на которые мы уже не сможем повлиять. Поэтому мы можем формализовать данную информацию и производить над ней логические операции, не опасаясь, что внешние силы нарушат логику этих операций.

Для вычисления математической вероятности каких-либо элементарных событий базовым является принцип, что вероятность вычисляется при равенности всех прочих неучитываемых условий данных событий. Для исторических событий мы заведомо предполагаем, что условия реализации разных возможностей, скорее всего, нельзя считать равными. Аналогом принципа «при прочих равных условиях» для нашей методики предлагается считать принцип: «вероятность устанавливается при данном объёме известной информации». Основой для такого принципа послужило то, что мы не можем предугадать, приведёт ли открытие новых источников или применение новых методов анализа источников к увеличению количества известных благоприятствующих исторической альтернативе факторов или, напротив, к увеличению количества известных препятствующих факторов.

Сразу оговоримся, что вычисление вероятности в предлагаемой методике не столько цель, сколько средство построения систематизированной картины исторической ситуации.

На первом этапе построения вероятностной картины исторической ситуации предлагается использовать классическую или элементарную концепцию вероятности. Прежде всего, необходимо установить конкретно-историческое содержание и количество событий благоприятствовавших и событий препятствовавших осуществлению какой-либо исторической альтернативы. Соотношение благоприятствовавших и препятствовавших факторов сравнивается отдельно для разных уровней исторической масштабности. Историческую масштабность предлагается измерять в количестве участников событий. Введём следующий порядок уровней исторической масштабности: 1) <10 чел.; 2) 10-100 чел.; 3) 100-1000 чел.; 4) 1000-10 тыс. чел.; 5) 10 тыс. – 100 тыс. чел.; 6) 100 тыс. – 1 млн. чел.; 7) >1 млн. чел.

Границы между уровнями должны быть размыты. В каждом конкретном спорном случае, при решении к какому уровню отнести то или иное событие,

по-видимому, стоит учитывать размеры влияния на все остальные события.

Важно подчеркнуть, что присвоение событию статуса исторического или неисторического не зависит от его масштабности, а только от того, включено ли это событие в деятельность и духовный мир человека.

Для каждого уровня исторической масштабности вычисляется вероятность осуществления исторической альтернативы, в случае решающего влияния на это осуществление событий именно данной масштабности. Вероятность вычисляется как отношения суммы благоприятствующих факторов к сложению всех учитываемых факторов. По соображениям корректности нулю может быть равно только одновременно и количество благоприятствующих, и количество препятствующих факторов, но не одно из них в отдельности. Произведение вероятностей для всех уровней исторической масштабности означает вероятность того, что все перечисленные события могли бы совместно произвести решающее влияние на реализацию исторической альтернативы. Эта вероятность будет мала, так как главное решающее влияние, делающее альтернативу либо неизбежной, либо невозможной, оказывают, скорее всего, события какого-то одного уровня исторической масштабности.

Сравнение всех полученных вероятностей даст информацию об общей вероятности осуществления исторической возможности. Чем больше вероятностей, близких к единице, тем больше общая вероятность осуществления исторической возможности.

В обобщённом виде изложенные принципы представлены в Таблице 1. Конечно, вся информация вряд ли поместиться в одной таблице. Таблица в данном случае – это не более, чем форма компактного представления. Заполнение такой таблицы может дать эффект понимания через описание. Цель такой систематизации исторических данных, помимо измерения исторической вероятности, – создание нового образа исторического прошлого, более насыщенного представлениями о взаимодействиях событий и менее перегруженного литературно-публицистическими лексическими формами, не

имеющими непосредственного отношения к реконструкции образа события. В этой эпистемологической задаче здесь вовсе не усматривается и не подразумевается одна из сверхзадач исторической науки, а всего лишь приём, продуктивный в рамках исследования исторической вероятности. Количество событий, вероятность которых можно вычислять в каждой исторической ситуации, не ограничено.

Поскольку точность вычисленных значений вероятности в данном случае не несёт в себе никакой исторической информации, нам важен только числовой интервал. Интервалам мы будем присваивать лингвистические значения. Предлагается учитывать следующие интервалы значений и соответствующие им наименования: $<0,1$ – почти невозможно; $0,1-0,2$ – очень маловероятно; $0,2-0,4$ – маловероятно; $0,4-0,6$ – вполне вероятно; $0,6-0,8$ – весьма вероятно; $0,8-0,9$ – очень высоковероятно; $>0,9$ – почти неизбежно.

В случае числовых пограничных значений можно называть оба соседних лингвистических значения. Например, если вычисленная вероятность равна « $0,6$ », то можно считать, что осуществление исторической возможности вполне вероятно или весьма вероятно.

При таком подходе к описанию и объяснению исторических ситуаций способ задавать вопрос «могло ли быть иначе?» сливается и отождествляется с ответом на этот вопрос. Так как до конца сформулировав вопрос (заполнив таблицу), мы автоматически получаем ответ. Предлагаемый путь заставит историка «раскрыть все карты» своих неявных, подразумеваемых аргументов и предположений, сделать более точными механизмы исторической верификации и фальсификации.

Понятие «историческая ситуация» на каждом уровне исторической масштабности можно уподобить понятию «испытание» в теории вероятности (например, испытанием может быть подбрасывание монетки). Каждое испытание может закончиться одним, и только одним исходом (элементарным событием), например «монетка упала на орла». Отличие исторической

вероятности от чисто математической, в том, что устанавливается не вероятность учитываемых элементарных событий (они уже заведомо произошли в прошлом), а вероятность того, что эти события содержат в себе достаточные условия для реализации интересующей нас исторической возможности.

Таблица. 1.

исторический масштаб событий	Благоприятствующие факторы	кол-во благоприятствую- щих факторов	Препятствующие факторы	кол-во препят- ствующих факторов	Вероятность решающего влияния событий на осущест- вление альтернативы
<10 несколько человек	Описание события 1 Описание события 2 Описание события n	b1	Описание события 1 Описание события 2 Описание события n	p1	$b1 / b1 + p1$
<100 несколько десятков человек					
<1000 несколько сотен человек					
<10000 несколько тысяч человек					
<100000 несколько десетков тыс. человек					
<1000000 несколько сотен тыс. человек					

События «монетка упала на орла» и «монетка не упала на решку» – зависимые события, то есть первое не может произойти без второго. Только независимые события можно учитывать как отдельные события на одном уровне исторической масштабности. Независимыми исторические события – это события, между которыми не было никаких коммуникативно-информационных взаимодействий. Если события зависимы, то они включаются в одно макрособытие. Назначение предлагаемой методики состоит также в стимулировании поиска адекватного объединения «микрособытий» в множество, которому даётся название одного «макрособытия», и наоборот – разделения одного события на комплекс более мелких событий. Зачем это нужно? Нередко, оперируя в своих описаниях и аргументах макрособытиями, историк не оговаривает ясно и чётко о составе этих макрособытий. Употребляя те или иные наименования событий, историк неявно подразумевает, что другие понимают под этим наименованием то же, что и он. Между тем, это чаще всего не так. На первый взгляд данные суждения могут показаться тривиальными. Их отличие от общепринятых и желательных норм в том, что в контексте предлагаемой методики при учете и описании влияния событий требуется исчерпывающая полнота, а не отбор фактов, иначе вычисления не будут иметь смысла.

Следующий этап изучения вероятностной картины исторической ситуации – это установление величины правдоподобности информации о событиях для каждого уровня исторической масштабности. Степень правдоподобия вычисляется по аналогии с формулой классической вероятности как доля абсолютно достоверных событий ко всем учитываемым событиям. Числовые интервалы значений получают аналогичные наименования: $<0,1$ – совершенно неправдоподобно; $0,1-0,2$ – очень неправдоподобно и т.д. Принципы этого метода показаны в Таблице 2.

В такую таблицу может входить только сохранённая в известных исторических источниках информация о прошлом. Если рассматривается не

вся сохранившееся о событиях информация, то необходимо установить долю используемой информации по отношению ко всей сохранившейся. Что именно мы будем считать единицей информации, зависит от специфики источниковой базы. Единицей может выступать и отдельный документ или материальный предмет, и отдельное упоминание о событии в источнике, и количество слов, описывающих событие.

При этом не может быть задействована информация, которая в принципе может быть добыта, из сохранившихся, но пока ещё никому не известных источников. Не может войти сюда также информация, которая была безвозвратно утрачена и невозстановима. Мы никогда не узнаем содержание исчезнувших по разным причинам исторических источников.

По своим объёмам «утраченная история» неизмеримо многократно превышает сохранённую и добываемую информацию о прошлом. Онтологический статус «утраченной истории» – небытие. Мы бессильны перед главными причинами «перетекания» информации в небытие. Во-первых, – это закон сохранения энергии: чтобы сохранить всю информацию о прошлом потребовались бы новые вселенные. Во-вторых, – это закон необратимости времени: мы не сможем попасть в прошлое и вернуть утраченное из небытия. Однако историки несут ответственность за сохранение уже известных исторических источников, а также за поиск и своевременное (до уничтожения) добывание ещё не утраченной истории.

Таблица 2.

Источниковедческая оценка исторического события	Гносеологический тип информации о событии	Ссылки на исторические источники	Кол-во событий	Степень правдоподобия
Информация о событии упоминается только в одном источнике, но она не зависит от субъективного искажения автором или интерпретаторами, либо информация содержится в нескольких источниках, но они независимы друг от друга	Имеем информацию и достоверно знаем, что больше информации о данном событии не сохранилось		д1	$\frac{д1+д2}{д1+д2+нд1+нд2}$
	Достоверно знаем о существовании информации о событии, но не имеем её		д2	
Информация о событии упоминается только в одном источнике и зависит от субъективного искажения автором или интерпретаторами, либо информация содержится в нескольких источниках, противоречащих друг другу	Имеем информацию о событии, но она может быть недостоверной		нд1	
	Не имеем информации о событии, но знание о её существовании может быть недостоверным		нд2	

Предложенная методика всего лишь инструмент (точнее, пока лишь схема инструмента), а любой инструмент можно использовать и правильно, и неправильно, и с пользой, и во вред. Этот инструмент, безусловно, может подходить к исследованию не всех исторических ситуаций, и не может дать однозначной интерпретации событий. Разные историки, используя эту методику, могут прийти к разному видению одной и той же исторической ситуации. достоинством методики является то, что её многомерность может уменьшить субъективизм в итоговом выводе об исторической вероятности.

Недостатком предлагаемой методики остаётся неапробированность на конкретно-историческом материале. Эта задача выходит за рамки поставленных автором историографических и методологических задач. Важно было поставить задачу создания подобных методов и продемонстрировать их потенциальную продуктивность и эвристичность. Апробирование и корректировка на практике может стать целью последующих изысканий.

Заключение

Подводя итоги, можно констатировать, что альтернативность развития событий в историческом прошлом является не только аналитическим ходом мысли историка, но и обозначает особые конкретно-исторические явления. Идея альтернативности играла важную роль в развитии советской методологии истории, эта важность остаётся актуальной и в современной российской науке, что в целом соответствует тенденциям западной исторической мысли. Главной особенностью изучения проблемы альтернативности является её междисциплинарный характер, требующий синтеза самых различных концепций и методов, а также глубокой методологической рефлексии.

Работы российских историков, рассмотренные в данном исследовании до 2001г. включительно, демонстрируют научную продуктивность идеи альтернативности исторического развития. Не убывающее количество работ по альтернативности в последующие годы показывает, что данная проблематика прочно вошла в дискурс исторического сознания и практику исторической науки.

В развитии исследований альтернативности в отечественной исторической науке можно выделить три периода. Первый период с 60-х до середины 80-х гг. Сюда входят работы таких методологов как А. Я. Гуревич, М. А. Барг, И. Д. Ковальченко, П. В. Волобуев, Б. Г. Могильницкий, Е. М. Жуков и другие. Главенствующей идеей для темы альтернативности в их исследованиях было подчинение свободы воли исторической необходимости. Отбор понятий и аргументов из текстов классиков марксизма был направлен на обоснование этой главной идеи.

Второй период приходится на годы перестройки. В это время наблюдался всплеск интереса к теме альтернативности из-за её актуальности в связи с переломными процессами в обществе. Поле исследований сместилось на ранее запрещённые для изучения в свете альтернативности фрагменты истории. Прежде всего, на становление советского общества и государства. Новой

формой социальной циркуляции идеи альтернативности стали остродискуссионные «круглые столы». К теме альтернативности помимо уже названных авторов обращались Е. Г. Плимак, И. М. Клямкин, В. С. Библер, А. С. Сенявский, Г. Г. Водолазов, Г. Г. Дилигенский, О. Р. Квирквелия, и другие.

Значение советского периода в развитии идеи альтернативности исторического развития состоит в постановке основных проблем связанных с данной темой и выработке путей их решения на методологической платформе марксизма. В постсоветский период используется большая часть выработанных в советский период подходов к изучению альтернативности в истории, но уже в модернизированной и идеологически непредвзятой форме. Главный недостаток в развитии идеи альтернативности в советский период – ограниченность методологической базы, но, несмотря на это, теоретические наработки этого периода после определенной дискурсивной коррекции были интегрированы в современную историческую науку.

М. Я. Гефтер стал первым советским историком, который в изучении проблемы альтернативности истории решился выйти за рамки марксистской методологии. Глубинные, сущностные причины возникновения исторических альтернатив М. Я. Гефтер видел в поступках тех, кто показал, что можно действовать вопреки старым традициям, вопреки сложившимся обстоятельствам. Причём, в данном случае, М. Я. Гефтер рассматривал роль личности как особого феномена, а не просто роль выдающейся личности в истории. В борьбе за свою индивидуальность личность способна вырваться за имеющийся круг альтернатив действия, сохраняя тем самым в обществе саму потенцию подобных поступков. Согласно М. Я. Гефтеру противоборство и альтернативность – это не синонимы. Он понимал альтернативность исторического развития не как выбор между имеющимися тенденциями, а как творчество при создании новых возможностей.

Ещё одним «дискурсивным ответвлением» от марксистской историографии было использование математических методов, которые позволяли советским учёным частично освободиться от идеологических ограничений, и выйти на иной уровень историописания (работы В. Б. Лукова и В. М. Сергеева, Гусейновой А. С., Павловского Ю. Н. и Устинова В. А., Ю. П. Бокарёва и др.). Достоинством этих исследований является принципиальная установка авторов на выработку специфического математического аппарата для изучения каждого конкретного фрагмента исторического прошлого в соответствии со спецификой источниковой базы.

В третий постсоветский период опрокидывание иерархического порядка идей привело к абсолютизации роли исторической случайности и свободы выбора. Функции идеи альтернативности смещаются с идеологических на развлекательные и с общетеоретической плоскости в конкретно-историческую. Здесь можно выделить несколько подходов к теоретическому изучению проблемы альтернативности. В период 1990-х – 2001 годов можно отметить утрату серьёзного интереса к теоретическим аспектам альтернативности в истории со стороны сообщества профессиональных историков, и в то же время рост интереса к этой теме у философов, культурологов и представителей физико-математических наук. У отечественных историков в 1990-е годы уже отпала потребность доказывать, что альтернативность в историческом развитии есть. Это позволило осмыслить с позиций альтернативности всю отечественную историю с древнейших времён до новейшего времени с изучением альтернативных ситуаций от становления русской государственности в конце первого тысячелетия н. э., до разрушения советской государственности в конце второго тысячелетия н. э. Главным образом эти ситуации анализировались через призму взаимодействия тенденций консерватизма и модернизации, авторитаризма и либерализма, коллективизма и индивидуализма.

В постсоветский период в теоретическом изучении альтернативности

исторического развития уже не наблюдается такого единства дискурса, какой имел место в советский период. Историографический анализ позволяет выделить несколько подходов к проблеме альтернативности: культурологические, историософские, социологические, синергетические, математические, и подходы, отнесённые к так называемому движению «фольк-хистори».

В рамках культурологического подхода Ю. М. Лотман выдвигает идею принципиальной непредсказуемости развития культуры в моменты создания нового. Ю. М. Лотман различает взрывные моменты, когда события погружаются в пучок возможностей, и периоды, когда события предопределены уже реализованными в процессе взрыва возможностями.

Историософские подходы М. С. Тартаковского и В. Л. Цымбурского к проблеме альтернативности основаны, на том, что через раскрытие упущенных геополитических возможностей того или иного региона, страны или цивилизации раскрывается смысл их развития. И. В. Бестужев-Лада руководствуются подобными установками по отношению к конкретным историческим событиям, С. А. Экштут – по отношению к судьбам исторических деятелей.

К социологическим можно отнести работы А. В. Коротаева, А. С. Ахиезера и А. А. Родина. Общим для этих работ является понимание социологических закономерностей не как одномерного направления развития, а как многомерного вероятностного пространства-поля возможных вариантов развития, а также толкование альтернативности событий в контексте периодизации и цикличности развития общества.

Идеи синергетики в изучении альтернативности исторического развития используются в работах Ю. М. Лотмана, Я. Г. Шемякина, М. С. Кагана, М. А. Чешкова и др. При наложении концепций смежных естественно-математических наук на историческое познание, прослеживается тривиальный

механический перенос терминологии из одной области в другую, а также искажение понятия энтропии.

В области теории и методологии проблемы альтернативности к началу 2000-х годов принципиально новых разработок, особенно со стороны историков (а не философов), уже не наблюдается. Нет творческого развития уже разработанных концепций. Нет попыток идти по пути синтеза и согласования различных подходов, а, значит, нет и осознания единства проблематики. Не наблюдается активной разработки междисциплинарного методического инструментария для изучения альтернативных исторических ситуаций, адаптированного к специфике исторического познания. Единственная сфера, где тема альтернативности переживала в первое десятилетие XXI века бурное развитие, - это массовое историческое сознание, институализирующееся в Интернете. В этот период создаётся множество web-сайтов и даже интернет-порталов, посвящённых теме исторической альтернативности. Однако подобная популяризация пока лежит вне сферы систематизированного научного критического анализа. Хотя, безусловно, популяризация актуализирует и стимулирует научное изучение проблемы.

Дальнейшее изучение проблемы альтернативности требует обращения к нетрадиционным подходам. При создании систематизированной теоретической базы изучения альтернативности истории наиболее важными для методологического анализа явились категории «свобода воли», «историческая случайность», «историческая возможность», «историческая вероятность», а также анализ проблемы соотношения выбора историка и выбора субъектов исторической деятельности.

Аргумент, что «всё в истории могло быть только так, как и было», не имеет сколько-либо веских оснований и чаще всего является заблуждением или непониманием существа проблемы. Использование идей антиномизма И. Канта показало равнодоказуемость тезиса и антитезиса антиномии свободы и необходимости. Последовательное понимание позитивистского абсолютного

детерминизма, в свою очередь, показало равнонеодоказуемость этих тезисов. Выводы, сделанные в рамках философской традиции интуитивизма (А. Бергсон, Н. О. Лосский, С. А. Левицкий) и экзистенциализма (С. Киркьегор, М. Хайдеггер, Ж. П. Сартр) доказывают сущностную первичность человеческой воли в актах выбора альтернатив действий.

Результатом поиска связи метафизических смыслов свободы воли и её конкретно-исторического изучения стал вывод, о том, что индикатором свободы воли могут служить колебания субъекта выбора между равноценными в его восприятии альтернативами своего поведения. Поэтому исследование исторических альтернатив необходимо начинать с изучения сомнений при принятии решений субъектами исторического действия, со споров между людьми, преследующими одинаковые цели, их сожалений о сделанном. На свободу воли влияет скорость развития событий. В сознании субъекта в момент неизбежности действия может перевесить ценность той альтернативы, которая в действительности оказывается невыгодной и вредной для этого субъекта. Но невыгодность и вредность часто можно оценить только после того, как альтернатива реализовалась. Именно такие закономерности порождают понятие «исторической ошибки» и мотивы «суда над прошлым» в историческом исследовании.

Важной категорией для понимания альтернативности является историческая случайность. Часто историки используют некорректные определения понятия «историческая случайность», с чем связана неадекватное понимание альтернативности в истории. Под корректностью определения понятия подразумевается логическая непротиворечивость и отсутствие избыточности по отношению к другим понятиям. Корректным представляется следующее определение исторической случайности: случайным будет такое влияние одного события на другое, которое, во-первых, являлось результатом акта свободной воли какого-либо субъекта, но не являлось его целью, во-вторых, не являлось устойчивой, повторяющейся связью.

При поиске определения понятия «историческая возможность» достаточно функциональным для использования в эмпирическом конкретно-историческом исследовании является следующее определение: возможность – это такое состояние (или такая ситуация), когда имеется одна часть детерминирующих факторов, но отсутствует другая их часть. Имеющуюся часть детерминирующих факторов можно определить как условия, благоприятствующие реализации возможности, а отсутствующую часть опосредованно установить через реально существующие условия, которые не благоприятствуют или препятствуют реализации возможности. В классификации исторических возможностей выделяются обратимые и необратимые возможности. Обратимость и необратимость – две диалектически неразрывно связанные характеристики для каждой конкретной исторической возможности. Обратимость победы одних социальных сил и тенденций, одновременно может означать необратимость сохранения преимуществ и превосходства противостоящих социальных сил и тенденций. Историческая обратимость порождает новую альтернативность новых событий, а не сохраняет изначальную безальтернативность прежних событий.

Историческая возможность не существует вне исторического сознания. В связи с этим при изучении исторических альтернатив прошлого первостепенное значение приобретает анализ соотношения выбора историка и выбора субъектов исторической деятельности. В качестве исторических альтернатив должны рассматриваться не наши модели «переделанного» прошлого, а варианты действия, которые моделировали в своих намерениях и желаниях исторические деятели или люди, составлявшие социальные группы. Исследовательское поле при изучении исторических альтернатив будет представлять собой пересечение этих вариантов действий, то есть то, как планировали действовать одни индивиды, при условии определённых действий, планируемых другими индивидами или их группами. Если мы не в состоянии установить из-за недостатка источников, что представляла собой

вышеуказанное пересечение вариантов планируемых действий, то допустимо исходить из правдоподобности гипотез относительно желаний и поведения субъектов исторической деятельности. Правдоподобность таких гипотез связана в частности с учётом времени, когда о возможности и вероятности событий, рассматриваемых в качестве альтернатив, преждевременно выносить суждения. Преждевременность связана с тем, что не существует субъектов выбора изучаемой альтернативы, либо эти субъекты ещё не рассматривали анализируемые историком исторические возможности в качестве альтернатив своих действий. В правдоподобных гипотезах историк также не рассчитывает на то, что участники исторических событий станут принимать только оптимально верные решения, так как людям всегда свойственно в чём-то ошибаться из-за недостатка информации и из-за иррациональных мотивов поведения. Будет ошибочным также пытаться судить о мотивах поведения людей исторического прошлого, беря за основу мотивы поведения современных людей. Чтобы избежать этого необходимо по мере возможности восстанавливать ментальность эпохи, в которой развёртывалась та или иная историческая альтернатива.

При изучении соотношения выбора историка и выбора субъектов исторической деятельности в контрфактическом моделировании установлено, что в большинстве гипотетических допущений в контрфактической модели истории, как правило, будут нарушаться несколько взаимосвязанных принципов системного анализа: целостность, эмерджентность и открытость систем. Построить адекватную модель несостоявшейся истории невозможно ни математическими методами (из-за недоопределения всех переменных), ни литературно-художественными приёмами (из-за того, что контекст причинно-следственных связей в исторической ситуации разрушается требованиями развития литературного сюжета по авторскому замыслу). Однако контрфактическое моделирование имеет определённую научную значимость и практическую продуктивность. Они состоят в освобождении от

историографических штампов и стимулировании аналитического подхода к описательным историческим данным. Тем не менее, обращаться к несостоявшейся истории нерационально, если не в полной мере изучена состоявшаяся история.

Изучение альтернативности исторического развития в пределах состоявшейся истории подразумевает изучение исторических вероятностей. Обращение к концепциям вероятностной логики необходимо потому, что историк, рассуждая о возможном, невозможном или неизбежном, неявно и иногда неосознанно использует процедуры некоей вероятностной логики. Эти процедуры можно сделать явными с целью усовершенствовать их, либо доказать их неправомерность применительно к изучению истории. Деконструкция вероятностной логики в историческом познании позволяет выявить несколько типов исторической вероятности.

Частотная (статистическая) вероятность связана с повторяемостью в истории. Эта повторяемость может проявляться, в том, что процессы, происходящие в одной стране, повторяют и подтверждают то, что происходит в другой стране, а также в том, что процессы, происходившие в прошлом, могут нести информацию об аналогичных процессах происходивших позднее. Использовать частоту повторяемости однотипных исторических событий в разных регионах и социальных системах при установлении вероятности исторического события мы будем иметь основания, если примем постулат о том, что человечество – это единая система. В этом, и только в этом случае корректно будет рассматривать повторение в историческом прошлом как одинаковые «исходы» для разных «испытаний» с одним и тем же объектом. Если же мы примем положение, что каждая цивилизация или этнос – это независимые системы, имеющие свои особые закономерности развития, то о повторяемости в истории можно будет говорить только как о цикличности в пределах одной цивилизации, этноса или государства. При рассмотрении повторяемости в истории следует учитывать, что в социальном познании

практически невозможно использовать строгую аналогию, которая требует точного совпадения сравниваемых признаков и независимости признаков от специфики сравниваемых объектов. Поэтому историку в поиске аналогичных исторических альтернатив приходится ограничиваться нестрогой аналогией.

Статистические законы, не показывая необходимости возникновения объясняемого события, не могут объяснить и того, почему произошло именно это событие, а не какое-либо иное. Восполнить эти недостатки может индуктивная вероятность гипотез или степень их доказательности и подтверждаемости. Индуктивная вероятность интерпретируется как степень разумной субъективной уверенности. Использование индуктивной вероятности в связано с использованием при объяснении событий априорных «нормативных», «обобщающих» и «охватывающих» социологических и исторических закономерностей. Недостатком является то, что использование индуктивно-статистических закономерностей предполагает возможность неограниченного увеличения длины ряда повторяющихся исходов, в то время как повторяемость типически схожих исторических явлений и событий имеет ограниченные эпохальные рамки и хронологически фиксирована.

Особенностью изменения во времени вероятности исторической возможности часто является её нелинейный характер. Иногда, чем больше вероятность события в начале альтернативной ситуации, тем меньше она может быть в конце и наоборот. Такое положение вещей обусловлено спецификой исторической вероятности. Субъекты исторического действия сами оценивают шансы достижения своих целей.

Различные факторы, влияющие на одно и то же историческое событие неравнозначны по своему влиянию. Частично, данное нарушение корректности измерения вероятности можно уменьшить, используя так называемый принцип индифферентности: «равно принимать в расчёт равноценные предложения». В отношении исторической вероятности использование принципа индифферентности будет означать отдельный учёт событий с разным

количеством участников (точнее с разнопорядковым количеством – несколько человек, несколько десятков человек, несколько сотен и т.д.), деятелей с разной степенью активности или влиятельности, мотивов с разной степенью важности и т.д.

Обращение к теории нечётки множеств и лингвистических переменных (Л. Заде) позволило сделать вывод, что конкретно-историческое событие может быть описано только как нечёткое размытое множество мелких событий. При этом количественная обработка исторической информации и результаты этой обработки могут и должны описываться на естественном литературном, но строго структурированном языке.

Обращение к теории марковских процессов (А. А. Марков) показало, что историк может неосознанно руководствоваться немарковской логикой, если будет рассуждать о прямой причинной связи между событиями, далеко отстоящими друг по времени. Опровергнуто предположение о продуктивности использования в историческом исследовании логики немарковских процессов (зависимости вероятности события не только от начальных условий, но и от вероятностей предшествующих событий). Память об историческом прошлом не может выступать аналогом немарковских цепей, поскольку представления о вероятностях осуществления уже произошедших событий непостоянны.

Выводы, сделанные при поиске синтеза концепций вероятности в историческом исследовании были использованы автором для разработки эмпирической методики измерения исторической вероятности. Апробирование и корректировка предложенной методики в практике конкретно-исторических исследований может осуществляться всеми, кто заинтересован в изучении альтернативности исторического развития.

Список источников и литературы

Источники

1. Академик П. В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000.
2. Аксёнова Е. П. История: закономерное развитие или хаос альтернатив? (Методологические заметки) / Москв. Гос. Ун-т коммерции. М., 2000.
3. Антипов Т. А. Историческое прошлое и пути его познания. Новосибирск, 1987.
4. Артемов В. А. Германия в период исторических решений: становление политической системы в ФРГ в 1945 - 1949 гг. // НЕСТОР. Историко-культурные исследования. Альманах. Выпуск 3: История на перепутье: поворотные точки и альтернативные пути. Воронеж, 1994.
5. Афанасьев Ю. А. Перестройка и историческое сознание // Иного не дано. М., 1988.
6. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). Т I. От прошлого к будущему. 2-е изд. Новосибирск, 1991.
7. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. (социокультурный словарь) Том III. М., 1991.
8. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т II. Теория и методология. Словарь. Новосибирск, 1998.
9. Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984.
10. Барг М. А. Категория “развитие” в историческом исследовании (опыт системного анализа) // История СССР. 1986. №1.
11. Баткин Л. М. Странная тюрьма исторической необходимости // Одиссей. Человек в истории. 2000. М., 2000.
12. Бестужев-Лада И. В. Не ходил бы Бонапарт на Россию // Поиск. № 47, ноябрь 1999 г.
13. Бестужев-Лада И. В. Ретроальтернативистика в философии истории // Вопросы философии. 1997. №8.
14. Богданов Б. В. Бухарин – теоретик официального социализма // Был ли у России выбор? (Н. И. Бухарин и В. М. Чернов в социально-философских дискуссиях 20-х годов). М., 1996.
15. Бокарёв Ю. П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы: источники, методы исследования, этапы взаимоотношений. М., 1989.
16. Бордюгов Г. А., Козлов В. А. Поворот 1929 года и альтернатива Бухарина // Вопросы истории КПСС. 1988. №. 8.
17. Березный Л. А. Проблема выбора пути // Вестник Ленинградского университета. 1991. Серия 2, вып. 2.
18. Боровинский А М. Реформы 1965 года попытка прорыва // НЕСТОР. Историко-культурные исследования. Альманах. Выпуск 3: История на перепутье: поворотные точки и альтернативные пути. Воронеж, 1994.
19. Бородин Л. И. Историк и математические модели // Исторические записки. 2 (20). М., 1999.
20. Бородин Л. И. История и хаос: модели синергетики в дискуссиях историков // Историческое знание и интеллектуальная культура. Ч. 1. Материалы научной конференции. Москва, 4-6 декабря 2001 г. М., 2001.
21. Бородин Л. И. История, альтернативность и теория хаоса. Материалы "Круглого стола" "История в сослагательном наклонении?" // Одиссей. Человек в истории. 2000. М., 2000.
22. Бородин Л.И., Волков А.Д., Короткевич А.О., Плуготаренко С.А., Прокофьев А.О., Сенченко С.Л. Моделирование динамики взаимодействия в системе “народ-правительство”: модификация модели Вайдлиха // Математическое моделирование исторических процессов. М., 1996.

23. *Борозняк А. И.* "Сталинград — поворот в судьбе миллионов": Вильгельм Раймунд Байер о новом прочтении истории Сталинградской битвы // НЕСТОР. Историко-культурные исследования. Альманах. Выпуск 3: История на перепутье: поворотные точки и альтернативные пути. Воронеж, 1994.
24. *Бунакова В. А.* Альтернативы общественного развития: методические указания по курсу истории. СПб., 1997.
25. *Бутенко А. П.* Был ли неизбежен Октябрь? // Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991.
26. *Волобуев П. В.* Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М., 1987.
27. *Волобуев П. В.* О проблеме выбора путей общественного развития // Вопросы философии. 1984. №1.
28. *Волобуев П. В.* 1917 год: Была ли альтернатива? // Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991.
29. *Гефтер М. Я.* Будущее прошлого // Из тех и этих лет. М., 1991.
30. *Гефтер М. Я.* "История - позади? Историк - человек лишний?" // Вопросы философии. 1993. №9.
31. *Гефтер М. Я.* Многоукладность - характеристика целого // Вопросы истории капиталистической России. Свердловск, 1972.
32. *Гефтер М. Я.* Открытое письмо американскому историку Стивену Коэну // Из тех и этих лет. М., 1991.
33. *Гефтер М. Я.* Сталин умер вчера // Из тех и этих лет. М., 1991.
34. *Гиндин И. Ф.* Социально-экономические итоги развития российского капитализма и предпосылки революции в нашей стране // Свержение самодержавия. М., 1970.
35. *Гинцберг Л. И.* Альтернатива ультралевому курсу Коминтерна (Троцкий в борьбе против германского фашизма - 30-е годы) // Полис. 1991. № 6.
36. *Глушко М. П.* Упущенный шанс: Могла ли Россия избежать трагического исхода? М., 1999.
37. *Гобозов И. А.* Введение в философию истории. М., 1993.
38. *Горинов М. М., Цакунов С. В.* 20-е годы: Становление и развитие новой экономической политики // История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М., 1991.
39. *Горинов С. М.* Альтернативы и кризисы нэпа. К вопросу о социально-экономических проблемах внутрипартийной борьбы в 20-е годы // Вопросы истории КПСС. 1990. № 1.
40. *Гребениченко С. Ф.* Технология обнаружения ситуаций альтернативности в процессах исторической эволюции. М., 1995.
41. *Грецкий М. Н.* Н. И. Бухарин в оценках западных исследователей // Был ли у России выбор? (Н. И. Бухарин и В. М. Чернов в социально-философских дискуссиях 20-х годов). М., 1996.
42. *Гуревич А. Я.* История культуры // Одиссей. Человек в истории. 2000. М., 2000.
43. *Гуревич А. Я.* Об исторической закономерности // Философские проблемы исторической науки. М., 1969.
44. *Гуревич А. Я.* Общий закон и конкретная закономерность истории // Вопросы истории. 1965. № 8.
45. *Гусев К. В.* К вопросу о демократической альтернативе Октября // Октябрьская революция. Народ: её творец или заложник? М., 1992.
46. *Гусейнова А. С., Павловский Ю. Н., Устинов В. А.* Опыт имитационного моделирования исторического процесса. М., 1984.
47. *Данилевский И. Н.* Соблазн альтернативы // Одиссей. Человек в истории. 2000. М., 2000.
48. *Данилов В. П.* "Бухаринская альтернатива" // Бухарин: человек, политик, учёный. М., 1990.

49. *Дмитриев М. В.* Генезис капитализма как альтернатива исторического развития деятельности // *Анналы.* №3. Донецк, 1992.
50. *Долбилов М. Д.* Бюрократы-реформаторы и дворянство в политической борьбе вокруг отмены крепостного права в России // *НЕСТОР. Историко-культурные исследования. Альманах. Выпуск 3: История на перепутье: поворотные точки и альтернативные пути.* Воронеж, 1994.
51. *Думин С. В.* Другая Русь (Великое Княжество Литовское и Русское) // *История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. М., 1991.*
52. *Ерин М. Е.* Трагическая судьба первой немецкой демократии (Генрих Аугуст Вннклер и его история Веймарской республики) // *НЕСТОР. Историко-культурные исследования. Альманах. Выпуск 3: История на перепутье: поворотные точки и альтернативные пути.* Воронеж, 1994.
53. *Желенина И. А.* Историческая ситуация: методология анализа. М., 1987.
54. *Жуков Е. М.* Очерки методологии истории. 2-е изд. М., 1987.
55. *Жуков Е. М.* Закономерности исторического развития общества и перехода от одной общественно-экономической формации к другой // *Вестник АН СССР.* 1967. № 10.
56. *Жуков Е. М., Барг М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. И.* Теоретические проблемы всемирноисторического процесса. М., 1979.
57. *Зубкова Е. Ю.* От 60-х к 70-м: Власть, Общество, Человек.
58. *Зубкова Е. Ю.* После войны: Маленков, Хрущёв и "оттепель" // *История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – нач. XX вв. М., 1991.*
59. *Иванов В. В.* Методологические основы исторического познания. Казань, 1991.
60. *Ионов И. Н.* Исторический субъект и альтернативы социальной деятельности // *Анналы.* №3. Донецк, 1992.
61. *Иоффе Г. З.* 1917 год: упущенная альтернатива // *Россия и современный мир.* 1993. № 2.
62. *Каган М. С.* Синергетика и культурология // *Синергетика и методики науки.* СПб., 1998.
63. *Каграманов Ю.* А могло быть иначе? // *Новый мир.* 1999. № 4.
64. *Катица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г.* Синергетика и прогнозы будущего. 2-е изд. М., 2001. [1-е изд. 1997]
65. *Карначёв М. Д.* Альтернатива графа М. Т. Лорис-Меликова // *НЕСТОР. Историко-культурные исследования. Альманах. Выпуск 3: История на перепутье: поворотные точки и альтернативные пути.* Воронеж, 1994.
66. *Кашин В. Н.* Российское земство в 1864-1918 гг.: его социально-экономическое значение и нереализованный потенциал // *Экономическая история России XIX-XX вв.: Современный взгляд.* М., 2001.
67. *Клямкин И. Н.* Была ли альтернатива Административной системе? // *Политическое обозрение.* 1988. № 10.
68. *Клямкин И. Н.* Какая улица ведёт к храму? // *Новый мир.* 1987. № 11.
69. *Кобрин В. Б.* Иван Грозный. М., 1989.
70. *Кобрин В. Б.* Смутное время – утраченные возможности // *История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – нач. XX вв. М., 1991.*
71. *Ковальченко И. Д.* Возможное и действительное и проблемы альтернативности в историческом развитии // *История СССР.* 1986. №4.
72. *Ковальченко И. Д.* Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984.
73. *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. М., 1987.
74. *Ковальченко И. Д.* Столыпинская аграрная реформа. (Мифы и реальность) // *История СССР.* 1992. № 2.
75. *Кожин В.* Уточнение позиции // *Новый мир.* 1999. №10.
76. *Копылов И. А., Модестов С. А.* Карибский кризис: контрфактическое моделирование возможного исхода // *ЧиновникЪ.* 2000. №4 (10).

77. *Коротаев А. В.* Объективные социологические законы и субъективный фактор. // *Анналы.* №3. Донецк, 1992.
78. *Короткевич А. О., Плуготаренко С. А.* К моделированию динамики политического взаимодействия с учётом информационного фактора: расширение модели Вайдлиха // *Круг идей: макро- и микроподходы в исторической информатике.* Минск, 1998.
79. *Курцев А. Н.* Глобальные цивилизации и локальные субцивилизации: универсальность и альтернативность истории // *НЕСТОР. Историко-культурные исследования. Альманах. Выпуск 3: История на перепутье: поворотные точки и альтернативные пути.* Воронеж, 1994.
80. *Левандовский М. И.* Модели синергетики в исследованиях по социальной истории России конца XIX - начала XX вв.: Дисс. докт. ист. наук: 07.00.09. М., 1999.
81. *Лепехина Г. И.* Насилие или ненасилие? (о формах и методах сопротивления фашистскому режиму в Болгарии) // *НЕСТОР. Историко-культурные исследования. Альманах. Выпуск 3: История на перепутье: поворотные точки и альтернативные пути.* Воронеж, 1994.
82. *Лотман Ю. М.* Изъявление Господне или азартная игра // *Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа.* М., 1994.
83. *Лотман Ю. М.* Клио на распутье // *Наше наследие.* 1988. № 5.
84. *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. М., 1992.
85. *Луков В. Б., Сергеев В. М.* Опыт моделирования мышления исторических деятелей: Отто Фон Бисмарк, 1866-1876 гг. Вопросы кибернетики. Логика рассуждений и её моделирование. М., 1983.
86. *Малинецкий Г. Г.* Нелинейная динамика - ключ к теоретической истории? // *Общественные науки и современность.* 1996. №4;
87. *Малинецкий Г. Г.* Нелинейная динамика и историческая механика // *Общественные науки и современность.* 1997. №2.
88. *Мануйлов В. И.* Был ли возможен другой социализм в России // *Общественные науки и современность.* 1992. №2.
89. Материалы "Круглого стола" "XX век: альтернативы развития" // *Рабочий класс и современный мир*", 1989, №1.
90. Материалы "Круглого стола" "XX век: альтернативы развития" // *Рабочий класс и современный мир*", 1989, №2.
91. Материалы "Круглого стола" "Была ли альтернатива сталинизму" // *Социализм: между прошлым и будущим.* М., 1989.
92. Материалы "Круглого стола" "История: неизбежное и случайное" // *Знание-Сила.* 1980. № 1.
93. Материалы "Круглого стола" "Философия и историческая наука" // *Вопросы философии.* 1988. № 10.
94. Материалы "Круглого стола" Перспективы России в новом тысячелетии // *Газета "Завтра".* 2000. №43 (360).
95. Материалы "Круглого стола": Россия, 1917 год: Выбор исторического пути. М., 1989.
96. *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941 (Документы, факты, суждения). М., 2000.
97. *Миллер А. Ф.* Становление Турецкой Республики. К пятидесятилетию // *Народы Азии и Африки.* 1973. № 6.
98. *Миллер А. Ф.* Турция: актуальные проблемы новой и новейшей истории. М., 1983.
99. *Минц И. И.* О методологических вопросах исторической науки. Вопросы истории. 1964. №3.
100. *Мироненко С. В.* Как Россия в начале XX в. чуть не стала конституционной монархией // *История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства.* М., 1991.

101. Могильницкий Б. Г. Альтернативность в истории советского общества.// Вопросы истории. 1989. №10.
102. Могильницкий Б. Г. Альтернативность исторического развития в ленинской теории народной революции // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 9. Томск, 1974.
103. Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. М., 1989.
104. Могильницкий Б. Г. Историческая альтернативность: методологический аспект.// Новая и Новейшая история. 1990, №3.
105. Могильницкий Б. Г. Некоторые итоги и перспективы методологических исследований в отечественной историографии // Новая и новейшая история. 1993. №3.
106. Моисеев Н. Н. Математика ставит эксперимент. М., 1979.
107. Морозов Л. Ф. Ленинская концепция кооперации и альтернативы развития // Вопросы истории КПСС. М., 1988. № 6.
108. Назаров В. Д. Сослагательность сослагательности рознь // Одиссей. Человек в истории. 2000. М., 2000.
109. Нечкина М. В. День 14 декабря 1825 года. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1975.
110. Никифоров Е. А. К проблеме альтернативности в социальном развитии России // Историческое значение НЭПа. М., 1990.
111. О Методологических вопросах исторической науки // Вопросы истории. 1964. №3.
112. Оболенский А.В. Исторические перекрёстки как объект альтернативной истории. // Одиссей. Человек в истории. 2000. М., 2000.
113. Оболенский А. В. Драма российской истории: система против личности. М., 1994.
114. Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991.
115. Октябрьская революция. Народ: её творец или заложник? М., 1992.
116. Орлов А. С. А был ли шанс? // Отечественная история. 2002. № 1.
117. Пантин В. Исторический путь отечества - случайность или закономерность? Полемиические заметки // Свободная мысль. 1992. № 18.
118. Парамонова М. Ю. “Несостоявшаяся история”: аргумент в споре об исторической объективности? Заметки о книге А.Деманда и не только о ней // Одиссей. 1997.
119. Парамонов В. Н., Калягин А. В., Коротаева Т. В. проблемы альтернатив в отечественной истории XIX-XX веков. Самара, 1992.
120. Переслегин С. Б. Альтернативная история как истинная система. Приложение 2. к книге: Макси К. Вторжение, которого не было. М., СПб., 2001.
121. Переслегин С. Б. Мы попали не в ту историю. Огонек. № 27. 1999.
122. Пернацкий В. И. Альтернативы истории и выбор пути // Свободная мысль. 1997. № 2.
123. Плимак Е. Г., Пантин И. К. Драма российских реформ и революций (сравнительно политический анализ) М., 2000.
124. Плуготаренко С. А. Алгоритмы изменения, идентификации и изменения состояния и динамики развития политической системы в модифицированной модели Вайдлиха // Тезисы VI конференции Ассоциации “История и компьютер”. М., 1998.
125. Плужников О. В. “Советы или парламентская демократия” - СДПГ и проблема власти в начале Германской революции 1418 г. // НЕСТОР. Историко-культурные исследования. Альманах. Выпуск 3: История на перепутье: поворотные точки и альтернативные пути. Воронеж, 1994.
126. Померанц Г. С. История в сослагательном наклонении: [философия революции] // Вопросы философии. 1990. № 11.
127. Прусаков Д. Б. Альтернативность истории и синергетика // Восток=Oriens. М., 1994. № 1. Рец. на кн.: Альтернативность истории / Манекин Р. В., Шемякин Я. Г., Коротаев А. В. и др. Донецк, 1992.
128. Ракитов А.И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М. 1982.

129. *Реутов Г. П., Антипов В. А.* Реформа или революция как политическая альтернатива России: методические указания. СПб., 1994.
130. *Ржешевский О. А.* Упущенная возможность // 1939 год: Уроки истории. Часть II, глава 5. М., 1990.
131. *Рогачевская Л. С.* Альтернативы первому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994.
132. *Рогочёв А. Г.* Альтернативы российской модернизации: сибирский аспект: (1917-1925). Красноярск, 1997.
133. *Родин А. А.* Основания вероятностного моделирования истории. Дисс. канд. филос. наук. 09.00.01. Екатеринбург, 1996.
134. *Савельева И. М., Полетаев А. В.* История и время. В поисках утраченного. М., 1997.
135. *Симонов Н. С.* Демократическая альтернатива тоталитарному НЭПу // История СССР. 1992. № 1.
136. *Симонова М. В.* Политическая система советского общества в начале 20-х годов и дискуссии социалистов об альтернативах её развития. Дисс. канд. ист. наук.: 07. 00. 02. М., 1998.
137. *Старцев В. И.* Альтернатива: фантазии и реальность // Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991.
138. *Сухов А. Д.* Прогресс и история. М., 1983.
139. *Тагиров И. Р.* К вопросу многовариантности исторического процесса. Диалектика соотношения характера власти и способов решения национального вопроса в России в 1917 г. Казань, 1990.
140. *Тартаковский М. С.* Историософия. Мировая история как эксперимент и загадка. М., 1993.
141. *Тонких В. А.* Реформы и реформаторы в исторических судьбах России // НЕСТОР. Историко-культурные исследования. Альманах. Выпуск 3: История на перепутье: поворотные точки и альтернативные пути. Воронеж, 1994.
142. *Трукан Г. А.* Был ли неизбежен Октябрь?: о революционной ситуации в России 1917 г. М., 1991.
143. *Уваров П. Ю.* Вступительное слово к "круглому столу" "История в сослагательном наклонении" // Одиссей. Человек в истории. 2000. М., 2000.
144. *Уваров П. Ю.* Развилки и игральные кости // Одиссей. Человек в истории. 2000. М., 2000.
145. *Фадин А. В.* Модернизация через катастрофу? (Не более чем взгляд...) <http://www.russ.ru:8083/antolog/inoe/fadin.htm>
146. *Философия и методология истории.* М., 1977.
147. *Филюшкин А. И.* Поворот во внутренней политике Ивана Грозного: 1560 или 1564 гг.? // НЕСТОР. Историко-культурные исследования. Альманах. Выпуск 3: История на перепутье: поворотные точки и альтернативные пути. Воронеж, 1994.
148. *Фортунов В. В.* Альтернативность в истории XX века. (1917-1939 гг.) Л., 1991.
149. *Харитонович Д. Э.* Методология и нравственный смысл альтернативной истории // Одиссей. Человек в истории. 2000. М., 2000.
150. *Хвостова К. В.* Гносеологические предпосылки современной количественной истории // Россия и США на рубеже XIX-XX столетия (Математические методы и моделирование в исторических исследованиях) . М., 1992.
151. *Цымбурский В. Л.* Остров Россия. Перспективы российской геополитики // Полис. 1993. № 5.
152. *Цымбурский В. Л.* Остров Россия. Циклы похищения Европы (Большое примечание к "Острову Россия"). <http://www.russ.ru/antolog/inoe/cymbur.htm>

153. *Черняк Е. Б.* Рецензия на книгу Б.И.Макрушина, Г.З.Иоффе, Н.В.Романовского “Три революции в России буржуазная историография”. М., 1977 // Новая и новейшая история. 1978, №6.
154. *Чешков М. А.* Историческая сослагательность, постнеклассическая наука и развивающийся мир // Одиссей. Человек в истории. 2000. М., 2000.
155. *Чешков М. А.* Синергетика: за и против хаоса (заметки о науке эпохи глобальной смуты) // Общественные науки и современность. 1999. № 6.
156. *Шаццлло К. Ф.* Исторические альтернативы в Росси на рубеже двух веков // 1905 год – начало революционных потрясений в Росси XX в. М., 1996.
157. *Шаццлло К. Ф.* Николай II: реформы или революция // История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М., 1991.
158. *Шемякин А. Л.* 1917 год: меньшевистская альтернатива // Полис. 1993. №1.
159. *Шемякин Я. Г.* Теоретические проблемы исследования феномена альтернативности // Анналы. Научно-публицистический альманах. № 3. Донецк, 1992.
160. *Шепелова В. Б.* К проблемам революционно-демократической альтернативы в России (1917 г.) // Из истории революций в России: (Первая четверть XX в.). Вып. I. Томск, 1996.
161. *Эйдельман Н. Я.* Лунин. М., 1970.
162. *Эйдельман Н. Я.* Апостол Сергей. Повесть о Сергее Муравьеве-Апостоле. М., 1975.
163. *Эйдельман Н. Я.* Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII - XIX веков и Вольная печать М., 1973.
164. *Экштут С. А.* “Раздробим монумент Аракчееву”: Опыт контрфактического моделирования исторического прошлого // Вопросы философии. 1996. №10; Экштут С. А. На службе российскому левиафану. М., 1998.
165. *Экштут С. А.* В Поиске исторической альтернативы. М., 1994.
166. *Экштут С. А.* Контрфактическое моделирование, развилки и случайности в русской культуре. Материалы "Круглого стола" “История в сослагательном наклонении” // Одиссей. Человек в истории. 2000. М., 2000.
167. *Экштут С. А.* Надин, или роман великосветской дамы глазами тайной политической полиции. М., 2001.
168. *Экштут С. А.* Проблема поиска исторической альтернативы (опыт историософского осмысления движения декабристов): Дисс. докт. филос. наук: 09.00.11. М., 1995.
169. *Экштут С. А.* Сослагательное наклонение в истории: воплощение несбывшегося. Опыт историософского осмысления // Вопросы философии. 2000. №8.
170. *Юрганов А. Л.* Свойство познания, а не характеристика исторического процесса
171. *Яковенко И.* Так ли уж необходимо действительное или альтернативна ли история? // Знание-сила. 1994. №5.
172. *Ярцев Б. К.* Политико-экономическая платформа российского неонародничества в 20-е гг. // Был ли у России выбор? (Н. И.Бухарин и В. М. Чернов в социально-философских дискуссиях 20-х годов). М., 1996.
173. *Ярцев Б. К.* Социальная философия В. Чернова. // Был ли у России выбор? (Н. И. Бухарин и В. М. Чернов в социально-философских дискуссиях 20-х годов). М., 1996.

Литература

1. *Абрамович С. Л.* Предыстория последней дуэли Пушкина. СПб., 1994.
2. *Азроянц Э. А., Харитонов А. С., Шелепин Л. А.* Немарковские процессы как новая парадигма // Вопросы философии. 1999. №7.
3. *Айвазян С. А., Енюков И. С. Мешалкин Л. Д.* Прикладная статистика: исследование зависимостей. М., 1985.
4. *Аристотель*, Физика, 7, 207, 15.
5. *Аристотель*, Метафизика, Г, 1009а, 35.
6. *Арон Р.* Избранное: Введение в философию истории. М., СПб., 2000.
7. *Артёмова О. Ю.* Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине (по австралийским данным). М., 1987.
8. *Бахтин М. М.* К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984-1985. М., 1986.
9. *Бахтин М. М.* К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984-1985. М., 1986.
10. *Бергсон А.* Непосредственные данные сознания (Время и свобода воли). Собр. Соч. Т. 2. СПб., 1914.
11. *Блок М.* Апология истории. М., 1973.
12. *Веретенников В. И.* Случайность в историческом процессе и статистический метод // Журнал Министерства народного просвещения. 1913. Т. 48, № 11.
13. *Вильчек В. М.* Прощание с Марксом: (Алгоритмы истории). М., 1993.
14. *Витгенштейн Л.* Философские работы. Часть I. М., 1994.
15. *Володихин Д. М.* Новая хронология как авангард фольк-хистори // Новая и новейшая история. 2000. № 3.
16. *Вольтер: Статьи и материалы* // Под ред. В. П. Волгина. М.; Л., 1948.
17. *Вригт Г. Х.* Логико-философские исследования: Избр.тр. М., 1986.
18. *Гайденко П. П., Давыдов Ю. Н.* История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М., 1991.
19. *Гемпель К.* Мотивы и "охватывающие" законы в историческом объяснении // Философия и методология истории. М., 1977.
20. *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. VI. 1958. Т. XIII.
21. *Гольбах П.* Система природы, или о законах мира физического и мира духовного. М., 1940.
22. *Денбиг К.* К вопросу об энтропии, беспорядке и дезорганизации // Знание-Сила. 1995. №9.
23. *Дрей У.* Ещё раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке // Философия и методология истории. М., 1977.
24. *Дуришмид Э.* "Победа, которых могло не быть" СПб., 2000.
25. *Дэвис Н. З.* Возвращение Мартена Герра. М., 1990.
26. *Ерохина М. С.* Историческая личность: современная методика изучения // Метаморфозы истории. Альманах. Выпуск 1. Вена - СПб. - Псков, 1997.
27. *Заде Л. А.* Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближённых решений. М., 1976.
28. *Иванов В. Ю., Огарышев Ф. В., Павловский Ю. Н.* Имитация Конфликтов. М., 1993.
29. *Ивлев Ю. В.* Логика: Учебник. М., 1992.
30. *Ильин И. П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М., 1998.
31. *Ильин И. П.* Постмодернизм. Словарь терминов. М., 2001.
32. *Ионов И. Н.* Российская цивилизация IX – нач. XX века. Учеб. Кн. Для 10-11 кл. общеобразоват. учреждений. М., 1995.

33. *Исаченко А. В.* Если бы в конце XV века Новгород одержал победу над Москвой (Об одном несостоявшемся варианте истории русского языка). Вестник Российской Академии наук. 1998. Т. 68.
34. История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938.
35. История современной России. 1682-1861: Экспериментальное учебное пособие для средних школ / Под ред. В. В. Шелохаева. М., изд. ТЕРРА.
36. *Калинников Л. А.* Проблемы философии истории в системе Канта. Л., 1978.
37. *Кант И.* Критика чистого разума. М., 1998.
38. *Кареев Н. И.* Новая статья о случайности в истории // Научный исторический журнал / Ред. Н.И.Кареев. 1913. № 2 (1914. Т. 1, вып. 2).
39. *Клюг Е.Х.* Княжество Тверское (1247-1485 гг.). Тверь, 1994.
40. *Ключевской В. О.* Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 5. С.
41. *Козеллек Р.* Случайность как последнее прибежище историографии // THESIS. 1994. Вып. 5.
42. Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984.
43. *Колмогоров А. Н.* Вероятность // Философская энциклопедия. М., 1977, Т. I.
44. *Комоедов Ю. В.* Проблема выбора возможностей в историческом процессе (историко-философский аспект). Дисс. филос. Наук: 09.00.03. Краснодар, 1999.
45. *Костюк В. Н.* Изменяющиеся системы. М., 1993.
46. *Коэн С. Бухарин.* Политическая биография. 1888-1938. М., 1988.
47. *Кьеркегор С.* Наслаждение и долг. Киев, 1994.
48. *Кьеркегор С.* Страх и трепет. М., 1993.
49. *Лавров П. Л.* Опыт истории мысли. СПб., 1874.
50. *Лаплас П. С.* Опыт философии теории вероятностей. М., 1908.
51. *Левицкий С. А.* Трагедия свободы. ПОСЕВ., 1984 [фототипическое издание 1958 года].
52. *Левкович-Маслюк Л.* На кромке хаоса и хаоса // Компьютерра. 1998. №47.
53. *Лейбниц Г. В.* Сочинения. М., 1982. Т.1.
54. *Лейбниц Г. В.* Сочинения. М.: Мысль, 1984. Т. 3.
55. *Ленин В. И.* Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. 5-е издание. Т. 27. С. 387.
56. *Ленин В. И.* Новая экономическая политика и задачи полит просветов // Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. 5-е издание. Т. 44. С. 157.
57. *Ленин В. И.* Письмо к Н. Д. Кикнадзе // Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. 5-е издание. Т. 49. С. 320.
58. *Лосский Н. О.* Избранное. М., 1991.
59. *Макси К.* Упущенные возможности Гитлера. М.; СПб., 2001.
60. *Макси К.* Вторжение, которого не было. М., СПб., 2001.
61. *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 119.
62. *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 119.
63. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Том третий. Книга III: процесс капиталистического производства взятый в целом. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.25, Ч. II, С. 354.
64. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Том третий. Книга III: процесс капиталистического производства взятый в целом. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.25, Ч. II, С. 354.
65. *Маркс К.* Капитал. Том третий // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I. . С. 176.
66. *Маркс К.* Письмо к В. И Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19.
67. *Маркс К.* Письмо к Л. Кугельману // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 175.

68. *Маркс К., Энгельс Ф.* Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 102.
69. *Мау В. А.* НЭП в контексте российской революции // НЭП: приобретения и потери. М., 1994.
70. Методологическая функция категории “состояние” в анализе социальных явлений. Горький, 1976.
71. *Мизес Л.* Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. М., 2001.
72. *Мило Д.* За экспериментальную или весёлую, историю // THESIS. 1994. №5.
73. *Моисеев Н. Н.* Предисловие к книге: Гусейнова А. С., Павловский Ю. Н., Устинов В. А. Опыт имитационного моделирования исторического процесса. М., 1984.
74. Монополярный мир (Тайные планы американских глобалистов) // Газета “Завтра”. 2000. № 44 (361).
75. *Монтескье Ш. Л.* Избранные произведения. М., 1955.
76. *Нагель Э.* Детерминизм в истории // Философия и методология истории. М., 1977.
77. *Некрич А.* Отрешившись от страха: воспоминания историка. Лондон, 1979.
78. *Неретина С. С.* История с методологией истории // Вопросы философии. 1990. №9
79. *Николаев А. А.* Принц и сыщик. Большая политика, средняя поэзия и мелкая любовь пореформенной России // Независимая газета от 31.05.2001.
80. Новейший философский словарь. Минск. 1999.
81. *Павловский Г. О.* Невосстановимый Гефтер // Век XX и мир. 1994. № 11-12.
82. *Парамонова М. Ю.* История в сослагательном наклонении: повод для беседы или научная проблема // Одиссей. Человек в истории. 2000. М., 2000.
83. *Перегудов Ф. И., Тарасенко Ф. П.* Основы системного анализа. Томск, 1997.
84. *Петраков Н. Я.* Станут ли просчёты в прошлом уроками для будущего // Вестник Российской академии наук. 2002. № 1. Т. 72.
85. *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения. Том II. М., 1956.
86. *Пойа Д.* Математика и правдоподобные суждения. Т.1-2, М., 1957.
87. *Поликарпов В. В.* “Новое направление” 50-70-х гг.: Последняя дискуссия советских историков // Советская историография. М., 1996.
88. *Поппер К.* Мир предрасположенностей. Две точки зрения на причинность // Философия и человек. Ч. II. М., 1993.
89. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М., 1986.
90. *Промахина И. М.* Количественные методы исследования в работах представителей “новой экономической истории” (США) // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975.
91. *Пятницын Б. Н.* Философские проблемы вероятностных и статистических методов. М., 1976.
92. *Ржешевский О. А.* Учёные Великобритании о виртуальной истории // Одиссей. Человек в истории. 2000. М., 2000.
93. *Риккерт Г.* Философия истории. Спб., 1908.
94. *Сартр Ж. П.* Бытие и ничто Опыт феноменологической онтологии. М. 2000.
95. *Сачков Ю. В.* Вероятностная революция в науке (Вероятность, случайность, независимость, иерархия). М., 1999.
96. Современный философский словарь. Международное изд. “Панпринт”. 1998.
97. *Соловьёв В. С.* Философия искусства и литературная критика. М., 1991.
98. *Соловьёв Э. Ю.* Прошлое толкует нас. М., 1991.
99. Тартаковский Г. Вступительная статья к книге: Н. Я. Эйдельман, Из потаённой истории России XVIII-XIX веков, М., 1993.
100. *Тойнби А. Дж.* Если бы Филипп и Артаксеркс уцелели...// Знание-Сила. 1994. № 8.

101. *Топольский Е.* Дискуссии о применении теории хаоса к истории // Исторические записки. 2 (120). М., 1999.
102. *Фараджев К. В.* Несозданные шедевры и неизбежность дуэли: осмысление В. Соловьёвым гибели А. Пушкина // Вопросы философии. 1999. № 3.
103. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1997.
104. *Хевеши М. А.* Альтернативность и процесс исторического развития // Пути социального прогресса. М., 1991.
105. *Холодковский К. Г.* “Ирония истории” и политическая воля // Полис. 1999. №2.
106. Хрестоматия по истории России 1917-1940: Пособие для учащихся ст. классов с углубл. Изучением истории, гимназий и лицеев / Сост. М. Е. Главацкий, Н. И. Дмитриев и др. / Под ред. М. Е. Главацкого. 2-е изд. М., 1995.
107. *Хук С.* “Если бы” в истории // THESIS. 1994. № 5.
108. *Хьюз С.* Что по мнению историка он знает // Современные тенденции в буржуазной философии и методологии истории. / Сборник статей под Ред. И. С. Кона. Часть 1. М., 1969.
109. *Шанин Т.* Иное всегда дано // Знание-Сила. 1990. № 9.
110. *Шанин Т.* Революция как момент истины. Россия 1905-1907 гг. – 1917-1922 гг. М., 1997.
111. *Шеннон К.* Статьи по теории информации и кибернетике. М., 1963.
112. *Шуков В. А., Хон Г. Н.* Оправдание случайности. М., 1990.
113. *Энгельс Ф.* Анти Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 116.
114. *Энгельс Ф.* Письмо к Й. Блоху // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 395-396.
115. *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 306.
116. *Энгельс Ф.* Письмо к В. Боргиусу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 175-176.
117. *Юдельсон А. В.* Методологический поиск советских историков в 1960-е гг.: к вопросу об “оттаявшем” во время историографической “оттепели” // Образы историографии: сборник статей. М., 2000.
118. *Ancsel E.* Geschichte und Alternativen. Scheidewege des Handelns. Academiai Kiado / Budapest, 1984.
119. *Andreev A., Borodkin L., Levandovski M.* Using Methods of Non-linear Dynamics in Historical Social Research: Application of the Analysis of the Worker's Movement in Pre-Revolutionary Russia // Historical Social Research, 1997. Vol. 22.
120. *Demandt A.* Ungeschehene Geschichte Ein Traktat über die Frage: was wäre geschehen, wenn...? 2. Bearb. Aufl. Gottingen, 1986.
121. *Desai M.* Some Issues in Econometric History // The Economic History Review Second. Series. №2. April. 1968.
122. *Fogel R. W.* Railroads and American Economic Growth: Essay in Econometric History. Baltimore, 1964.
123. *Koselleck R.* Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt a. M., 1979.
124. *Mueller J.* Retreat from Doomsday: The Obsolescence of Major War. — New York: Basis Books, 1989.
125. *Munz P.* The Spares of Time: a New Look at the Philosophy of History. Middletown, Conn, 1977.
126. Virtual History: Alternatives and Counterfactuals. Ed. by N. Ferguson. 2-d ed. London, Papermac, 1998. Первое издание: Picador, 1997.